

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ «СЛОВАРЯ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

Писатели и книжники XI—XVII вв.

Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» в этом томе «Трудов» включают в себя словарные статьи на имена собственные писателей и книжников XI—XVII вв.

Ряд статей посвящен авторам широко известных литературных памятников древнерусской литературы, книжникам, сыгравшим большую роль в истории древнерусской книжности (Владимир Мономах, Петр Бориславич, Нестор Искандер, Григорий Цамблак, Мелетий Смотрицкий, Досифей, Андрей Денисов и др.).

На имена авторов даются и статьи об авторе «Слова о полку Игореве» и о Данииле Заточнике, хотя, в сущности, говорить об этих авторах как об определенных исторических личностях мы не можем. Имя автора «Слова» остается для нас неизвестным, несмотря на все попытки раскрыть его. Не знаем мы ничего также и о Данииле Заточнике. Однако и в «Слове о полку Игореве», и в «Молении» Даниила Заточника образ автора настолько заполняет собой весь текст произведений, что вполне закономерно в заглавии словарной статьи ставить не название памятника, а автора его. Не случайно существует так много всевозможных догадок и гипотез об авторе «Слова», о том, кто такой был Даниил Заточник.

Основную часть публикуемых материалов составляют статьи о лицах, игравших второстепенную роль в литературном процессе Древней Руси, подчас малоизвестных не только широкому кругу читателей, но и специалистам. Тем ценнее и важнее для науки материалы о книжниках такого рода, собранные воедино и дающие исчерпывающие сведения об их книжной и литературной деятельности по состоянию данных науки на сегодняшний день.

На первый взгляд может показаться, что подобного рода подборка носит случайный характер. Не следует, однако, забывать, что это лишь часть словарных материалов. Кроме того, несмотря на разнохарактерность этих статей, на широкий временной диапазон, который они охватывают, на различия в значении, которое играли в истории древнерусской литературы и книжности входящие в эту подборку древнерусские писатели и книжники, все эти статьи могут быть объединены в отдельные группы, которые отражают разные стороны литературного процесса Древней Руси.

Ряд включенных в публикуемые материалы авторов — древнерусские агиографы (Василий-Варлаам, царевич Иван Иванович, Иона, Иринарх Глушицкий и др.). Агиография была одним из основных жанров древнерусской литературы, и чем больше соберем мы сведений о древнерусских агиографах, тем полнее раскроется перед нами литературная история этого жанра.

В истории древнерусской культуры и литературы огромную роль играли книгописцы. «Словарь книжников и книжности Древней Руси», конечно, не может включить в себя перечень всех древнерусских писцов, известных к настоящему времени по рукописным материалам. Однако те книгописцы, которые не только выступали в роли переписчиков книг, но

и имели определенное значение в истории книжного дела Древней Руси, в словарь включаются. Целый ряд таких имен фигурирует в публикуемых материалах (Василий Возмицкий, Герасим Замытский, Герасим Черный, Герман Подольный и др.).

В литературном процессе Древней Руси большую роль играла переводная литература. Для раннего периода древнерусской литературы имена переводчиков остались неизвестны и переводные памятники этого времени войдут в словарь под названиями их, но XVII век оставил нам сведения о многих переводчиках. Их имена и характеристика их переводческой деятельности зафиксированы в ряде статей данной публикации (Венедикт, Иван Гуданский, Дамаскин и др.).

Довольно широко представлены в публикуемых материалах сведения о литературно-книжной деятельности старообрядцев (Кузьма Ларионов, Марина, Пахомий, Трифон Петров и др.). Сведения о лицах этой группы книжников, тесно связанных с традициями древнерусской литературы и книжности и крестьянской культуры, трудно найти как в старых, так и в новых словарях, а между тем их деятельность играла большую роль в истории русского крестьянства. Поэтому данные о книжниках-старообрядцах представляют большой интерес, как для историков русской литературы, так и для историков русской общественной мысли XVII—XVIII вв.

Ряд лиц, включенных в состав предлагаемой публикации, сыграли малозаметную, в определенной степени случайную роль в истории древнерусской книжности (Ксения Годунова, Софья Алексеевна и некоторые другие). Однако сами они, как исторические личности, представляют значительный интерес для русской истории. Поэтому даже минимальная причастность их к литературным явлениям своего времени заслуживает внимания, и их имена полноправно должны входить в такого рода словарь.

Помимо непосредственных историко-биографических сведений и характеристики литературной или книжной деятельности в ряде статей даются уточнения и исправления данных о том или ином авторе либо книжнике, которые сообщаются предшествующими справочными изданиями (см. статьи об Арсении Сатановском, Вассиане — епископе тверском и др.).

Таким образом, публикуемые материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси» должны дать представление о характере статей этого словаря, посвященных древнерусским писателям и книжникам.

Л. А. Дмитриев

Автор «Слова о полку Игореве». Мы располагаем бесспорными свидетельствами того, что «Слово о полку Игореве» (далее: Сл.) было известно в Древней Руси. В слегка измененном виде цитата из Сл. была включена в послесловие к псковскому Апостолу, переписанному в 1307 г. *Домидом*. Сл. послужило основой «*Задоницы*». Но ни в этих текстах, ни в самом Сл., ни в каких-либо других источниках нет данных об авторе Сл. Основным источником наших представлений о нем является только текст самого произведения.

Поэтическая система Сл., лексика и фразеология произведения свидетельствуют о том, что Сл., хотя оно и отличается неповторимостью и оригинальностью, самым тесным образом связано с книжной культурой Руси XI—XIII вв. (см.: Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968). Автор Сл. был человеком широкой начитанности, хорошо разбиравшимся в исторической литературе своего времени, в памятниках книжной культуры своей эпохи (В. Ф. Миллер, В. М. Истрин, В. Н. Перетц, М. Д. Приселков, В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев). Д. С. Лихачев убедительно обосновывает предположение, впервые высказанное М. Д. Присел-

ковым, о прекрасном знании автором Сл. основного исторического памятника Древней Руси — *Повести временных лет*. Он отмечает, что уже самый выбор автором Сл. из ПВЛ наиболее поэтических описаний исторических событий прошлого обнаруживает в нем внимательного и чуткого читателя. Многие художественные образы Сл. близки к устной народной поэтике, но это свидетельствует лишь о широком кругозоре автора Сл., а не о фольклорном характере самого произведения. Исторические песни служили автору Сл. не только поэтическими образцами, но в еще большей степени источниками исторических сведений. Автор Сл. в равной степени пользуется как историческими данными летописей, так и устно-эпическими преданиями. С летописцами автора Сл. объединяет стремление найти первопричину всех происходящих в его время событий, прежде всего княжеских усобиц. Но, как отмечает Д. С. Лихачев, «автор „Слова о полку Игореве“ не историк и не летописец, он не стремится хотя бы в какой-либо мере дать представление о русской истории в целом. Он предполагает знание русской истории в самом читателе. И вместе с тем его отношение к событиям современности в высшей степени исторично» (Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура..., с. 113). Весьма показательно в этом отношении «Злато слово» Святослава. Это обращение автора Сл. ко всем русским князьям, вложенное им в уста великого князя киевского, являлось призывом к конкретным князьям создать конкретный союз против Степи. Но обращение это имело и более широкую функцию. Оно призывало к идейному единству всех русских князей в исторической перспективе. Как пишет Д. С. Лихачев, «подлинный смысл призыва автора „Слова“, может быть, заключался не в попытке организовать тот или иной поход, а в более широкой и смелой задаче — объединить общественное мнение против феодальных раздоров князей, заклеить в общественном мнении вредные феодальные представления, мобилизовать общественное мнение против поисков князьями личной славы, личной чести и мщения или личных обид. Задачей „Слова“ было не только военное, но и идейное сплочение русских людей вокруг мысли о единстве Русской земли» (Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура..., с. 148—149). Не случайно поэтому К. Маркс писал: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 29, с. 16).

Прекрасная осведомленность автора Сл. в политической обстановке описываемого им времени, точность в изображении целого ряда незначительных реалий, самый характер авторского отношения к описываемым событиям — все это говорит о том, что Сл. писалось вскоре после изображения в нем события — похода Игоря Святославича, князя новгород-северского, на половцев в 1185 г. Так, например, обращаясь к Всеволоду III Большое Гнездо, автор Сл. говорит: «Ты бо можеша Волгу веслы раскропити». В этом кратком иносказании — намек на поход Всеволода в 1183 г. на волжских болгар. В обращении к тому же Всеволоду говорится: «Ты бо можеша посуху живыми шерешы стрѣляти — удалыми сыны Глѣбовы». И за этим поэтическим образом стоит вполне реальная историческая ситуация: сыновья Глеба Ростиславича Рязанского в 1180 г. «целовали крест» Всеволоду «на всей его воле» и в 1183 г. принимали участие в походе на волжских болгар. Столь обобщенные поэтические иносказания могли быть употреблены только современником и без комментариев были ясны только для современников. А подобных примеров в Сл. очень много. По мнению В. М. Истрина, намеки на политические и государственные события, рассеянные по всему Сл. и понятные лишь людям, близким к этим событиям, были одной из причин того, что Сл. не получило широкого распространения среди последующих древнерусских читателей: смысл таких, образно описанных фактов был им уже непонятен.

Вопрос о времени написания Сл. решается исследователями неоднозначно. Автор Сл. ведет свой рассказ «до нынѣшняго Игоря»; следовательно, безусловно можно утверждать, что Сл. было написано при жизни Игоря (ум. 1202). В. М. Истрин датировал создание Сл. периодом «вскоре после возвращения Игоря из плена, до 1193 г., года смерти великого князя Святослава Всеволодовича» (Истрин В. М. Очерк истории..., с. 184). Ряд исследователей датируют Сл. отрезком времени с 1185 по 1187 г. Наиболее широко распространена датировка памятника 1187 г., при этом очень узким отрезком времени. В конце Сл. провозглашается здравица: «Слава Игорю Святъславличу, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу». Из этого делается заключение, что Сл. было написано после возвращения Владимира Игоревича из половецкого плена — в сентябре 1187 г. Среди князей, к которым обращается автор Сл. (встать «за землю Русскую, за раны Игоревы»), назван Ярослав Осмомысл — Ярослав Владимирович Галицкий, который умер 1 октября 1187 г. Поэтому Сл. датируется осенью 1187 г.: после возвращения Владимира из плена и до того, как стало известно о смерти Ярослава Осмомысла.

Однако имеется ряд возражений против такой датировки Сл. Прежде всего, как считают противники такой датировки, слишком незначителен отрезок времени между возвращением из плена Владимира Игоревича и датой смерти Ярослава Галицкого, поэтому эти даты не могут служить убедительным аргументом. Кроме того, если принимать во внимание эти аргументы, то необходимо обратить внимание и на фразу о Владимире Глебовиче: «...а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову»; т. е. здесь говорится о ранении Владимира Глебовича, но не сообщается о его смерти, а он умер от ран (о которых говорит Сл.) 18 апреля 1187 г. Следует отметить, что существует гипотеза, согласно которой время возвращения Владимира на Русь должно датироваться 1188 г. вместо 1187 г., а время смерти Ярослава Осмомысла — действительно 1187 г. (см.: Березков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963, с. 75—76, 83—84, 196, 198, 203—204). Если выводы Н. Г. Березкова верны, то соотношение дат возвращения Владимира Игоревича и смерти Ярослава Осмомысла не имеет значения для датировки Сл. Таким образом, Сл. могло быть написано либо до событий 1187 г., либо уже после них: и Ярослав Осмомысл, и Владимир Глебович ретроспективно названы как действительно жившие в 1185 г. люди независимо от времени написания Сл.

Целый ряд исследователей датируют Сл. 1185 г. Еще М. А. Максимович высказал предположение, что часть до рассказа о возвращении Игоря из плена была создана в 1185 г., а остальная часть памятника — в 1186 г. Эту мысль развил В. В. Каллаш, который считал, что Сл. состоит из двух частей: первая оканчивается плачем Ярославны, вторая — остальной текст Сл. до конца; «обе части возникли одна за другой с небольшим промежутком, в конце 1185 и начале 1186 г.»; при этом, считает Каллаш, памятник был создан до возвращения Владимира Игоревича из плена и до смерти Владимира Глебовича (Каллаш Вл. Несколько догадок..., с. 347). Если признать, что «здравица» в честь Владимира Игоревича могла быть провозглашена и в то время, когда он еще не вернулся из половецкого плена (где он, в сущности, жил не как пленник, ибо женился на дочери хана Кончака), то единственной датирующей приметой останется время бегства из плена Игоря, вероятнее всего — лето 1185 г. А. И. Лященко датировал время написания Сл. осенью 1185 г., когда Владимир Глебович еще не оправился от ран («туга и тоска сыну Глѣбову»). С датировкой Лященко согласился А. И. Соболевский, но он считал, что осенью 1185 г. написана только часть Сл., заканчивающаяся плачем Ярославны (Соболевский А. И. К слову о полку Игореве. — ИпоРЯС, 1929, т. 2. кн. 1, с. 184—186).

А. В. Соловьев и Б. А. Рыбаков относят написание Сл. к 1185 г. По мнению Б. А. Рыбакова, важной хронологической приметой является

приведенная выше фраза Сл. о сыновьях Глеба Ростиславича Рязанского в обращении к Всеволоду Большое Гнездо. В конце 1185 г. Глебовичи поссорились с Всеволодом. Следовательно, заключает Б. А. Рыбаков, Сл. было создано до того, как в южной Руси узнали о распри между Всеволодом и его вассалами — Глебовичами. Сл. было написано сразу же после возвращения Игоря из плена (по мнению Б. А. Рыбакова — июль — август 1185 г., см.: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники, с. 274—278).

Н. С. Демкова датирует Сл. серединой 90-х гг. XII в. Она считает, что верхней границей написания Сл. является май 1196 г. — время смерти Всеволода Святославича: «здравца» в его честь в конце Сл. бесспорно свидетельствует о создании Сл. до его смерти. Нижняя граница — июль 1194 г., время смерти великого князя киевского Святослава Всеволодовича. По мнению Н. С. Демковой, отсутствие «здравцы» ему в конце Сл. и характер «сна Святослава» в Сл. говорят о том, что произведение писалось после его смерти. Политическая ситуация периода 1194—1196 гг. соответствует многим характеристикам и образам Сл. (см.: Демкова Н. С. К вопросу о времени написания «Слова о полку Игореве». — Вестник ЛГУ, 1973, № 14. История, язык, литература, вып. 3, с. 72—77). Б. И. Яценко полагает, что та политическая характеристика Игоря, которая дается ему в Сл., не могла возникнуть в 1194—1196 гг., как считает Н. С. Демкова. По его мнению, характер отношения автора Сл. к Ярославу Всеволодовичу Черниговскому и наименование Чернигова «отним столom» Игоря свидетельствуют о написании Сл. после смерти Ярослава Черниговского (1198 г.). Время написания Сл. уточняет хвалебная характеристика волынского князя Романа. Это, считает Б. И. Яценко, могло иметь место до 1199 г., когда Роман захватил Галич и стал врагом Игоря и его сыновей, внуков Ярослава Осмомысла Галицкого, претендовавших на галицкое наследство. По мнению Яценко, Сл. «было написано в 1198—1199 гг., после вокняжения Игоря Святославича в Чернигове и до захвата Романом Мстиславичем Галича» (Яценко Б. И. Солнечное затмение в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 31, с. 122).

Д. Н. Альшиц высказал предположение, что Сл. должно было быть написано после поражения на Калке, т. е. после 1223 г., но до 1237 г. — до Батыева нашествия (см.: Альшиц Д. Н. Ответ на вопрос № 7 к IV съезду славистов. — В кн.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958, с. 37—41). Свообразным развитием и продолжением предположения Д. Н. Альшица явилась гипотеза Л. Н. Гумилева, который отнес время создания Сл. к середине XIII в., видя в нем аллегорическое изображение событий 1249—1252 гг. (см.: Гумилев Л. Н. Монголы XIII в. и «Слово о полку Игореве». — В кн.: Географическое общество СССР. Доклады Отделения этнографии, вып. 2. Доклады 1962—1965 гг. Л., 1966, с. 55—80).

Одни считают, что автор Сл. был участником похода Игоря и вместе с ним находился в плену; другие источник сведений автора Сл. о перипетиях боя, об обстоятельствах пленения и бегства из плена Игоря видят в том, что автор Сл. мог слышать все это от очевидцев событий или же от самого Игоря. С уверенностью ответить на этот вопрос вряд ли удастся. По мнению Д. С. Лихачева, в основе рассказа о событиях похода Игоря и в Сл. и в летописной повести *летописи Ипатьевской* лежит общий источник. Этим объясняется близость Сл. и летописной повести, между которыми нет непосредственной взаимозависимости, не только в отдельных деталях фактического характера, но и в интерпретации событий, причем в интерпретации явно поэтической. Только в Сл. и летописной повести называется река Каяла. В Сл. Святослав, узнав о поражении Игоря, «изрони злато слово с слезами смѣшено»; в летописной повести — «Святослав же, то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ

своих и рече...». Д. С. Лихачев высказывает такое предположение об этом общем источнике: «И летопись, и „Слово“ — оба зависят от молвы о событиях, от славы о них. События „устроились“ в молве о них и через эту молву отразились и тут, и там. В этой молве отразились, возможно, и какие-то обрывки фольклора — половецкого или русского» (Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура..., с. 125).

Еще Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» (Пб., 1816, т. 3, с. 215) высказал убеждение, что Сл. написано, «без сомнения, мирянином, ибо монах не дозволил бы себе говорить о богах языческих и приписывать им действия естественные». Со времен Карамзина в данном вопросе иных точек зрения не было. То обстоятельство, что автор Сл. неоднократно и свободно упоминает в своем произведении языческих богов, дало основание ряду исследователей утверждать о вере автора Сл. в языческих богов. С этим нельзя согласиться. Упоминаемые в Сл. языческие божества — символы природы, художественные образы. То же самое следует сказать и об одушевлении автором Сл. природы — это отражение не религиозных представлений автора Сл., а его поэтического мышления. О христианском мировоззрении автора Сл. писали многие исследователи. Как отмечает Д. С. Лихачев: «автор „Слова“ — христианин, старые же дохристианские верования приобрели для него новый поэтический смысл. Он одушевляет природу поэтически, а не религиозно. Христианские представления для автора „Слова“ лежат вне поэзии. В ряде случаев... он отвергает христианскую трактовку событий, но отвергает ее не потому, что он чужд христианства, а потому, что поэзия связана для него еще пока с языческими, дофеодальными корнями. Языческие представления для него обладают эстетической ценностью, тогда как христианство для него еще не связано с поэзией, хотя сам он — несомненный христианин (Игорю помогает бежать из плена бог, Игорь по возвращении едет к Богородице Пирогощей и т. д.)» (Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура..., с. 80).

В 1859 г. Д. И. Иловайский высказал предположение о существовании в Древней Руси придворно-княжеской поэзии. В авторе Сл. он видел представителя такого рода поэтов (Иловайский Д. И. Несколько слов по поводу вопроса о древней русской поэзии. — Русское слово, 1859, № 12, с. 515—520). Положение о принадлежности автора Сл. к высшей дружинной среде, к классу боярства в настоящее время можно считать общепризнанным. Это подтверждается высокой образованностью автора и его осведомленностью в политических делах и родовых связях князей и княжеств, его прекрасным знанием военного дела (об исключительно широкой, профессиональной осведомленности автора Сл. в военных вопросах своего времени см. в книге генерал-лейтенанта инженерно-технической службы В. Г. Федорова). Социальная принадлежность автора Сл. к правящему классу не помешала ему отразить в своем произведении глубоко народные идеалы. Народность автора Сл., как отмечал акад. Б. Д. Греков, проявилась прежде всего в том, что автор Сл. «вполне объективно рисует перед нами картину тогдашней Руси и, насколько позволяет характер его труда, по-своему совершенно правильно передает нам причины, приведшие Русь к состоянию феодальной раздробленности» (Греков Б. Д. Автор «Слова о полку Игореве» и его время, с. 12). Столкнувшись с знанием дела рисует автор Сл. картины сражений, создает яркие образы князей и дружинников, но с не меньшей силой и симпатией рассказывает он и о том, как во времена княжеских междоусобиц «рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто вранѣ граяхуть», как терзают половцы Русскую землю, рипувшись на нее, «аки пардуже гнѣздо» (словно выводок гепардов), после поражения Игоря. Автору Сл. близка и понятна горечь русских женщин, оплакивающих своих мужей и сыновей, костями которых засеваются поля. С не меньшим мастерством и искусством, чем воинской терминологией, пользуется автор Сл. терминологией сельскохозяй-

ственного и ремесленного обихода. Все это, помимо близких к устному народному творчеству поэтических приемов, свидетельствует о близости автора Сл. к заботам и идеалам простого человека его времени.

Если большинство исследователей более или менее сходятся в вопросе о социальном лице автора Сл., то в вопросе о том, к какому из князей, к какому из княжеств тяготеют его симпатии, имеется несколько точек зрения. Автор Сл. осуждает безрассудность похода Игоря, так как поход этот, хотя в основе его и лежали благородные цели, был не продуман, закончился поражением, вызвал волну набегов половцев на русские княжества. Но мы не можем не видеть, какую глубокую симпатию питает автор Сл. к своему герою, к его брату «буй-туру» Всеволоду, ко всему «гнезду» Ольговичей — потомкам Олега Святославича (названного в Сл. то ли с укоризной, то ли сочувственно «Гориславичем»), родоначальника черниговских князей. Эти черты Сл. являются основой гипотезы, считающей автора Сл. черниговцем, дружинником черниговских князей, скорее всего членом дружины Игоря Святославича. Сторонниками этой гипотезы из наиболее известных исследователей Сл. являются О. Огоновский, Д. И. Иловайский, М. Д. Приселков, М. Н. Тихомиров.

Другие исследователи (В. Каллаш, П. В. Владимиров, А. И. Лященко) предполагают, что автор Сл. был киевлянин, близкий к киевскому князю Святославу Всеволодовичу человек. Основой этого предположения служат такие доводы: автор Сл. осуждает поход Игоря и вместе с тем вопреки действительному историческому значению восхваляет киевского князя Святослава; отображение в Сл. общерусских интересов скорее всего могло иметь место в том случае, если Сл. создавалось в Киеве. Киевлянином считает автора Сл. Б. А. Рыбаков. Автор Сл. смотрел на события как представитель Киева, но это был «политик и историк, искавший причины явлений и смотревший на события с общерусской позиции» (Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве», с. 184).

Существует как бы средняя между этими двумя гипотезами точка зрения. Сторонники ее (С. А. Адрианов, А. В. Соловьев) считают, что автор Сл. — черниговец по происхождению, но произведение свое написал в Киеве. А. В. Соловьев, особенно тщательно и обстоятельно рассмотревший этот вопрос, предполагает, что автор Сл. был придворным певцом Святослава Всеволодовича, пришедшим вместе с князем в Киев из Чернигова (Святослав сел на киевский стол в 1180 г., а до этого княжил в Чернигове). Особая близость автора Сл. к Святославу и его семейству подтверждается, как считает А. В. Соловьев, осведомленностью автора Сл. в делах Полоцкого княжества: княгиня Мария, жена его сюзерена Святослава, была правнучкой Всеслава Полоцкого, поэтому придворный певец был внимателен и к семейным полоцким традициям. И. И. Малышевский считал, что автор Сл. происходил из южной Руси, прекрасно знал Тмутаракань и бывал во многих других местах Древней Руси. По Малышевскому, автор Сл. — странствующий книжный певец, подобный упоминаемому в Галицко-Волынской летописи певцу *Орю* и книжнику *Тимофею*.

Ряд исследователей полагают, что автор Сл. был выходцем из Галицко-Волынской Руси. Согласно этому предположению, автор Сл. был дружинником Ярослава Осмомысла и пришел в Новгород-Северский к Игорю в свите его жены Ефросиньи Ярославны, дочери Ярослава Осмомысла. О галицко-волынском происхождении автора Сл., как считают исследователи, придерживающиеся этой точки зрения (О. Партыцкий, А. С. Петрушевич, А. С. Орлов, Л. В. Черепнин), свидетельствуют язык произведения, близость Сл. по стилю к Галицко-Волынской летописи (см. *летопись Ипатьевская*), панегирическое отношение к Ярославу Осмомыслу (Партыцкий пытался доказать, что автор Сл. происходил из карпатских лемков).

М. С. Грушевский выдвинул гипотезу о двух авторах Сл.: до рассказа о бегстве Игоря из плена (до слов: «Прысну море полунощи...») автором был один человек — представитель киевской дружины и сторонник Святослава, а с этих слов и до конца — другой, близкий к Игорю, так как в этой части произведения, по мнению М. С. Грушевского, имеется явно преувеличенное восхваление Игоря, противоречащее первоначальному осуждению. Вопрос о «составном» характере текста Сл. ставился целым рядом исследователей. Гипотезы о одновременном создании различных частей Сл. приведены выше, при рассмотрении проблемы времени написания произведения. Но есть, помимо Грушевского, сторонники и той точки зрения, что Сл. составлено из текстов, созданных в разное время разными авторами. И. Франко в 1907 г. пытался обосновать свой взгляд на Сл. как на дружинную песню, составленную из нескольких песен, сложенных несколькими певцами в разное время (Песня о походе Игоря, Песня о Всеславе Полоцком, Песня о смерти Изяслава и др.). Создатель Сл., по И. Франко, — редактор, скомпилировавший все эти материалы в единое целое.

Сводом когда-то существовавших отдельно песен, из которых две являются основными, считал дошедший до нас текст памятника Е. А. Ляцкий. «Обе основные песни — об Игоре и Святославе — подверглись в некоторых своих частях переработке, сокращениям и многочисленным дополнениям из элементов старых песен и пословиц, причем некоторые строфы, может быть по вине переписчиков, нередко искажались и попадали не на свои места. Таким образом, известный нам текст, сохраняя в общем строфы двух оригинальных песен-поэм конца XII в., сохранил вместе с тем и следы некоего объединителя, композитора-редактора. Этот редактор — будем называть его слагателем „Повести“ — задался целью сопоставить упомянутые песни в одном произведении, иллюстрировать их песнями отдаленной старины о князьях Олеге Святославиче, Всеславе Полоцком и Изяславе Васильковиче, попутно захватить и отрывки из песен о князьях современных, и подчинить всю эту смесь одной величавой и высокой идее свободы и единства Руси» (Ляцкий Е. «Слово о полку Игореве»..., с. 55—56). Ляцкий считает, что Сл. было сложено в два приема. Сначала поэт, сторонник Игоря и участник похода, сложил первую песнь, чтобы показать доблесть князя и тем оправдать в глазах современников его поход. В ответ на эту песнь просвещенный боярин, близкий к Святославу, из песен, распевавшихся придворными певцами, сложил особую поэму о Святославе. Вторая часть произведения (плач Ярославны, плен и возвращение Игоря) создавалась позже, по возвращении Игоря из плена. «...первая часть песни, — пишет Е. Ляцкий, — была сложена до возвращения Игоря, вторая под непосредственным впечатлением его рассказа о возвращении, обе вместе — не позже 1187 года» (там же, с. 128). Сл. предназначалось для пения и написано стихами.

Обилие гипотез о месте возникновения Сл. свидетельствует о сложности локализации Сл., приурочения его к определенному политическому центру. И едва ли мы сможем дать удовлетворительный ответ на этот вопрос. Разумеется, автор Сл. жил в определенном месте, занимая определенную ступень социально-иерархической лестницы своей эпохи. Но кроме предположений, основанных только на тексте самого произведения, сказать что-либо окончательно сформулированное и определенное мы не можем, ибо значение всякого генального произведения не определяется только социально-биографическим местом писателя в обществе. Поэтому прав Д. С. Лихачев, когда на вопрос, кем был автор Сл., отвечает: «Автор „Слова“ мог быть приближенным Игоря Святославича: он ему сочувствует. Он мог быть и приближенным Святослава Киевского: он сочувствует и ему. Он мог быть черниговцем или киевлянином. Он мог быть дружинником: дружинными понятиями он пользуется постоянно.

Он, несомненно, был книжно образованным человеком, и по своему социальному положению он вряд ли принадлежал к эксплуатируемым классам населения. Однако в своих политических воззрениях он не был ни „придворным“, ни дружинником, ни защитником местных интересов, ни идеологом князей, бояр или духовенства. Где бы ни было создано „Слово“ — в Киеве, в Чернигове, в Галиче, в Полоцке или в Новгороде-Северском, — оно не воплотило в себе никаких областных черт. И это произошло в первую очередь потому, что автор „Слова“ занимал свою, независимую от правящей верхушки феодального общества патристическую позицию. Ему были чужды местные интересы феодальных верхов и были близки интересы широких слоев трудового населения Руси — единых повсюду и повсюду стремившихся к единству Руси» (Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве: Историко-литературный очерк. 2-е изд., с. 144).

Невозможность окончательного и исчерпывающего ответа на вопрос об авторе Сл. на основе данных текста самого произведения объясняет разнообразие попыток отождествить автора Сл. с каким-либо определенным лицом, известным по другим источникам конца XII—начала XIII в.

В 1846 г. Н. Головин пытался доказать, что автором Сл. был «премудрый книжник Тимофей», упоминаемый в записи под 1205 г. в Ипатьевской летописи. В записи сообщается, что Тимофей родом из Киева; в ней приводится текст сказанной им «притчи», из которой явствует, что это был книжник с ярко выраженной церковно-религиозной направленностью, и потому считать его автором Сл. нет никаких оснований. В 1938 г. писатель И. А. Новиков выступил со своей гипотезой об авторе Сл. В летописной повести Ипатьевской летописи о походе Игоря говорится, что вместе с ним в плену находился сын тысяцкого, который уговорил Игоря бежать из плена вместе с половчанином Лавором (Овлуром). В «Истории Российской» В. Н. Татищева сообщается, что по возвращении из плена Игорь «учинил Лавора вельможею» и выдал за него замуж «дочь тысяцкого Рагуила».

И. А. Новиков, исходя из убеждения, что Сл. было написано участником похода Игоря, в плену, наиболее возможным автором произведения и считает сына тысяцкого. По его мнению, этот, нигде по имени не названный сын тысяцкого был сыном Рагуила (тысяцкий Рагуил Добрынич упоминается в связи с другими событиями в нескольких летописных записях). И. А. Новиков считает, что «премудрый книжник Тимофей» есть не кто иной, как сын тысяцкого Рагуила. Таким образом, автор Сл., по И. А. Новикову, — Тимофей Рагуилов. Все эти догадки очень неубедительны и весьма надуманны. Сведения летописи и Татищева о Тимофее, сыне тысяцкого, тысяцком Рагуиле настолько скудны, что никаких данных для углубления наших представлений об авторе Сл. они не сообщают.

Писатель А. К. Югов, стоявший на точке зрения галицко-волынского происхождения Сл., в 1944 г. высказал предположение, что автором Сл. был «словутный певец Митуса», имя которого названо под 1240 г. в Ипатьевской летописи. Однако никаких данных, которые подтверждали бы вероятность авторства Митусы, нет.

В 1956 г. В. Г. Федоров в книге, посвященной военным вопросам Сл., остановился и на проблеме авторства произведения. Он считает, что автором Сл. был тысяцкий Рагуил Добрынич. В. Г. Федоров совершенно справедливо пишет, что «весь вопрос о личности автора „Слова“ сводится к решению вопроса о том, можно ли в данном случае говорить только о высокой одаренности его. Следует признать, что автор „Слова“, помимо одаренности, должен был обладать еще и большим жизненным опытом, глубоким знанием не только военного дела, но и истории Руси» (Федоров В. Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла, с. 157). Но, к сожалению, сведения о тысяцком

князя Владимира Мстиславича столь скудны, что у нас нет никаких оснований видеть в нем человека, одаренного литературным талантом, хорошо знающего историю Руси.

М. В. Щепкина в 1960 г. опубликовала статью, в которой на основе текста Сл. пришла к заключению, что автор Сл. был внуком *Бояна* (впервые такое предположение высказал в 1878 г. А. А. Потебня: Слово о полку Игореве. 2-е изд. Харьков, 1914, с. 21).

Наиболее подробно и обстоятельно вопрос о возможном авторе Сл. рассмотрен Б. А. Рыбаковым в монографии 1972 г. «Русские летописи и автор „Слова о полку Игореве“». Он приходит к заключению, что автор Сл. был киевский боярин, летописец трех киевских князей — *Изяслава Мстиславича* (1146—1154 гг.), его сына *Мстислава* (1150—1160 гг.), его племянника *Рюрика Ростиславича* (1173, 1181—1196 гг.), а именно *Петр Бориславич*.

В 1976 г. была опубликована статья М. Т. Сокола, в которой исследователь пытается доказать, что автором Сл. был черниговский воевода *Ольстин Олексич*. Этот воевода черниговского князя *Ярослава Всеволодовича* выполнял посольские поручения князя, он возглавлял дружину черниговских ковуев, присланную *Ярославом Всеволодовичем* к *Игорю* во время его похода на половцев в 1185 г. Вот все достоверные сведения об этом лице, которые мы можем почерпнуть из летописи. М. Т. Сокол воссоздает биографию *Ольстина Олексича*, из которой, по его мнению, следует, что тот мог быть автором Сл. Прежде всего, даже в этой воссозданной М. Т. Соколом биографии мы не видим таких данных, которые свидетельствовали бы о том, что этот человек мог и должен был заниматься литературным трудом. Но, самое главное, биография эта вызывает много сомнений, так как составителю ее приходится принимать целый ряд весьма спорных предположений, прибегать к явно искусственным отождествлениям (так, например, одним лицом объявляется *Ольстин Олексич*, черниговский воевода, и *Ольстин*, рязанский боярин).

В обзоре американской литературы по Сл. Р. О. Якобсон сообщает, что С. Тарасов в статье «Возможный автор „Слова о полку Игореве“» (Новый журнал, Нью-Йорк, 1954, т. 39, с. 155—175) отождествляет автора Сл. с *Кочкарем* — «милостником» (любимцем) великого киевского князя *Святослава Всеволодовича* (Якобсон Р. О. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки. — ТОДРЛ, М.; Л., 1958, т. 14, с. 115). Единственное, что мы знаем об этом *Кочкаре* из летописи, это то, что он был любимцем *Святослава Всеволодовича* и что князь поверял ему свои тайные замыслы. *Татищев* добавляет к этому, что княгиня и *Кочкарь* «более, нежели он (*Святослав*, — Л. Д.), Киевом владели, и никто о том иной не ведал» (*Татищев* В. Н. История Российская. М.; Л., 1964, т. 3, с. 123). Почему *Кочкарь* мог быть автором Сл. — непонятно.

Необходимо признать, что сущностью всех гипотез об авторах Сл. является домысливание создателями этих гипотез к тем или иным реальным именам, упоминаемым летописями, таких «биографических» данных, которые дают возможность приписать искусственно реконструированному деятелю Древней Руси авторство Сл. Заслуживает внимания то обстоятельство, что все время на кандидатство в авторы Сл. выдвигаются новые имена: создатели новых гипотез осознают слабость аргументов своих предшественников, но свои собственные аргументы считают бесспорными. Наиболее обоснованной следует признать гипотезу Б. А. Рыбакова, так как мы располагаем достаточно объективными свидетельствами о незаурядном литературном мастерстве боярина и воеводы *Петра Бориславича*. Но и в данном случае к очень незначительным безусловным свидетельствам приходится присоединять обширное число гипотетических предположений. И если мы более или менее можем быть уверены в причастности этого государственного и политического деятеля

XII в. к летописанию, то вопрос о принадлежности ему Сл. не менее гипотетичен, чем остальные предположения (см. подробнее в статье о Петре Бориславиче). Приходится признать, что лучшим и единственно достоверным источником наших сведений об авторе Сл. остается только текст самого памятника, из которого с бесспорной ясностью вытекает, что это был не только гениальный писатель своего времени, но и человек высокой гражданственности, думающий и страдающий думами и страданиями своего народа.

Соч.: Ироническая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Свягославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. М., в Сенатской типографии, 1800; Пекарский П. Слово о полку Игореве по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II. СПб., 1864 (Приложение к т. 5 «Записок Академии наук», № 2); Слово о полку Игореве/Издание для учащихся Николаем Тихоновым. 2-е изд. М., 1868; Козловский И. И. Палеографические особенности погибшей рукописи Слова о полку Игореве/С приложением исследования П. К. Симони об архивном списке Слова. (Из XIII тома «Древностей»). М., 1890; Перетц В. Слово о полку Игоревім пам'ятка феодальної України-Руси XII віку/Вступ. Текст. Коментар. У Києві, 1926; Слово о полку Игореве/Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950 (сер. «Литературные памятники»); Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследование. М.; Л., 1960; Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»/Составитель В. Л. Виноградова. М.; Л., вып. 1, 1965; Слово о полку Игореве/Вступит. статья Д. С. Лихачева; Составление и подготовка текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева; Примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. Л., 1967; Колесов В. В. Удаление в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 21, с. 23—76.

Лит.: Грамматин Н. Ф. Песнь воинству Игореву, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия и с оного переведенная на употребляемое ныне великороссийское наречие стихами старинного же русского размера, с краткими историческими и критическими замечаниями. СПб., 1821; Максимович М. «Песнь о полку Игореве»: (Из лекций о русской словесности, читанных 1835 г. в университете св. Владимира). — ЖМНП, 1836, № 4, отд. 2, с. 1—22; № 6, с. 439—470; 1837, № 1, с. 29—58 (перепечатано: Максимович М. Собр. соч. Киев, 1880, т. 3); Головин Н. Примечания на «Слово о полку Игореве». М., 1846; Огановский О. Слово о полку Игоревѣ. Поэтический памятник русской письменности XII вѣку. Львів, 1876; Миллер Вс. Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877; Миллер О. Еще о взгляде В. Ф. Миллера на «Слово о полку Игореве». — ЖМНП, 1877, № 9, с. 37—61; Малышевский И. И. 1) К вопросу об авторе «Слова о полку Игореве». — ЖМНП, 1879, № 8, с. 252—261; 2) Об отечестве автора «Слова о полку Игореве». — ЧИОНЛ, 1883, кн. 2 (отд. 1), с. 107; Темні місця в «Словѣ о полку Игоревѣ»/Пояснив Ом. Партицкий. Львів, 1883, ч. 1; Петрушевич А. С. Слово о полку Игоревѣ: Древнерусское эпическое стихотворение из конца XII столетия. Львів, 1887; Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887, т. 1—2; М., 1889, т. 3; Владимиров П. В. Древняя русская литература киевского периода XI—XIII веков. Киев, 1900, с. 278—354; Каллаш Вл. Несколько догадок и соображений по поводу «Слова о полку Игореве». — В кн.: Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900, с. 316—347; Адрианов С. А. К вопросу о происхождении Слова о полку Игоревѣ. — В кн.: Отчет о заседаниях Общества любителей древней письменности в 1902—1903 г. СПб., 1904, с. 13—14; Франко И. Композиция «Слова о полку Игореве». — Archiv für slavische Philologie, Berlin, 1907, Bd 29, Heft 2—3, S. 299—307; Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.). Пг., 1922, с. 183—198; Грушевський М. С. Історія української літератури. Київ, Львів, 1923, т. 2, с. 166—226; Орлов А. С. Слово о полку Игореве. М., 1923; 2-е изд., доп. М.; Л., 1946; Лященко А. И. Этюды о «Слове о полку Игореве». — ИОРЯС, 1926, т. 31, с. 137—158; Грунський М. Питання про автора «Слова о полку Игоревім». — В кн.: Юбилейний збірник на пошану академіка Дмитра Івановича Багалія з нагоди сімдесятої річниці життя та п'ядесятих роковин наукової діяльності. Київ, 1927, с. 439—446 (Українська Академія наук. Збірник Історико-філологічного відділу, № 51); Ляцкий Е. «Слово о полку Игореве»: Очерк из истории древнерусской литературы. Композиция, стиль. Прага, 1934; Гудзий Н. К. Слово о полку Игореве. — Литературная учеба, 1937, № 5, с. 30—54; Греков Б. Д. Автор «Слова о полку Игореве» и его время. — Историк-марксист, М., 1938, № 4, с. 10—19; Даниелиа А. П. О мировоззрении автора поэмы «Слово о полку Игореве». Тбилиси, 1938; Тарловский М. Внутренний облик автора «Слова о полку Игореве». — Знамя, 1938, № 5, с. 198—225; Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. — ИЗ, 1941, т. 12, с. 223—253; Югов А. К. Историческое разыскание об авторе «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве/Перевод и коммент. Алексея Югова; Вступит. статьи акад. Б. Д. Грекова и акад. А. С. Орлова.

Л., 1945, с. 171—179 (переиздано: Слово о полку Игореве / Перевод, коммент. и статьи Алексея Югова. М., 1970); Соловьев А. В. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — ИЗ, 1948, т. 25, с. 71—103; Будовниц И. У. Идеиное содержание «Слова о полку Игореве». — Изв. АН СССР. Серия истории и философии, 1950, т. 7, № 2, с. 147—158; Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси. — В кн.: Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950, с. 93—129; Лихачев Д. С.: 1) Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950, с. 5—52; 2) Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве». — Там же, с. 53—92; 3) Слово о полку Игореве: Историко-литературный очерк. М.; Л., 1950; 2-е изд., дополн. М.; Л., 1955; 4) «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978; Сидоров Н. П. К вопросу об авторах «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950, с. 164—174; Назаревский А. А. Автор «Слова о полку Игореве» и его общественно-политические взгляды. — Київський держ. університет ім. Т. Г. Шевченка. Наукові записки, Київ, 1951, т. 10, вып. 3. Філологічний збірник, № 3, с. 195—212; Ржигла В. Ф. Несколько мыслей по вопросу об авторе «Слова о полку Игореве». — ИОЛЯ, 1952, т. 11, вып. 5, с. 428—438; Мещерский Н. А. К вопросу о территориальном приурочении первоначального текста «Слова о полку Игореве» по данным лексики. — Учен. зап. Карельского пед. ин-та, Петрозаводск, 1956, т. 3, вып. 1, с. 64—88; Федоров В. Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. М., 1956; Щепкина М. В. О личности певца «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, М.; Л., 1960, т. 16, с. 73—79; Слово о полку Игореве — памятник XII века: Сборник статей / Под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1962; Дмитриев Л. А. Автор «Слова о полку Игореве» и анонимные авторы в древнерусской литературе. — В кн.: Русские писатели: Биобиблиографический словарь. М., 1971, с. 11—18; Рыбаков Б. А. 1) «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; 2) Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; Соколов М. Т. К вопросу о творце «Песни о полку Игореве». — В кн.: Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения: Сборник научных статей. Днепропетровск, 1976, вып. 3, с. 50—78 (Днепропетровский ун-т. Кафедра историографии и источниковедения); Франчук В. Ю. Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»? (Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи). — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 31, с. 77—92.

Библиографические справочники: Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве»: Библиография изданий, переводов и исследований. М.; Л., 1940; Данилова О. В., Поплавская Е. Д., Романченко И. С. «Слово о полку Игореве»: Библиографический указатель. М., 1940; Дмитриев Л. А. «Слово о полку Игореве»: Библиография изданий, переводов и исследований 1938—1954. М.; Л., 1955; Бегунов Ю. К. «Слово о полку Игореве» в зарубежном литературоведении. — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: Сборник статей к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л., 1969, с. 236—249; Cooper H. R. The Igor Tale. An Annotated Bibliography of 20-th Century non-Soviet Scholarship on the «Slovo o polku Iгореve». London, 1978.

Л. А. Дмитриев

Андрей Денисов Вторушин (1674—1730) — основатель и первый настоятель Выговского старообрядческого общежития, автор догматических сочинений, проповедей, посланий и проч. Старообрядческая литературная традиция выводит А. из рода князей Мышецких (имеет своим источником сведения, сообщенные самим А. в надгробном слове, посвященном *Петру Прокопьеву*). Согласно традиции, предком А. был князь Борис Александрович Мышецкий, новгородский помещик, который во время Смуты переселился в Олонецкий край. Один из Мышецких, князь Терентий Васильевич Мышецкий, в 1660—1663 гг. был воеводой в Олонце. К концу XVII в. род Мышецких полностью захудал. Отец А., Дионисий, был простым жителем села Повенец, очевидно однодворцем. В 80-е гг. XVII в. Поморье, родина А., сделалось одним из главных прибежищ старообрядчества. Сюда бежали уцелевшие от разгрома монастыря соловецкие монахи, здесь укрывались такие столпы старообрядчества, как игумен Досифей, иноки Кирилл и Корнилий. Ведя странническую жизнь, они агитировали население в пользу старой веры. Как сообщает выговский историк *Иван Филиппов*, в доме Дионисия Вторушина часто бывал соловецкий дьякон *Игнатий*. Его влияние на А. оказалось решающим: 17-ти лет от роду А. избрал для себя отшельническую жизнь. Он поки-

нул отцовский дом и вместе с другом детства целую зиму скитался в лесу, в «пустыни», не имея крыши над головой, греясь у костров.

Решение основать старообрядческое общежитие пришло к А. тогда, когда он встретился в «пустыни» с небольшой общиной, во главе которой стоял бывший дьячок из Шунгского села *Данила Викулин*. В 1694 г. на р. Выг А. и Данилой Викулиным было основано Выговское общежитие, которому суждено было играть на протяжении всего XVIII в. ведущую роль в судьбах русского старообрядчества. А. был главным организатором хозяйственной и культурной жизни монастыря. Он сделался формальным главой общежития в 1702 г. (когда Данила Викулин ушел на покой) и пребывал им до своей кончины. Житейское здравомыслие А., его умение идти на компромиссы с властью очень быстро снискали старообрядческому монастырю автономное положение в государстве: выговцы получили право самоуправления и свободы веры и богослужения; работой на железнодорожных Петровских заводах и внесением в казну двойного подушного оклада они оплачивали легализацию своего существования.

Своим хозяйственным и культурным процветанием общежитие во многом было обязано кипучей энергии А.

В первые годы существования общежития, когда монастырь терпел хлебную нужду, А. много путешествовал, бывал в Петербурге, Москве, Новгороде и других городах, где завязывал связи с купцами и важными персонами, близкими ко двору, добываясь у них кредита. На Волге, где хлеб был дешев, А. покупал его, частью испрашивал в милостыню и организовывал доставку в монастырь. Впоследствии монастырь обзавелся собственной пашней. Когда в 1713—1718 гг. брат А., *Семен Денисов*, находился под арестом у новгородского митрополита *Иова*, стремившегося отвратить своего узника от старообрядчества, А. тоже много жил вне общежития, обивал в столицах пороги влиятельных персон, писал письма, прошения, давал взятки, делая все для того, чтобы освободить брата. Во время своих посещений Москвы А. бывал принят при дворе царицы Прасковьи Федоровны, посещал ее и тогда, когда она приезжала в Заонежье, врачеваться на Марциальных водах.

В 1722 г. в Выговское общежитие был послан от Синода для миссионерского прения со старообрядцами иеромонах Неофит. По просьбе старообрядцев он написал тезисы будущего диспута, в форме 106 кратких вопросов. А. стал автором книги ответов на эти вопросы, получившей название «Поморские ответы». В работе над книгой, длившейся около года, ему помогал Семен Денисов, *Трифон Петров*, Мануил Петров, Леонтий Федосеев. «Поморские ответы» стали главной книгой старообрядческой догматики и полемики. В ней сформулированы основные пункты учения, общего для всех направлений старообрядчества. Здесь подробно разбираются вопросы о старых и новых богослужебных книгах, об обрядовых различиях между официальной церковью и старообрядчеством, обсуждаются пункты догматического характера. В разделе, содержащем в себе критический разбор подложных «Соборного деяния на еретика *Мартина Армянина*» и Феогностова требника, А. и его помощники показали прекрасное владение приемами палеографической, исторической и филологической критики источников, что позволяет считать их первыми русскими палеографами и источниковедами (см. статью В. Г. Дружинина). Подготовкой к составлению «Поморских ответов» была для А. работа над «Дьяконовыми ответами», написанными им в 1719 г. для нижегородских поповцев в ответ на вопросы нижегородского епископа Птирима.

Произведения А. разделяются на две группы, одна из которых может быть определена как сочинения деловой письменности, другая — собственно литературные сочинения. К первой группе принадлежат сочинения догматического характера, адресованные как представителям ортодоксаль-

ной церкви, так и представителям других старообрядческих толков (такие как «Поморские ответы», «Собрание вкратце о браке», «Собрание ... о надписании животворящего креста», «Разрушение на доводы нынешних учителей, хулящих древнюю церковь», сочинение о федосеевцах, письма *Феодосию Васильеву* и *Евстрату Федосееву*, послание к польским федосеевцам о браках, послание к федосеевцам о «титле» на кресте), а также уставы, чины и правила для Выго-Лексинского общежития. Собственно литературные сочинения А., построенные на обязательном применении правил риторики, состоят из торжественных слов и посланий проповеднического характера, таких как слова на Преображение, на Рождество Христово, на память Зосимы и Савватия Соловецких, на память Иоанна Богослова, «Слово о молитве», «Слово о покаянии» и др. Помимо прозаических жанров старообрядческая традиция приписывает А. силлабические вирши «Увеселение есть юноши премудрость». Всего А. принадлежит более 100 сочинений. Подробный перечень их дан в книге В. Г. Дружинина.

Вместе с братом Семеном А. следует считать основателем выговской литературной школы. Он и непосредственно обучал словесным наукам, и оказывал литературное влияние на своих преемников. «В юности же своей, — пишет о нем поморский историк Иван Филиппов, — егда ездяше в Москву, и в Санкт-Петербург, и в Киев, тогда тамо изучися добре грамматическому и риторическому учению. Тоже протчих учаше, брата своего Симеона, и Трифона Петрова, и Мануила Петрова, и иконника Даниила, и Никифора Семенова и протчих, иже изучишася от него тому художеству». Слова А. включались в выговские списки общерусских риторик как учебный материал, из них брались парадигмы для упражнений по риторике, они послужили основой при составлении оригинальной выговской Риторики. Вся дальнейшая выговская литература, существовавшая вплоть до XIX в., ориентировалась на стиль А. и его учеников.

Соч.: Б [ровкович] А. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861, ч. 2, с. 161—304 (Дьяконовы ответы); Слово расколуучителя Денисова / Сообщ. И. Д. Беляев. — РС, 1879, ноябрь, с. 523—537 (надгробное слово Петру Прокопьеву); Встреча в Москве персидского слона в царствование Петра I. — Там же, 1880, сентябрь, с. 169—172 («Повесть риторическая о сретении в Москве слона персидского»); Смирнов П. С. 1) Из истории раскола первой половины XVIII в. СПб., 1908, с. 16—18, 50—70 (1-е послание А. в Польшу), с. 16—18 (письмо Леонтию Федосееву); 2) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909, Прил., с. 023—081, 0136—0138 (2-е послание в Польшу, сочинение о федосеевцах, «собрание о титле на кресте», послание «П. Ф-не»). Издание виршей «Увеселение есть юноши премудрость» см.: Материалы к истории и изучению сектантства и раскола / Под ред. В. Бонч-Бруевича. СПб., 1908, вып. 1, с. 230, 250: Рождественский Т. С. Памятники старообрядческой поэзии. — В кн.: Записки Московского археологического института. М., 1910, т. 6, с. 170; Стихи: Сборник стихов духовного содержания для старообрядческой семьи и школы / Собрал В. З. Ясанов. Саратов, 1916, ч. 1, с. 43; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970, с. 301.

Лит.: Барсов Н. И. Братья Андрей и Семен Денисовы: Эпизод из истории русского раскола. — ПО, 1865, май, с. 20—48; июнь, с. 221—242; август, с. 404—423; сентябрь, с. 55—91; октябрь, с. 232—247; ноябрь, с. 412—438; декабрь, с. 514—528; Барсов Е. В. 1) Уложение братьев Денисовых. — В кн.: Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868—1869 гг. Петрозаводск, 1869, с. 85—116; 2) Четырнадцать братьев Денисовых. — В кн.: Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917, с. 663—708; Сахаров Н. Деятельность Питирима Нижегородского против раскола. — Страницы, 1881, август, с. 549—567; Усов П. С. Помор-философ. — ИВ, 1886, № 4, с. 145—160; Макарий. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1889, с. 279—290, 374—381; Смирнов П. С. 1) История русского раскола старообрядчества. СПб., 1895, с. 98—103, 180—185; 2) Из истории полемики с расколом. — ПО, 1889, т. 2, с. 162—189; 3) Лексинская беспоповщинская пустынь в первое время ее существования. — ХЧ, 1910, февраль, с. 145—172; март, с. 310—333; 4) Выговская беспоповщинская пустынь в первое время ее существования. — ХЧ, 1910, май—июнь, с. 638—674; июль—август, с. 910—934; Дружинин В. Г. 1) Писания старообрядцев, с. 88—128 (перечень сочинений А. и их списков), с. 128—132 (перечень сочинений об А. и их списков); 2) Словесные науки в Выговской

поморской пустыни СПб, 1911, 3) К вопросу об авторе сокращения «Великой науки» Раймунда Люллия — ИОРЯС, 1914, т. 19, кн. 1, с. 342—344; 4) Несколько автографов писателей старообрядцев. СПб, 1915, с. 6—7, табл. VI—VII; 5) Поморские палеографы начала XVIII столетия — ЛЗАК, Пг, 1921, вып. 31, с. 1—66; Никанор, архимандрит «Великая наука Раймунда Люллия» в сокращении Андрея Денисова — ИОРЯС, 1913, т. 18, кн. 2, с. 10—36, Шашков А. Т. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII—начале XVIII в. (Подделка и ее разоблачение) — ТОДРЛ, Л, 1979, т. 33, с. 84—87; Плигузов А. И Авторские сборники основателей Выговской пустыни — В кн. Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири Новосибирск, 1982, с. 103—112, Понырко Н. В. 1) Выговское силлабическое стихотворство — ТОДРЛ, Л, 1974, т. 29, с. 274—283, 2) Учебники риторики на Выгу. — ТОДРЛ, Л, 1981, т. 36, с. 154—162

Н. В. Понырко

Арсений Сатановский (XVII в.) — иеромонах Киево-Братского монастыря, переводчик. Воспитанник Киевской академии, А. был приглашен в Москву в 1649 г. вместе с *Епифанием Славинецким* и *Дамаскином* для участия в подготовке к изданию Библии (опубликована в 1663 г.), сверявшейся с греческим текстом. Истинная роль А. при переводе Библии остается неясной, так как в одной из челобитных А. говорится: «... аз бо по-гречески не умею». Известны переводы А. «латинских книг» — главы из Атласа Блеу (ГИМ, Синодальное собр., № 112, № 781 — автограф), сборника проповедей Мефрета (*Hortulus Reginae sive sermones Meffreth... Coloniae Agrippinae, 1625*), названного переводчиком «О граде царском» и подробно охарактеризованного в челобитной царю 1652 г. В справке при той же челобитной указаны цели приглашения в Москву А. и других старцев-киевлян: «для переводу з библии греческия на словенскую речь и для риторскаго учения». В Москве А. жил сначала в Спасо-Преображенской пустыни, устроенной Ф. М. Ртищевым, а затем в Богоявленском монастыре.

В справочных изданиях XIX в. (Евгений. Словарь, с. 55; Филарет. Обзор, с. 239) А. приписаны переводы с греческого, выполнявшиеся, по-видимому, его тезками — *Арсением Греком*, *Арсением Глухим* или *Арсением Сузановым*: «Анфологион», изданный в 1660 г., «Изложение титулов» Георгия Кодина. Существует предположение, что А. составил книгу «Зерцало духовное» (ГИМ, Синодальное собр., № 328 и 329); в этом сочинении приведен «каталог, или сочисление», грехов и добродетелей, расположенных в алфавитном порядке («о агтеле», «о буести сугубой», «о воли», «о языке» и т. д.) в 94 главах. Патристические тексты цитируются по киевским изданиям 1620—1640-х гг., что позволяет видеть в составителе книги одного из киевлян, приглашенных в Москву около 1649 г. Переводы А. и «Зерцало духовное» не опубликованы.

Соч. Челобитная А. 1652 г.: Соловьев С. М. Вознаграждение за ученый труд в XVII веке — В кн.: Летописи Тихонравова М., 1859, т. 1. Смесь и библиография (2-я пагинация), с. 159—160

Лит.: Каптерев Н. Ф. Противники патриарха Никона. М, 1887, с. 21; Николаевский П. Ф. Московский печатный двор при патриархе Никоне. — ХЧ, 1891, № 1, с. 169—170; Соболевский И. Переводная литература, с. 62, 213, 286, 382; Венгеров. Словарь, т. 1, с. 770—771; Горский А. В. Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. М. 1862, отд. 2, с. 704—729.

О. А. Белоброва

Боголеп (в миру Борис Васильевич Львов) (ум. 1675) — строитель Кожеозерского монастыря, автор Жития Никодима Кожеозерского. Б. принадлежал к московскому боярскому роду Львовых, многие представители которого хорошо известны как видные московские чиновники: в их числе — родной брат Б., думный дьяк Григорий Васильевич, обучавший царя Алексея Михайловича письму и до смерти остававшийся смотрителем его письменных принадлежностей. К кругу знакомых Б.

принадлежали патриарх *Никон*, царский духовник *Стефан Вонифатьев*, Федор Михайлович Ртищев, думный дьяк Алмаз Иванов, дьякон *Феодор*.

В 1639 г. Борис Васильевич Львов пришел в Кожеезерский монастырь, где и постригся, получив при этом имя Б. Кожеезерский монастырь сделался пристанищем Б. до последнего дня его жизни. Первый вклад Б. в монастырь (военное снаряжение всадника) позволяет предполагать, что до пострижения он был воином. В 1650-х гг. Б. именовался строителем (т. е. хозяйственным руководителем) монастыря и был чуть ли не единовластным его хозяином. Как писал автор поданного в 1666 г. извета на Б., он, полагаясь «на свое многое и мимоидущее богатство» и «на милость и заступление околыничего Федора Михайловича Ртищева, да на думного дьяка Алмаза Ивановича», держал в руках, ставил и выживал игуменов: «игумена Иосифа (1648—1649), бив без милосердия, без мала не нагова с монастыря збил». Игумен Павел (1662—1682) бежал от гонявшегося за ним старца, ученика Б., и три дня, запершись, отсиживался в келье.

Живя в монастыре, Б. часто бывал в Москве. Во время одного из последних посещений столицы в 1653 или 1658 г., когда протопоп *Аввакум* был уже сослан в Сибирь, но дьякон Феодор еще дьяконствовал в Благовещенском соборе, Б. был взят на заметку как приверженец раскола: в описи столбцам Патриаршего разряда сохранилось название дела «Спор с справщиками старца Боголепа Лвова, Благовещенского собору дьякона Федора да поддьяка Федки» (АИ, 1842, т. 5, № 263, с. 480). После 1658 г. Б. в Москве не показывался. В 1666 г. последовал царский указ каргопольскому воеводе о доставке Б. на суд церковного собора 1666—1667 гг. Но Б. чувствовал себя на Кожеезере неприкосновенным, о требовавшей его грамоте новгородского митрополита Питирима он говорил: «Хотя-де будет и три грамоты, и мне-де они две денги». Царский указ остался невыполненным, властного старца оставили в покое. Сочинитель извета на Б. писал, что старец «в кельи у себя держит всякое оружие, и платье, и всякие вещи разбойнически, а не затворнически». Приходя огромное келейное имущество, оставшееся после Б. в 1675 г., записали «две пицали винтовки, да три пистольки малые» и пуд без четверти пороха.

О литературных занятиях Б. известно от *Симона Азарьина*. В *Житии Дионисия Зобниновского*, троицкого архимандрита, Симон Азарьин, рассказав об «явлениях» митрополита *Алексия* и архимандрита Дионисия Зобниновского Никодиму Кожеезерскому, написал, что об этом стало известно от Б., который «от его, Никодимовых, уст слышав таковая, и писанию предаст». В другом месте *Жития Дионисия* Симон Азарьин заметил, что он читал эту «повесть» Б. Предполагается, что «повесть» эта есть *Житие Никодима Кожеезерского*. *Житие Никодима Кожеезерского* сохранилось в двух редакциях: в подробной и более ранней краткой записке, составитель которой не назвал себя по имени. Предполагается, что автором Краткого жития был Б. Краткое житие было написано до 1648 г., так как в этом году было закончено ссылающееся на него *Житие троицкого архимандрита Дионисия*. О других сочинениях Б. не известно. Во всяком случае можно говорить о близости Б. к литературным кругам: известно, что Симон Азарьин, написав *Житие Дионисия*, посылал его черновой вариант на суд Б. Известна книга (Слова Симеона Нового Богослова), переписчиком которой был Б. О книжных интересах Б. свидетельствует его келейная библиотека, которая стала его последним вкладом в монастырь перед смертью, — она насчитывала 44 книги.

Лит.: Ключевский И. Древнерусские жития, с. 334—335, 350—352; Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875, т. 1, с. 464—466 («Роспись винам старца Боголепа Лвова» и приказ в Каргополь о присылке Б

в Москву 1666 г.); Никольский. Рукописная книжность, с. 128; Спас-ский И. Г. Московская математическая рукописная книга середины XVII в. и ее первый владеец. — АЕ за 1979 г., М., 1979, с. 56—74.

Н. В. Поньрко

Боян — древнерусский поэт-певец XI в. Как «творец песен» Б. назван в зачине «Слова о полку Игореве» (см. Автор «Слова о полку Игореве»): «Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы...». Семь раз вспоминает автор «Слова» Б. в своем произведении. Кроме «Слова» Б. упомянут в «Задонщине». В интерпретации имени Б. с самого начала открытия «Слова» обозначились две основных тенденции: 1) это собственное имя конкретного древнерусского поэта-певца; 2) это нарицательное слово, обозначающее певца, поэта сказителя вообще.

В первом издании «Слова» (1800), в примечании «б» на с. 2, Б. назван «славнейшим в древности стихотворцем русским». В первоначальном виде этой страницы говорилось, что «при Рюрике или Святославе гремела лира его, ни по чему узнать не лзя»; после ее перепечатки соображения о времени жизни Б. были сформулированы еще более неопределенно: «...когда и при котором государе гремела лира его, ни по чему узнать не лзя». Сходная с этой характеристика Б., но в сильно романтизированном виде, была дана Н. М. Карамзиным в «Пантеоне российских авторов» (М., 1801): «Мы не знаем, когда жил Боян и что было содержанием его сладких гимнов; но желание сохранить имя и память древнейшего русского поэта заставило нас изобразить его в начале сего издания. Он слушает поющего соловья и старается подражать ему на лире» (Карамзин Н. М. Соч. СПб., 1848, т. 1, с. 653).

Однако уже в примечаниях к «Слову» в бумагах Екатерины II имя Б., с одной стороны, воспринималось как собственное (здесь даже отмечалось, что «из последствия сей повести видно, что он воспевал подвиги князя Всеслава»), но, с другой — тут же трактовалось и как нарицательное: «Сие имя Боян происходит, как думать надобно, от древняго глагола *баяю, говорю*: по сему Боян не что другое, как рассказчик, словесник, вития» (см.: Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960, с. 326). Представление о Б. как о конкретном «витии» древности и одновременно с этим как обобщенном образе поэта-певца вообще было характерным для начала XIX в. А. Х. Востоков в примечаниях к своей стихотворной повести «Светлана и Мстислав» в «Опытах лирических» (1806) писал, что он вслед за В. Т. Нарезным считает, что русские поэты, которые «должны были находиться при дворе государей древних», назывались «Баянами». Об этом, отмечает Востоков, «не говорит „Песнь о походе Игоря“, упоминая только об одном Баяне, как о собственном имени; но нельзя ли предположить, что упомянутый песнотворец по превосходству назван общим именем Баяна, то есть баснослава, вития, рассказчика» (цит. по: Востоков А. Х. Стихотворения. Л., 1935, с. 391 (Б-ка поэта. Большая серия)). Так же понимает имя Б. Пушкин в «Руслане и Людмиле» — оно у него одновременно и имя собственное, и нарицательное: «Все смолкли, слушают Баяна...», «И струны громкие Баянов Не будут говорить о нем!» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Изд-во АН СССР, 1937, т. 4, с. 7, 42).

Только как поэтический символ Б. трактуется Вс. Миллером: «Боян заменяет автору „Слова“ музу эпических поэтов» (Миллер Вс. Взгляд на Слово..., с. 123—124); «В начале „Слова“ Боян введен как поэтическое украшение, а не как историческое лицо: имя вещего поэта, потомка божества, должно украсить произведение автора, возвысить его в глазах читателей» (там же, с. 125). По мнению Миллера, «нет ни одной черты, которая могла бы быть реальной характеристикой исторического певца

и притом русского, предшественника автора „Слова“ (там же, с. 124). Само имя Боян исследователь считает нерусским: «Боян лицо болгарское и попал в „Слово“ из болгарского источника» (там же, с. 130). Предположение о болгарском происхождении имени Боян высказывалось и до Вс. Миллера; так, Ю. Венелин считал, что Б. «Слова о полку Игореве» — болгарский князь Боян Владимирович (ум. 931), слышавший в народе колдуном (Венелин Ю. Критическое исследование об истории болгар. М., 1849, с. 263—265). Однако еще в 1844 г. В. Г. Белинский в шестой статье о Пушкине, разбирая «Руслана и Людмилу», писал, что Пушкин, считая слово «Боян» «равнозначительным» таким словам, как «скальд, бард, менестрель, трубадур, миннезингер», «разделял заблуждение всех наших словесников, которые, нашед в „Слове о пълку Игореве“ „вещего баяна, соловья старого времени“... заключили из этого, что Гомеры Древней Руси назывались баянами». Белинский утверждал, что «по смыслу текста „Слова“ ясно видно, что имя Баяна есть собственное, а отнюдь не нарицательное». Вместе с тем Белинский отмечал, что «Баян „Слова“ так неопределен и загадочен, что на нем нельзя построить даже и остроумных догадок» (Белинский В. Г. Собр. соч. М., 1955, т. 7, с. 365—366). В настоящее время можно считать общепризнанным положение о том, что Боян — имя собственное, принадлежавшее поэту-певцу, предшественнику автора «Слова». Вместе с тем есть все основания утверждать, что мы располагаем целым рядом не только догадок, но остроумных и убедительных гипотез о Б. — древнерусском поэте-певце.

Сомнение в существовании древнерусского имени Боян явилось основной предположения, впервые высказанного и обоснованного А. Вельтманом в 1842 г., согласно которому это имя — искаженное имя Ян. В *Ловести временных лет* несколько раз упоминается имя Яна Вышатича. Так, сообщая под 1106 г. о его смерти на 90-м году жизни, Нестор пишет, что слышал от Яна Вышатича много рассказов, которые записал с его слов в свою летопись. Вельтман полагает, что в первоначальном тексте «Слова о полку Игореве» перед именем Ян стояла частица «бо»; на каком-то этапе переписывания текста «Слова» переписчик соединил эту частицу с именем Ян и получился «Боян». Возможность превращения Яна Вышатича в Б. «Слова» допускали А. В. Лонгинов и Л. В. Черепнин (Лонгинов А. В. Историческое исследование Сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892, с. 89—91; Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — ИЗ, 1948, № 25, с. 328—329). Однако видеть в имени Боян искаженное написание какого-то другого древнерусского имени или искать это имя не в русских источниках (кроме указанного предлагался еще ряд болгарских персонажей с именем Боян) нет оснований.

Е. В. Барсов, резко выступивший против гипотезы Вс. Миллера, привел ряд данных, свидетельствующих о том, что имя Боян в Древней Руси существовало (Барсов Е. В. Слово о полку Игореве... с. 338—339). Историко-археологические находки последнего времени не только подтвердили бытование имени Боян в Древней Руси, но свидетельствуют о его достаточно широкой распространенности. В *летописи Новгородской I* упоминается «Бояня» улица, в Рядной грамоте Тешаты и Якима (1261—1291 гг.) названо имя послуха Бояна (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949, с. 317). Имя Боян встречается в трех новгородских берестяных грамотах (одна — 80-х гг. XI в., две — XII в.) (см.: Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978). Наконец, на стене киевского храма Софии была обнаружена надпись (граффито), которую предположительно можно отождествлять уже непосредственно с Б. «Слова о полку Игореве». В этой надписи сообщается о покупке княгиней «Всеволожей» (т. е. женой князя Всеволода) «земли Бояней» (земли, при-

надлежащей когда-то какому-то Бояну). Открывший надпись С. А. Высоцкий датирует ее второй половиной XII в. и высказывает предположение, что эта земля «некогда имела какое-то отношение к Бояну „Слова о полку Игореве“» (Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966, вып. 1, с. 71). Б. А. Рыбаков датирует граффито концом XI в. и высказывает предположение, что надпись могла быть сделана в близкое время к предполагаемому им году смерти Б. Правда, исследователь отмечает, что «текст граффито сам по себе не дает нам права отождествлять Бояна-песнотворца с Бояном-землевладельцем» (Рыбаков Б. А. Русские летописцы. . . , с. 417).

О Б. как поэте, жившем во времена князя Всеслава (ум. 1101), писал в 1809 г. Н. Грамматин в «Рассуждении о древней русской словесности». Древнерусским певцом считал Б. Евгений Болховитинов, включив его в свой «Словарь русских светских писателей» (М., 1845). Ф. И. Буслаев называл Б. «знаменитым русским поэтом» XI—начала XII в. Время творчества Б. он датирует исходя из перечня имен тех князей, которым Б. пел свои песни-славы. Кроме того, этот перечень наводит Буслаева на мысль, что «связь Бояна с князьями тмутороканскими и черниговскими, вероятно, заслуживает некоторого внимания» (Буслаев Ф. И. Русская поэзия XI и начала XII века, с. 382). Буслаев считает, что текст «Слова о полку Игореве» донес до нас несколько отрывков из произведений Б., процитированных автором «Слова». Это две припевки Б., имеющие характер притчи («Ни хытру, ни горазду. . .» и «Тяжко ти головы. . .»), и пять отрывков из песен Б.: «Тый бо Олегъ мечемъ крамолу коваше. . .», «Тогда при Олзѣ Гориславличи. . .», «Уже бо, братие, невеселая година вѣстала. . .», «На Немизѣ снопы стелють головами. . .», «Не буря соколы занесе чресь поля широкая. . .». Е. В. Барсов, подчеркивавший тесную связь автора «Слова о полку Игореве» с творчеством Б., вместе с тем считал, что автор «Слова» «весьма мало внес Бояновых словес в свое произведение» (Барсов Е. В. Слово о полку Игореве. . . , с. 308).

Обе точки зрения спорны, но следует отметить: анализ системы ударений в «Слове о полку Игореве» показывает, что в отрывках, где можно предполагать цитирование Б., ритмический строй отличается от ритма остального текста «Слова». Современный исследователь этой проблемы пишет: «Ф. И. Буслаев все контексты с употреблением форм имперфекта приписывал Бояну. Поскольку обычно в тех же фрагментах текста „Слова“ упоминаются также и все древнерусские мифологические персонажи, поскольку определенно прослеживается изменение в ритмическом строении текста во всех подобных вставках, это мнение в целом можно признать обоснованным» (Колесов В. В. Ударение в «Слове о полку Игореве». — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 31, с. 34).

Попытку «выделить и реконструировать отрывки произведений» Б. в тексте «Слова о полку Игореве», кроме тех, о которых говорит сам автор «Слова» и которые отмечены Буслаевым, предпринял А. Л. Никитин. Согласно его гипотезе, не названное в «Слове» произведение Б. о князе Святославе Ярославиче лежит в основе эпизода «Слова», посвященного Святославу Всеволодовичу Киевскому («панегирик» Святославу, «сон» Святослава, «ответ бояр», некоторые обороты «Золотого слова» Святослава). По мнению А. Л. Никитина, на то, что здесь переработанный текст Б., указывают и ритмическая структура этого отрывка, и характеристика автором «Слова» Святослава Всеволодовича, не соответствующая реальному историческому значению этого князя. Дальнейшее развитие гипотеза Никитина получила в его очерке «Испытание „Словом. . .“». Построения Никитина основаны на произвольном толковании текста «Слова», исторических фактов, литературных явлений. Его гипотеза искажает и обедняет значение «Слова» как оригинального произведения.

В 1912 г. А. С. Архангельский в энциклопедической статье дал подробный обзор всех гипотез о Б. и подытожил результаты изучения этого

вопроса. Связь Б. с тмутараканскими и черниговскими князьями подчеркивал А. С. Орлов (Слово о полку Игореве. М., 1923), который время жизни Б. относил к XI—началу XII в. и считал, что Б. был таким же княжеским певцом, как и автор «Слова о полку Игореве». Как о бесспорном факте о тмутараканском происхождении Б. и тесной связи его с черниговскими князьями писал Н. М. Шляков, который в определенной степени пытался воссоздать биографию Б. По его гипотезе, Б. родился не позже 1006 г. и умер вскоре после смерти Всеслава (1101 г.). Первым произведением Б., созданным в 1022 г., была песнь о единоборстве Мстислава с Редедей. По мнению Шлякова, «в летописи мы имеем следы Бояновых песен, и летописец пользовался ими как источником для своих сведений» (Шляков Н. М. Боян, с. 495). Начав свою песнотворческую деятельность в Тмутаракани, Б. затем перешел в Чернигов. Шляков предполагает, что одно время Б. находился при дворе Ростислава Владимировича (ум. 1066), затем перешел на службу к Святославу Ярославичу (ум. 1076) и воспевал деяния его самого и его семьи, «тесно связав особенно свою судьбу с судьбою его старшего сына — энергичного Олега» (там же, с. 498).

О том, что Б. был песнотворцем или придворным поэтом Святослава Ярославича и его сына Олега, писал М. Н. Тихомиров. Он отмечает, что все заимствования из «похвальных слов» Б. в «Слове о полку Игореве» «относятся к определенному и сравнительно узкому промежутку времени». В них говорится о пребывании полоцкого князя Всеслава на киевском столе (1068 г.), о Святославе Ярославиче, сменившем Всеслава на киевском престоле (ум. 1076), о смерти «красного» Романа Святославича (1079 г.), о смерти Бориса Вячеславича (1078 г.). О самом Олеге Святославиче говорится как о младом и храбром князе, внуком которого был Игорь Святославич, герой поэмы. Следовательно, Б. писал про молодого Олега, когда тот еще был «Гориславичем», т. е. до 1094 г. «С этого года Олег уже прочно сидел на отцовском столе, и борьба за Чернигов окончилась» (Тихомиров М. Н. Боян и Троянова земля, с. 175—176). М. Н. Тихомиров считает, что автору «Слова» произведения Б., из которых он черпал свои сведения о событиях XI в., могли быть известны как в устной передаче, так и в письменном виде.

«Не подлежащую сомнениям» связь Б. с «домом чернигово-тмутараканских князей» подчеркивает Б. А. Рыбаков, который уделяет большое внимание Б. в своем исследовании «Слова о полку Игореве». Ранний период песнотворчества Б. относится Рыбаковым ко времени княжения Мстислава Храброго (ум. 1036), ратные подвиги которого воспевал Б. После смерти Мстислава Б., как полагает Рыбаков, перешел ко двору киевского великого князя Ярослава, к которому перешли черниговские и тмутараканские владения умершего бездетным Мстислава. Затем Б. снова вернулся в Тмутаракань. Большинство исследователей, опираясь на «припевку» Б. о Всеславе Полоцком — «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божия не минути», — считают, что Б. умер после смерти Всеслава (1101 г.). Б. А. Рыбаков полагает, что эта «припевка» не имеет датировочного значения: «Из этих слов, во-первых, не видно, что божий суд уже настиг Всеслава, а во-вторых, следует учесть, что „предсказать“ смерть Всеслава можно было и не дожидаясь факта его смерти» (Рыбаков Б. А. Русские летописцы..., с. 414, примеч. 14). По его мнению, последняя «припевка» Б. в «Слове»: «Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы» — «была, вероятно, взята из какой-то торжественной оды по случаю возвращения Олега с молодой женой и утверждения его в отцовских и братних владениях в Тмутаракани» (там же, с. 414), что происходило в 1083 г. Б., пишет Рыбаков, «был связан с Мстиславом, затем с Ярославом старым, потом с его сыном Святославом и сыновьями Святослава — Романом и Олегом, родоначальником Ольговичей. Гусли Бояна зазвучали еще до 1036 г. и продолжали рокотать славы князьям

вплоть до 1083 г., т. е. на протяжении около полувека» (там же, с. 415). Рыбаков связывает с именем Б. создание былины о Соловье Будимировиче, которая, по предположению А. И. Лященко, повествует о сватовстве Гаральда Норвежского к дочери Ярослава Елизавете в 1040-е гг. (Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963, с. 78—85).

В отличие от большинства исследователей В. Ф. Ржига возражает против приурочивания творчества Б. к черниговской ветви княжеского рода: «На деле это был песнотворец более широкого размаха и более глубокой исторической преемственности» (Ржига В. Ф. Несколько мыслей..., с. 430). По его определению, Б. — певец-поэт широкого политического кругозора, «не ограниченный рамками воспевания какой-нибудь одной княжеской ветви» (там же, с. 431).

Не менее, чем личность Б., интересовал исследователей вопрос о характере его поэтического творчества. По мнению Ф. И. Буслаева, поэзия Б. отвечала требованиям народного эпоса того времени. «Боян, — писал он, — сам пел свои песни, подобно другим народным певцам, и сопровождал свои песни струнным инструментом» (Буслаев Ф. И. Русская поэзия XI и начала XII века, с. 394). Народным певцом, подобным «позднейшим бандуристам, кобзарям и гусярам, которые ходили по селам и на торжищах и праздничных играх распевали народные думы под звуки музыкального инструмента», считал Б. и А. Н. Афанасьев (Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865, т. 1, с. 408). Е. В. Барсов также считал, что «живое и быстрое» творчество Б. «имело характер не книжных произведений, а живой народной песни: оно было творчеством струнное» (Барсов Е. В. Слово о полку Игореве..., с. 303). Вместе с тем, однако, Барсов пишет: «Основа, план и стилистические приемы Бояновых творений указывают, что его песни, как и „Слово“, при всей своей внутренней и глубочайшей связи с живым народным песнотворчеством существенно отличались от этого последнего... Это была поэзия, возвышавшаяся над народной, предполагающая художественное развитие дружинного исторического эпоса на героической основе» (там же, с. 307).

Специально поэтике творчества Б. посвящена статья Г. Н. Пospelова. Связывая творчество Б. с эпическими традициями, Пospelов подчеркивает, что «песни Бояна и былины — это две разных стадии в развитии русского героического эпоса» (Пospelов Г. Н. К вопросу о стиле..., с. 43). Он так характеризует стиль и жанр этого древнерусского поэта-певца: «Боян был, по-видимому, самым талантливым в Киевской Руси создателем лиро-эпических кантилен как второй ступени развития песенного героического эпоса, уже выделившегося когда-то из обрядового хора, но еще не усвоившего себе того „эпического схематизма“, который характерен для следующей, „былинной“ его стадии» (там же с. 43).

Связь творчества Б. с приемами народного творчества отмечал В. Ф. Ржига, который особенно подчеркивал, что Б. был «не только знаменитым киевским песнотворцем XI в., но и выдающимся музыкантом своего времени» (Ржига В. Ф. Несколько мыслей..., с. 431). Д. С. Лихачев, соглашаясь с точкой зрения И. У. Будовница, что Б. был придворным поэтом, говорит о «бравурном» характере его песнотворчества и отмечает: «Очевидно, Боян и не был подлинно народным поэтом» (Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор..., с. 30).

В конце прошлого века М. Г. Халанский высказал предположение о скальдическом характере творчества Б. Он отмечал, что определение Б. как «Велесового внука», даваемое автором «Слова о полку Игореве», «находит себе ближайшие параллели в образах поэзии скандинавских скальдов» (Халанский М. Южнославянские сказания о кралевице Марке. Варшава, 1894, с. 214). В последнее время эта точка зрения была развита Д. М. Шарыпкиным. Песнотворчество Б. в стадийно-типологическом отношении находится в родстве с поэзией скальдов. Хвалебные

песни властителям-князьям как скальдов, так и Бояна, «представляют собою стадию, промежуточную между фольклором и литературой» (Шарыпкин Д. М. «Рек Боян и Ходына...», с. 196). Б. непосредственно был «знаком со скандинавской скальдической традицией, а, может быть, и учился у варяжских скальдов» (там же).

Значительный интерес в связи со скальдическими традициями творчества Б. представляет собой толкование одного из «темных» мест «Слова», которое в первом издании передано так: «Рекъ Боянъ и ходы на Святъслава пѣстворца стараго времени Ярославля...». Сейчас большинство исследователей «Слова о полку Игореве» принимают конъектуру, предложенную в 1894 г. И. Забелиным, согласно которой это место должно читаться так: «Рекъ Боянъ и Ходына, Святъслава пѣснотворца стараго времени Ярославля...». «Боян и Ходына» — это имена двух певцов Святослава Ярославича. А именно в традициях скальдической поэзии «певцы обменивались присловьями в амебейном чередовании, импровизируя в заданных традицией формулах» (Шарыпкин Д. М. «Рек Боян и Ходына...», с. 199). Тем самым полностью подтверждается правильность прочтения данного места «Слова» И. Забелиным, и становится понятным, почему двум лицам принадлежит афоризм, состоящий всего из двух фраз: второй певец при подобного рода поэтических импровизациях-состязаниях досказывал то, что было недосказано первым исполнителем.

Лит.: Вельтман А. Упомянутый «бо Ян» в Слове о полку Игореве есть старец Ян, упоминаемый Нестором. — Москвитин, 1842, № 1, с. 213—215; Буслаев Ф. И. Русская поэзия XI и начала XII века. — В кн.: Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. Русская народная поэзия. СПб., 1861, с. 377—400; Миллер Вс. Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877; Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887, т. 1, с. 299—390; Архангельский А. Боян. — Новый энциклопедический словарь. СПб., [1912], т. 7, стб. 754—759; Перетц Вол. Слово о полку Игоревим памятка феодальной Украины — Руси XII вѣку. У Київі, 1926, с. 135—136; Шляков Н. М. Боян. — ИпоРЯС, 1928, т. 1, кн. 2, с. 483—498; Айхалов Д. В. Заметки к тексту «Слова о полку Игореве». III. На каком инструменте играл Боян? — ТОДРЛ, М., Л., 1940, т. 4, с. 157—158; Поспелов Г. Н. К вопросу о стиле и жанре творчества Бояна вещего. — В кн.: МГУ. Доклады и сообщения филологического факультета. М., 1947, вып. 2, с. 42—45; Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950, с. 5—52; Тихомиров М. Н. Боян и Троянова земля. — Там же, с. 175—187; Ржигла В. Ф. Несколько мыслей по вопросу об авторе «Слова о полку Игореве». — ИОЛЯ, 1952, т. 11, вып. 5, с. 428—438; Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968, с. 13—21, 51—52; Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 410—417; Шарыпкин Д. М. 1) «Рек Боян и Ходына...»: (К вопросу о поэзии скальдов и «Слове о полку Игореве»). — Скандинавский сборник, Таллин, 1973, т. 18, с. 195—202; 2) Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов. — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 31, с. 14—22; Никитин А. Л. 1) Наследие Бояна в «Слове о полку Игореве»: Сон Святослава. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе: «Слово о полку Игореве»; Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978, с. 112—133; 2) Испытание «Словом...». — Новый мир, 1984, № 5, с. 182—206; № 6, с. 211—226; № 7, с. 176—208; Лихачев Д. С. В защиту «Слова о полку Игореве». — Вопросы литературы, 1984, № 12, с. 80—99; Робинсон М. А., Сазонова Л. И. Несостоявшееся открытие («поэмы» Бояна и «Слово о полку Игореве»). — Русская литература, 1985, № 2, с. 100—112.

Л. А. Дмитриев

Василий (в иноках Варлаам) (XVI в.) — псковский священник, автор житий, служб святым и других произведений. Писательская деятельность В. падает на 40—60-е гг. XVI в. Скучные биографические сведения об этом писателе устанавливаются только на основании авторских приписок к его сочинениям.

Наиболее ранним из его произведений является *Житие Ефросина Псковского*, составленное В. в 1547 г. по просьбе монахов Елеазарова мо-

настыря. Основным источником для В. послужила первая редакция Жития, относящаяся к началу XVI в. Чудеса были составлены В. на основании монастырских записей и, главным образом, по рассказам очевидцев. При написании Похвалы, следующей за чудесами, В. пользовался текстами *Пахомия Серба* и *Епифанского Премудрого*. Проложное Житие Ефросина (в рукописи XVI в. псковского происхождения — ГБЛ, собр. Румянцева, № 397) представляет собой сокращение редакции В., однако неизвестно, кем было проведено это сокращение. Житие Ефросина в редакции В. было включено в *Великие Минеи Четьи* (Успенский и Царский списки).

В 1550—1552 гг. В. составил *Житие* псковского князя *Всеволода-Гавриила*. Главным источником для него служили летописные записи, тем не менее в Житии встречаются значительные хронологические неточности. Скучность фактических сведений восполнялась характеристикой личности князя, написанной под влиянием *Жития Федора Ростиславича*, князя ярославского, и *Жития Александра Невского*. В., используя какое-то «малое писание» и устные предания (он ссылается на клирика Ивана), присоединил к Житию Всеволода-Гавриила рассказ об обретении и перенесении мощей святого в 1192 г. и о чудесах, совершавшихся в конце XV и в первой половине XVI в. Это Житие также было включено в ВМЧ (оно известно по рукописи ГБЛ, собр. Румянцева, № 397).

После 1547 г., но до пострижения в монахи, В. была написана четвертая редакция Жития Александра Невского, в основу которой был положен церковно-летописный рассказ по *летописи Псковской 2-й*. В. в своем произведении стремился придать герою как можно больше черт благочестивого подвижника, с этой целью он обильно использовал выписки из агиографических сочинений: из *житий Михаила Черниговского* и *Иоанна Новгородского*, написанных Пахомием Сербом, а также из Жития князя Федора Ростиславича и его сыновей, принадлежавшего *Антонию*, иеромонаху Спасо-Ярославского монастыря. Молитва, которую Александр Невский произносит перед боем, заимствована из *Сказания о Мамаевом побоище*. Эта редакция Жития включена в Царский список ВМЧ; в Успенский список, законченный в 1552 г., она не попала. В рукописи XVI в. ГБЛ, собр. Румянцева, № 397, л. 390 об.—417 об. помещено краткое переложение Жития в редакции В.

В предисловии и в тексте самого *Жития Саввы Крыпецкого*, В. сообщает некоторые сведения о написании этого Жития и о себе. Житие было создано в 1555 г. по просьбе монахов Крыпецкого монастыря и по поручению игумена Иосифа. В приложении к биографии Саввы В. добавил описание 19 чудес, часть из них, совершившихся до 1555 г., описана со слов иноков монастыря. Из рассказа о чуде 1555 г. видно, что тогда В. жил в монастыре. Из добавленных чудес за 1557—1564 гг. выясняется, что в эти годы В. стал монахом Крыпецкого монастыря, приняв имя Варлаам. Главным источником для написания Жития послужили монастырские предания, переданные старцами монастыря, которые уже не были современниками Саввы. Скучное по фактическим данным Житие Саввы украшено риторическими рассуждениями. При описании учительности Саввы использован текст *Жития Варлаама Хутынского*, написанного Пахомием Сербом. В предисловии к Житию содержатся похвальные слова в адрес митрополита *Макария*. Проложная статья в рукописи XVI в. ГБЛ, собр. Румянцева, № 397 — сокращенное изложение Жития, написанного В.

Будучи уже священноиноком, В. в 1558 г. написал *Житие Нифонта*, новгородского владыки, основателя Спасо-Мирожского монастыря. В основу своего произведения он положил Сказание о Нифонте, заимствовав его из *Киево-Печерского патерика* Кассиановской (см. *Кассиан*) редакции. Сам В. написал предисловие, несколько новых известий о Нифонте, неизвестно откуда заимствованных, и похвалу. В. сообщил, что праздно-

вание в честь Нифонта было установлено при митрополите Макарии. В эти же годы В. было написано *Житие Никиты* — другого новгородского епископа (рук. ГИМ, собр. Уварова, № 429, в 4-ку, л. 52—78). Для этого он воспользовался произведением *Зиновия Отенского*, написанным по поводу обретения мощей епископа Никиты в 1558 г. В. сообщает, что эту новую (четвертую) редакцию Жития епископа Никиты он написал по поручению митрополита Макария.

Помимо житий В. написаны службы Ефросину Псковскому, князю Всеволоду, Савве Крыпецкому, епископу Нифонту, мученику Георгию Болгарскому (см. *Илья*). В. П. Адрианова-Перетц атрибутирует В. Похвальное слово Алексею человеку божью, известное по рукописи начала XVII в. (Орлов А. С. Библиотека Московской Синодальной типографии. М., 1896, вып. 1 (Сборники), с. 46, № 7 (199)). Оно написано было после 1559 г. Основным источником послужило *Житие Алексея* в древней редакции *Златоструя*; кроме того, В. использовал и свое собственное произведение — *Житие Ефросина Псковского*. Наблюдается также сходство Похвалы Алексею с Житием Нифонта, принадлежащим тоже В.

Между 1558 и 1563 гг. на основании краткой редакции *Жития Исидора Юрьевского* В. написал распространенный вариант его. В заглавии отмечено, что работал В. над Житием по «благословению митрополита Макария». Кроме обычного для В. витиеватого распространения текста в содержании произведения усилена антилатинская направленность. Дополнительными источниками при написании Жития служили: 1) грамота, прочитанная в Москве по повелению митрополита *Исидора* после его возвращения; 2) *Стоглав*; 3) слова Марка Ефесского к папе Евгению на соборе; 4) эпизод из Мучения Кирика и Улиты. Творчество В. по преимуществу связано с Псковской землей, и одно из его последних произведений — «Сказание об иконе знамения Богородицы Мирожской», написанное в 1565 г., посвящено псковской тематике. В нем описывается «чудо слезного знамения» — заступничество Богородицы за «Псков и люди» в виду угрозы со стороны Литвы.

П. М. Строев (Словарь, с. 41) и Филарет (Обзор, с. 209) авторству В. приписывают *Житие Арсения Коневского*. Это Житие было написано игуменом Коневского монастыря *Варлаамом*. Однако доказательств отождествления псковского В.-Варлаама с Варлаамом, коневским игуменом, нет. Н. С. Державин высказал мнение, что статьи о Всеволоде-Гаврииле и Александре Невском в *Степенной книге* были написаны В. Однако П. Г. Васенко оспорил участие В. в работе над Степенной книгой.

Как показывает фактический материал, писательская деятельность псковского священника В. осуществлялась под покровительством митрополита Макария. В предисловии к Житию Саввы Крыпецкого В. и воздает хвалу своему покровителю. Творчество В. вполне соответствовало требованиям, которые Макарий предъявлял к писателям агиографического жанра. Жития, написанные В. до 1552 г., оказались включенными в новые списки (Успенский и Царский) ВМЧ. Со слов самого В., Макарий и позже продолжал ценить его как агиографа. Будучи посредственным писателем, В. усвоил тот литературный канон, которого придерживался митрополит Макарий, приспособился к примитивным приемам работы в житийном жанре и сумел создать большое число произведений. На примерах сочинений В. четко выявляются требования Макария, предъявляемые им к агиографическим сочинениям. Главной целью создаваемых произведений было прославление святого путем «плетения похвалы». Образцом для этого служили сочинения знаменитых авторов, представителей стиля «плетения словес». В. стремился подражать Пахомию Сербу и чаще всего делал заимствования из его произведений. Но работал В. ремесленно, компилятивность его сочинений явно видна. Он использовал традиционную схему житий, что позволяло ему переносить характеристики героев и даже просто целые отрывки текстов из одного жития в другое. В ре-

зультате этого он нередко передавал искаженно изложение событий. В житиях, написанных В., наблюдается скудость фактических сведений при наличии распространенности текста за счет традиционных житийных формул и повторов. Манера творчества В. является типичной для литературного круга митрополита Макария середины XVI в. Подобный характер работы наблюдается и в ряде других житий, создаваемых в это время, имена авторов которых не все дошли до нас. Многие жития В. остаются неизданными.

Соч.: Житие Ефросина Псковского: ПЛ, 1862, вып. 4, с. 67—116. Житие Александра Невского: Манси́кка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и тексты. ОЛДП, 1913, с. 33—48 (тексты) (ПДПИ, вып. 180). Житие Саввы Крыпецкого: Повесть о начале Псковского Печерского монастыря. М., 1831, с. 45—66 (в сокращении, с перестановками и подновлением стиля, ср. в рукописи ГПБ, собр. ОЛДП, № 258, л. 137—210). Житие новгородского владыки Нпфонта: ПЛ, 1862, вып. 4, с. 1—9. Житие Исидора Юрьевского: Будилович А. С. О русском Юрье старого времени в связи с Житием священномученика Исидора и с ним сопострадавших 72 юрьевских мучеников. — Сборник учено-литературного общества при Юрьевском университете, 1901, т. 4, с. 76—89; Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Киев 30 мая—10 июня 1915 г. Киев, 1916, с. 167—176. Сказание об иконе знамения Богородицы Мирожской: Лапу́стин А. Тексты сказаний о псковских чудотворных иконах божьей матери. — В кн.: Труды Псковского церковного историко-археологического комитета. Псковская старина, Псков, 1910, т. 1, с. 78—108.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 239, 250—262; Строев. Словарь, с. 37—41; Филарет. Обзор, с. 209—210; Макарий. История русской церкви. СПб., 1891, т. 7, с. 427—432, 442—443; Державин Н. С. «Степенная книга» как литературный памятник: Опыт исследования литературного состава «Степенной книги». Г. Миллера. Батум, 1902, с. 77—78, 86—87; Серебрянский Н. О редакциях Жития преподобного Саввы Крыпецкого. СПб., 1903; Васенко П. Г. «Книга степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904, ч. 1, с. 195—198 (Записки историко-филологического фак-та Санктпетербургского ун-та, ч. 73); Серебрянский Н. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908, с. 146—168 (ЧОИДР, кн. 3, 4); Инок Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче / Сообщ. Н. П. Лихачева. ПДПИ, 1908, № 168, с. VIII—XI; Серебрянский. Княжеские жития, с. 215—217, 257—260; Адрианова-Перетц В. П. Из истории русской агиографии XVI в. — В кн.: «Sertum bibliologicum» в честь А. П. Маляина. Пб., 1922, с. 146—154; Фетисов И. К литературной истории Повести о мученике Исидоре Юрьевском. — В кн.: Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 218—221 (СОПЯС, т. 101, № 3); ИРЛ I. М.; Л., 1945, т. 2, ч. 1, с. 522; Калиганов И. О предполагаемом автографе Василия-Варлаама. — Palaeobulgarica. Старобългаристика, 1983, № 3, с. 79—91.

Р. П. Дмитриева

Вассиан (ум. 1508) — епископ тверской (в миру князь Василий Иванович Стригин-Оболенский), автор грамоты митрополиту Геронтию. В 1461—1477 гг. архимандрит Тверского Отроча монастыря. Став в 1477 г. епископом, В. остался на кафедре и после присоединения Твери к Русскому государству в 1485 г. и сохранял свой сан вплоть до смерти. По видимому, именно ему, еще в бытность В. архимандритом, было адресовано Послание Иосифа Волоцкого о Троице: связь адресата с Тверью служила основанием для предположения (А. И. Клибанов), что предметом полемики Иосифа были не новгородско-московские еретики (так называемые жидовствующие), а тверские (о существовании которых во второй половине XV в. других сведений не сохранилось).

Единственное произведение В., известное нам, — его грамота митрополиту Геронтию, в которой В. доверяет митрополиту совершать «какое восхошет божие великое дело, по святым правилам». Кроме того, В. приписывалось составление особой редакции Кормчей книги. Предположение о В. как редакторе Кормчей основывалось на догадке А. Х. Востокова, отметившего в описании Румянцевского собрания (ныне в ГБЛ) тип Кормчих, где церковные правила были расположены не в хронологическом, а в систематическом порядке — по «титулам» или «граням» Номоканона («Собрания 14 титулов»), составителем которого считался

константинопольский патриарх Фотий. «Такое распределение правил не было ли сделано Вассианом епископом тверским, в бытность его еще монахом, до конца 1478 г., ибо в одном списке Кормчей конца XV в., принадлежащем императорской Публичной библиотеке и содержащем в себе такое же распределение по грядям, надписано: Перевод Васиана старца князя правила по грядям. Вассиан епископ тверской был из рода князей Стригиных-Оболенских и до поставления на епископство архимандритом Отроча монастыря, где, вероятно, и трудился над означенной Кормчей, т. е. над распределением оной по грядям», — писал А. Х. Востоков. Мнение А. Х. Востокова было поддержано и другими авторами, хотя основывалось оно, как мы видим, на записи в рукописи, точных сведений о которой ученый не привел. Между тем в науке хорошо известна Кормчая, где текст действительно расположен по грядям Фотиева Номоканона, и составителем ее как раз был «Вассиан старец князь», но не Вассиан Стригин-Оболенский, а постриженный в монахи князь *Вассиан Патрикеев*.

К сожалению, однако, рукопись с записью, обнаруженной Востоковым в Публичной библиотеке до 1842 г. (когда составлено его Описание рукописей Румянцевского музея), найти не удалось. Из двух Кормчих той же редакции, находящихся в ГПБ с первой трети XIX в., одна (F. II. 74) была составлена Вассианом Патрикеевым, но содержит только косвенные указания на его авторство (эта Кормчая включает «Собрание некоего старца», написанное Вассианом Патрикеевым, характерное для него указание на противоречия между «святыми правилами» и Евангелием, а также ссылку на л. 447 на написание этой рукописи в 1517 г. «по благословению... Варлаама митрополита»). Другая Кормчая (F. II. 79) не включает никаких особых записей и «Собрания некоего старца». На основе имеющихся данных считать В., епископа тверского, составителем одной из редакций Кормчей во всяком случае едва ли возможно.

Соч.: РИБ, СПб., 1880, т. 6, № 109, стб. 743—744.

Лит.: Востоков. Описание, с. 313, № 236; Послания Иосифа Волоцкого. М.: Л., 1959, с. 139—144 (Послание Иосифа Волоцкого В.), 243—244 (комментарий к Посланию Иосифа); Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, с. 181—183.

Я. С. Лурье

Вассиан Возмицкий (Вотмицкий) (ум. 1568) — архимандрит Возмицкого монастыря, писатель, книгописец. Скудные биографические сведения устанавливаются главным образом на основании записей в рукописях самого В. Он был постриженником Иосифо-Волоколамского монастыря, учеником старца *Фотия*. Одно время он являлся архимандритом Возмицкого монастыря, этим и определяется его прозвище (см. запись в рукописи ГИМ, собр. Синодальное, № 927, л. 1: «Черница Васиана Фатеева, бывшего архимандрита Вотмицкого монастыря Тверского уезда писмо...»). Последние годы жизни он провел в Волоколамском монастыре, где и скончался, что устанавливается на основании описи книг Волоколамского монастыря 1545 г. В дополнениях к описи сообщается, что после В. в монастыре осталось 7 книг, им написанных (Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, Прил., с. 22).

Дошедшее до нас писательское и книгописное наследие В. полностью связано с Волоколамским монастырем. В состав монастырской библиотеки XVI в. входили следующие сохранившиеся до сих пор рукописи, частично или полностью написанные В.: ГИМ, собр. Епархиальное, № 114, 231, 258, 419; собр. Синодальное, № 927; ГБЛ, собр. Волоколамское, № 517, 530; собр. Музейное, № 1257. Наибольший интерес представляют два сборника — собр. Музейное, № 1257 и собр. Синодальное, № 927 (описание их имеется в кн.: Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зимины и Я. С. Лурье. М.: Л., 1959, с. 114—115, 116). Они особенно наглядно демонстрируют характерную черту, свойственную со-

ставителям волоколамских сборников, которые любили переписывать произведения своих учителей и писателей, имеющих отношение к иосифлянам. В. в эти свои два сборника включил по преимуществу сочинения волоколамских авторов, в том числе и свои собственные (Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 211—212).

В. известен как автор нескольких произведений, хотя авторство его не во всех случаях является безусловно установленным: 1. Азбуковник «А се имена господни» (Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1901, т. 1, с. 163—164); 2. Житие Фотия, ученика *Кассиана Босого*, переписано В. в его сборнике ГИМ, собр. Синодальное, № 927, л. 171—178, где В. сообщает о своем авторстве (Строев. Словарь, с. 44—45; Филарет. Обзор, с. 213; Ключевский. Древнерусские жития, с. 295); 3. Житие Кассиана Босого, переписано В. в его сборнике ГБЛ, собр. Музейное, № 1257, л. 16 об.—24 об. (Ключевский. Древнерусские жития, с. 295; Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. — РФВ, 1901, № 3—4, с. 101; Филарет. Обзор, с. 213 (автором считает старца Фотия)); 4. Статья «О вражде старцев Кирилло-Белозерского монастыря на иосифлян» (Отношения иноков Кириллова Белозерского и Иосифова Волоколамского монастырей в XVI в. — Прибавления к ТСО, 1851, с. 502; Строев. Словарь, с. 44—45; Филарет. Обзор, с. 213); 5. *Волоколамский патерик*, переписан в сборнике В. ГИМ, собр. Синодальное, № 927, л. 2—42 (Строев. Словарь, с. 44—45 (считает, что Патерик составлен В.)); 6. Надгробное слово об Акакии, епископе тверском (ум. 1567), переписано в рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1554, л. 52—56 об. (Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977, с. 285).

Р. П. Дмитриева

Венедикт (XVII в.) — грек, «архимандрит цареградский», приглашенный в середине XVII в. в Москву по рекомендации патриарха иерусалимского Феофана «для печати и учения». В. приписывается перевод какой-то латинской книги об Индии (оригинал не установлен). Сохранился список толкования В. текста Апокалипсиса о семи фиалах, с лествичным обращением к боярину *Б. И. Морозову* и стольнику *Ф. М. Ртищеву*. Упоминаемый в главах 15—17 Апокалипсиса змий толкуется В. как «нечестивейший агарянин турок». В литературном отношении толкование В. не представляет особого интереса.

В. не сумел оправдать возлагавшихся на него надежд ни как учитель, ни как духовный наставник; преувеличивая свою роль и свою ученость («аз Венедикт, великий архимандрит и учитель и богослов в церкви константинопольской»), В. настойчиво требовал от московского царя денег и соболей («вели, государь, тые сорок соболев поценнее дати»). Обвиненный в Москве в составлении подложных грамот, подделке подписи александрийского патриарха, В. был отослан на родину.

Соч.: Толкование мотива о семи фиалах из Апокалипсиса (отрывок) по списку ГПБ, Q.I.1010, л. 207—210 об.; Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909, т. 1, с. 77.

Лит.: Бычков И. А. Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова. СПб., 1891, вып. 1, с. 144—145; Соболевский. Переводная литература, с. 44, 342; Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. 2-е изд. Сергиев Посад, 1914, с. 313, 322, 483—484; Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973, ч. 2, с. 78.

О. А. Белоброва

Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125) — великий князь киевский, автор «Поучения». В. В. получил прозвание по своей матери —

дочери византийского императора Константина Мономаха. Он был крупнейшим политическим и военным деятелем Руси на рубеже XI и XII вв. и вместе с тем выдающимся писателем, чьи произведения строго следовали его политической программе и отражали его покровительство литературной, летописной, законодательной деятельности своего времени. Начнем с характеристики его политической деятельности и тех идей, которые он пытался провести в жизнь.

Как известно, в XI в., особенно во второй его половине, усиливается феодальная раздробленность Руси. Каждый из князей претендует на самостоятельное управление своей отчиной. В. В. не был противником все углублявшегося деления Русской земли на отдельные княжества, но стремился при этом сохранить политическое, военное и культурное единство Руси на новой моральной основе: на основе договоров о союзах князей между собой, скрепляемых целованием креста, взаимными обещаниями довольствоваться своими отчинами без посягательств на отчины соседей. Свою идею союзов В. В. постоянно высказывал на княжеских съездах (1097, 1100 и 1103 гг.). Устанавливает В. В. и культ князей-братьев Бориса и Глеба (см. *Нестор, Сказание о Борисе и Глебе*), безропотно подчинившихся своему старшему брату Святополку и погибших от руки подосланных им убийц. Культ Бориса и Глеба должен был подать пример всем князьям полного, до самой мученической кончины подчинения старшему князю и вместе с тем резко осудить старшего князя — в данном случае Святополка Окаянного, — не пожелавшего считаться с правами младших. Тем самым В. В. как бы выступал против принципа единодержавия на Руси, изображая это единодержавие в известных обстоятельствах преступным и братоубийственным. Стремясь к миру и добровольному единству Руси при одновременном наличии многих ее «держателей», В. В. покровительствовал летописанию, которое напоминало об историческом единстве княжеского рода и пропагандировало легенду о происхождении всех русских князей от одного князя — Рюрика (о политическом значении «варяжской легенды» см.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Л., 1947, с. 92—93).

Выступая за мир на основе договорных начал между князьями и принципа отчинного начала, В. В. стремился по возможности смягчить также и социальные противоречия. В 1113 г. В. В. был призван на киевский стол восставшими народными массами. В. В. законодательным путем вводит некоторые смягчения для низов, облегчает положение должников и закупов. Так возникает Устав В. В., включенный затем в Пространную Правду (см.: Правда Русская. М.; Л., 1940, т. 1 (тексты); М., Л., 1947, т. 2 (комментарии); Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941, гл. 23). Сильная «идеологизация» всей государственной жизни передалась и его наследнику — старшему сыну Мстиславу Великому от его первой жены, дочери последнего англосаксонского короля Гаральда. С Мстиславом связаны новгородское летописание (см.: Приселков. История летописания, с. 44), последняя редакция *Повести временных лет* (там же, с. 43—44) и знаменитое напестрелное «Мстиславово евангелие», предназначавшееся для выстроенного Мстиславом в 1111 г. в честь своего патрона Георгия Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде.

Главное литературное произведение В. В. — его знаменитое «Поучение» детям и «инь кто прочтетъ». Первоначальное «Поучение» состояло из трех самостоятельных частей: собственно «Поучения», «Летописи» его жизни (или «Автобиографии») и письма («грамотицы») его постоянному политическому сопернику — князю Олегу Святославичу (в «Слове о полку Игореве» он носит прозвище Олега Гориславича, см. *Автор «Слова о полку Игореве»*) Черниговскому. Атрибуция В. В. четвертого, последнего произведения, ранее включавшегося в состав «Поучения», — «Молитвы» после исследований Н. Н. Воронина (Воронин Н. Н. О времени и

месте включения в летопись сочинений Владимира Мономаха. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 265—271) и Р. Маттесена теперь отвергается. Дело в том, что в «Молитве» цитируется «Канон молебный», несомненно принадлежащий *Кириллу Туровскому*. Надо думать, что все три произведения были соединены самим В. В. Во всяком случае «Летопись» его жизни и письмо к Олегу Святославичу присоединены к собственно «Поучению» как иллюстрация и развитие мыслей последнего; о том, что эти произведения соединены самим автором, свидетельствует ряд признаков. По-видимому, это собрание своих сочинений создано В. В. для того, чтобы распространять свое произведение. Включение их в летопись *Лаврентьевскую* могло быть сделано позднее кем-то из владимирских летописцев с присоединением «Молитвы» Андрея Критского — покровителя *Андрея Боголюбского*, вероятнее всего в 1177 г., как предполагает Н. Н. Воронин.

Многочисленные исследователи «Поучения» по-разному определяли время его написания. Однако нельзя относить «Поучение» к одному времени: надо рассматривать отдельно время написания каждого из трех еголагаемых и так же отдельно время соединения В. В. всех трех в единое произведение. «Поучение» сохранилось в единственном списке в составе летописи Лаврентьевской под 1096 г., где оно разрывает связный текст о происхождении половцев. Но к 1096 г. «Поучение» не относится — оно захватывает собой и события более позднего времени. К 1096 г. может относиться по содержанию только письмо В. В. Олегу Святославичу. В основной части «Поучения» Мономах пишет о том, что его повстречали «слы» (послы) других старших князей и просили выступить против младших — князей изгоев — Володаря и Василька Ростиславичей. Поход этот был задуман в 1099 г., и приглашение принять в нем участие сильно огорчило В. В. К этому времени и относится, по-видимому, основная, первая часть «Поучения», сильно переработанная впоследствии, в более позднем возрасте, чему, как заметил В. Л. Комарович, и более соответствуют старческие интонации «Поучения» (Комарович В. Л. Поучение Владимира Мономаха, с. 290). Перечисление походов в последующей части заканчивается походом против минского князя Глеба в 1117 г. К этой дате относится «Летопись» жизни В. В. — его вторая часть. Письмо к Олегу Святославичу Черниговскому относится к событиям 1096 г., и, очевидно, по событиям этого письма все сочинения помещены летописцем именно под 1096 г.

Жанр «поучений детям» довольно распространен в средние века. Однако «Поучение» В. В. обращено не просто к детям, а к детям — наследникам государственной власти. В этом отношении «Поучение» В. В. аналогично поучению, приписываемому патриарху Фотию и адресованному сыну византийского императора Василия, «Наставлению» французского короля Людовика Святого сыну Филиппу, поучению англосаксонского короля Алфреда и англосаксонским «*Faeder Larcwidas*» («Отцовские поучения») начала VIII в., сохранившимся в библиотеке тестя В. В. — англосаксонского короля Гаральда. Из поучений к простым детям «Поучение» В. В. близко к слову Василия Великого «како подобает человеку быти», поучению «некоего отца к сыну», поучению Ксенофонта «к сынома своим», наставлению Исихия, кстати сказать известному по *Изборнику 1076 г.* — по-видимому, походной книге В. В. Жанр автобиографии, к которому относится «Летопись» В. В., присоединенная к «Поучению», известен в сравнительно поздних образцах XVII в. и в отдельных автобиографических заметках, включенных в состав памятников XVI—XVII вв. (в «Домострое» попа *Сильвестра*, в Повести *Нестора-Искандера* о взятии Царьграда, в *Казанской истории*) и в некоторых произведениях, описывающих события Смутного времени). В целом же для XI—XII вв. аналогий автобиографии В. В. указать нельзя. В стилистическом и фразеологическом отношении на «Поучение» В. В. особенно повлияли *Псалтирь*,

«Шестоднев» Иоанна Екзарха Болгарского, Повесть временных лет и др.

Основные политические идеи «Поучения» во всех трех частях его — те же, что и во всей деятельности В. В. Князь проповедует необходимость сохранять разделение Русской земли между князьями, но одновременно быть объединенными взаимными договорными обязательствами для совместных походов на степь. Простейший пример такого объединения В. В. в своем «Поучении» видит в жизни птиц. Птицы весной прилетают из рая и каждая находит свое, принадлежащее ей место: и «худые» птицы, и сильные; ни одна не пытается согнать другую и занять лучшее место, но каждая довольствуется своим уделом. Затем В. В. проповедует умеренность во всем: в отношении к подчиненным, зависимым, слабейшим. Взаимная уступчивость, трудолюбие, неустанные совместные походы, осторожность, «послушание» и «покорение» старшим, уважение прав младших — вот что является идеалом людей княжеского положения и что должно являться основой политического единства Руси.

Соч.: Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, называемая в Летописи суздальской «Поучение». СПб., 1793; ПСРЛ, Л., 1921—1927, т. 1, вып. 1—2, стб. 240—256 (фототипическое переиздание: М., 1962); Орлов А. С. Владимир Мономах. М.: Л., 1946; ПВЛ, М.; Л., 1950, т. 1, с. 153—167; ПЛДР: Начало русской литературы, XI—начало XII века. М., 1978, с. 392—413.

Лит.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1853, т. 3, гл. 1, с. 101—104; М., 1852, т. 2, с. 38—40; Протопопов С. Поучение Владимира Мономаха как памятник религиозно-нравственных воззрений и жизни на Руси в дотатарскую эпоху. — ЖМНП, 1874, февраль, с. 231—292; Воскресенский В. А. Поучение детям Владимира Мономаха. СПб., 1893; Шляков Н. В. О поучении Владимира Мономаха. — ЖМНП, 1900, май, с. 96—138; июнь, с. 209—258; июль, с. 1—21; Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. Часть 1. Поучение детям. Письмо к Олегу и отрывки. М., 1901; Алексеев М. П. Англосаксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха. — ТОДРЛ, М.; Л., 1935, т. 2, с. 39—80; Шахматов. Обзорение, гл. I и VII; Приселков М. Д. 1) Лаврентьевская летопись. — Учен. зап. ЛГУ, 1938, № 32. Серия исторических наук, вып. 2, с. 76—142; 2) История летописания, гл. II—III; Комарович В. Л. Поучение Владимира Мономаха. — В кн.: ИРЛ I. М.; Л., 1941, т. 1, с. 289—297; Данилов В. В. «Октавий» Минуция Флавия и «Поучение» Владимира Мономаха. — ТОДРЛ, М.; Л., 1947, т. 5, с. 97—107; Будовниц И. У. «Изборник» Святослава 1076 года и «Поучение» Владимира Мономаха и их место в истории русского общественного мысли. — ТОДРЛ, М.; Л., 1954, т. 10, с. 44—75; Лихачев Д. С. 1) Этическая система на Владимир Мономах. — Эзик и литература, 1966, № 4, с. 1—16; 2) «Шестодневъ» на Иоан Екзарх Български и «Поучението» на Владимир Мономах. — В кн.: Лихачев Д. С. Големият свят на руската литература. София, 1976, с. 536—539; 3) Сочинения князя Владимира Мономаха. — В кн.: Лихачев Д. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. 2-е изд. М., 1979, с. 141—161; Маттесен Р. Текстологические замечания о произведениях Владимира Мономаха. — ТОДРЛ, Л., 1971, т. 26, с. 192—201; Копреева Т. Н. К вопросу о жанровой природе «Поучения» Владимира Мономаха. — ТОДРЛ, Л., 1972, т. 27, с. 94—108; Мещерский Н. А. 1) К толкованию лексики одного из «темных мест» в «Поучении» Владимира Мономаха. — В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1977, вып. 2, с. 39—42; 2) «Поучение» Владимира Мономаха и «Изборник 1076 года». — Вестник ЛГУ, 1980, № 20. История, язык, литература, вып. 4, с. 104—106.

Д. С. Лихачев

Гавриил Домецкий (ум. 1709) — полемист конца XVII в. Приехал в Москву из Киева, где он получил обширное образование; после службы в одном из московских приказов принял монашество. В 1676—1690 гг. Г. был архимандритом Московского Симонова монастыря, а затем по 1708 г. архимандритом Новгородского Юрьева монастыря. Г. принадлежал к «латинской» партии в литературной борьбе конца XVII—начала XVIII в.

Г. принадлежит целый ряд сочинений, посвященных монашеской жизни: «Киновион, или Изображение иноческого общего жития, от свягых отец вкратце собрано... 1683» (БАН, собр. II. I, А 79); «Цвичене всегдашнее монастырское, яко законник мает...» (1683 г.) — это келейный устав Симонова монастыря, изложенный на украинском языке (из-

вестен и русский список — «Учение всегдашнее монастырское, како монахам должен поучатися во святом монашеском чину и течение свое иноческое управлять» — БАН, собр. П. I, А 78); «Учение о совершенстве монашеском» (в 12 степенях, 1685 г.); «Чин общежительный пречестных... обителей... Симонова монастыря» (1690 г.); «Путь к вечности», «Сад, или Вертоград духовный, украшенный многоразличными нравоучениями цветами» (1685 г.) (БАН, собр. П. I, А 77); слово о пьяницах, «О воззваню до закону...» и «Размышление на семь дней о семи добродетелях» (1683 г.) (Центр. научная б-ка АН УССР, № 596/263с). Другая часть трудов Г. посвящена полемике с ревнителями греческой образованности: в 1704 г. в Новгороде написаны «Ответы на защищение книги „Остен“», а против греков братьев *Лихудов* составлено «Обличение на гаждатели св. писания» (ГПБ, собр. Софийское, № 1203). Известны письма Г. к митрополиту новгородскому *Иову*. На эти возражения Г. основательные ответы подготовил *Дамаскин*, иеромонах чудовский, защищавший «Остен» и Лихудов и упрекавший Г. в пустословии и дурном влиянии на Иова и т. д.

В литературных трудах Г. ощущается казуистическая изворотливость, сказывается опыт иезуитской школы, воздействие католическо-польской среды. Отсюда светский характер рекомендаций монахам, допускающих нарушение поста для больных, известное щегольство в одежде и т. п. Сочинения Г. переписывались, списки их доходили до Новоиерусалимского, Антониево-Сийского, Александровского Успенского девичьего, Костромского Богоявленского монастырей; они попали в Киев, Вологду, Новгород, Москву, Петербург (БАН, собр. П. I). Известны сборники сочинений Г. (ГПБ, Q. I. № 917 и собр. СПб. ДА, № 160; Центр. научная б-ка АН УССР, № 596/263с).

Соч.: Гавриил Домецкий. Путь к вечности. СПб., 1784; Слово о пьяницах Гавриила Домецкого. — ПС, Казань, 1862, ч. 1, январь, с. 385—398; О воззваню до закону и доскональности введенных в него обвязующимся последовати господу Иисусу Христу. Избрано из учений разных учителей трудом Гавриила Домецкого, недостойного архимандрита... обители Симонова монастыря... 1683-го индикта 11 месяца ноемвриа. — ИОРЯС, 1904, кн. 4, с. 23—87; Размышление на семь дней о семи добродетелях... — Там же, с. 87—96.

Лит.: Евгений. Словарь, т. 1, с. 76—77; Образцов И. Я. Архимандрит Гавриил Домецкий и иеродиакон Дамаскин. — Духовная беседа, 1865, № 1—3; Лубимов С. Борьба между представителями великорусского и малорусского направления в Великороссии в конце XVII и начале XVIII веков. — ЖМНП, 1875, сентябрь, с. 89—103; Строев. Словарь, с. 47—49; Филарет. Обзор, № 251; Отчет имп. Публичной библиотеки за 1884 год. СПб., 1887, с. 107—113; Браиловский С. Н. К литературной деятельности Гавриила Домецкого. — ИОРЯС, 1904, кн. 4, с. 17—96; Украинські письменники, с. 305—306; Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва. Л., 1978, с. 23.

О. А. Белоброва

Герасим Замытский (Замыцкий) (XVI в.) — монах Иосифо-Волоколамского монастыря, книгописец. О нем дошли отрывочные и несколько противоречивые сведения. К 1511 г. относится упоминание о нем как о монахе Волоколамского монастыря в послании *Иосифа Волоцкого* Борису Васильевичу Кутузову (Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зиминой и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959, с. 212). На первых листах рукописи ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 162 имеется вкладная запись 1519 г., в которой сообщается, что «сию книгу, глаголемую Иоан Лествичник, да Ефрем Сирий в ней прописан, дал инок Герасим Замытской из Кириллова монастыря» (Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевской лавры. М., 1878, ч. 1, с. 141). П. Строев сообщает, что Г. был архимандритом Симонова монастыря в 1520—1526 гг. и умер на покое в Волоколамском монастыре (Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, с. 150). В синодике Кирилло-Белозерского монастыря (ГБП, собр. Кирилло-Бе-

лозерское, № 759/1016) сообщается, что он умер в Кирилло-Белозерском монастыре. И. У. Будовниц отождествляет его с *Герасимом Черным* (Будовниц. Словарь, с. 48).

Как книгописец Г. более всего связан с Волоколамским монастырем. В описи книг 1545 г. названо 5 рукописей, им написанных, которые занимали почетное место среди первых книг библиотеки монастыря и использовались в богослужебной практике (Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, Прил., с. 9—12). Сохранились 4 рукописи, имеющие отношение к Г. Помимо упомянутой выше рукописи (ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 162) известно Евангелие XV в., которое было дано Г. в Волоколамский монастырь (ГБЛ, собр. Волоколамское, № 17); на л. 1 в нем сообщается: «Евангелие, писмо Варлаама доброписца, а дал его в дом пречистые Богородицы бывший архимандрит Симоновской Герасим Замытцкой» (Иосиф, иеромонах. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882, с. 5). В двух рукописях имеется запись о том, что они написаны рукой Г.: 1) ГПБ, собр. Толстого, отд. I, № 139 (Обстоятельное описание славяно-русских рукописей графа Ф. А. Толстого. М., 1825, с. 73); 2) ГБЛ, собр. Волоколамское, № 152 (Иосиф, иеромонах. Опись рукописей..., с. 18).

Р. П. Дмитриева

Герасим Черный (XV в.) — сподвижник *Иосифа Волоцкого* по Пафнутьево-Боровскому и Иосифо-Волоколамскому монастырям, книгописец. В послесловии писца в рукописи с сочинениями Аввы Дорофея (ГБЛ, собр. МДА, фонд, № 60, л. 209 об.) Г. выразил свое отношение к Иосифу, назвав его «начальником, и пастырем, и учителем, и наставником» (Леонид. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троице-Сергиевской лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии). М., 1887, вып. 2, № 34). Когда Иосиф, оставив Пафнутьев монастырь, отправился в путешествие по другим русским монастырям, своим спутником он избрал Г. В 1479 г. Иосиф Волоцкий основывает новый монастырь на реке Ламе в Волоцком княжестве. Г. оказывается в числе первых обитателей этого монастыря. *Евфимий Турков* называет Г. среди самых главных волоколамских «начальников» и «учителей», наряду с Иосифом, *Кассианом Босым* и Ионой Головой (Послания Иосифа Волоцкого/Подгот. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959, с. 109).

В послании Иосифа Волоцкого Борису Васильевичу Кутузову имя Г. упомянуто дважды. Сообщая о притеснениях волоцкого князя Федора Борисовича, Иосиф рассказывает о том, как по его поручению Г. пытался получить денежный долг от князя, последний денег не отдал, а Г. «хотел кнутьем бити». Далее Иосиф жалуется, что волоцкий князь отбирает у монахов иконы и книги «мастерского письма», в том числе он хотел отобрать у Г. «Псалтырю добру»; последний книгу не отдал, а отослал в Сергиев монастырь. Это сообщение Иосифа Волоцкого свидетельствует о том, что книгописная деятельность Г. его современниками высоко оценивалась. Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. подтверждает слова Иосифа о Г. как об одном из наиболее авторитетных писцов, положивших начало библиотеки в Иосифо-Волоколамском монастыре. В описи перечислено 16 рукописей, написанных Г.; то же число отмечено и в описи 1573 г. Рукописи, написанные Г., занимали почетное место в общемонастырской библиотеке (в описи они перечисляются одни из первых) и входили в основное ядро книг богослужебной практики монастыря (так, в описи 1545 г. отмечено «Евангелие в десть в большей церкви на престоле, писмо Герасима Черного»). В настоящее время из-

вестно пять рукописей, написанных Г.: ГИМ, собр. Епархиальное, № 320, 328, 90; ГБЛ, собр. Волоколамское, № 121; собр. МДА, фонд, № 60.

Лит.: Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 года. — ЧОИДР, М., 1847, № 7, отд. 4, с. 6; Опись Иосифова Волоколамского монастыря 1545 (7053) года. — В кн.: Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, Прил., с. 8, 10—17; Майков Л. Н. О Герасиме Поповке, русском книжнике конца XV века. — ИОРЯС, 1900, т. 5, кн. 2, с. 374; Будовниц. Словарь, с. 48; Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977, с. 48—50.

Р. П. Дмитриева

Герман Подольный (или Пустынный) (ум. 1533) — инок Кирилло-Белозерского монастыря, предполагаемый автор описания монастырских рукописей конца XV в. Адресат посланий *Нила Сорского*, *Нила Полева* и неизвестного лица, писец и владелец рукописного сборника ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 101/1178, так называемого «Германова соборничка» (запись XVI в.). В этой книге содержатся реестр и два варианта, черновой и белой, составленного в конце XV в. описания книг Кирилло-Белозерского монастыря, раскрывающего их содержание и являющегося ценнейшим источником по истории монастырской библиотеки, библиотечного дела и книжной культуры Северо-Восточной Руси XV в. Рукопись содержит также хроникальные заметки за 1501—1510 гг. Г. был монахом Кирилло-Белозерского монастыря, затем, как показывает тематика заметок за 1501—1509 гг., уйдя оттуда, жил неподалеку от монастыря в Белозерском же крае, а после этого основал неподалеку от вологодского Прилуцкого монастыря собственный монастырь, Подольный (тематика заметок за 1509—1510 гг.). Среди заметок есть записи о смерти *Паисия Ярославова*, Андрея, старшего брата Нила Сорского, и самого Нила Сорского. Имеющиеся тут же упоминания о Буруновых позволяют судить о близости Г. к роду Сорокоумовых-Глебовых.

Собственные послания Г. до нас не дошли. Одно из них было адресовано Нилу Сорскому, тот в ответ на него написал (не раньше 70—80-х гг. XV в.) свое послание, содержание которого позволяет думать, что Г. уже оставил в это время Кирилло-Белозерский монастырь (стараясь не обидеть адресата, Нил Сорский пишет здесь о распространении среди монахов вообще своеволия и невнимания к «божественным писаниям»). Из этого послания ясно также, что Г. навещал Нила Сорского в его лесном скиту и что у них при этой встрече возник спор. Вспоминая этот разговор, Нил в послании просит Г. не скорбеть из-за того, что было между ними тогда сказано, и продолжает настаивать, что «не просто или яко же прилучится подобает нам творити делания кая, что не божественных писаниях и по преданию святых отец». В списке этого послания, содержащемся в «Германовом соборничке» (л. 218—221), — и больше ни в каком другом списке, — над строкою, где у Нила идет речь о месте, в каком он поселился, уйдя из Кирилло-Белозерского монастыря, к словам «якоже сам видел еси» приписано «и похвалил мя еси», отчего получается, что Нила Сорского за выбор им места для своего скита похвалил Г.

В сборнике ГИМ, Синодальное собр., № 791, XVI в. (л. 76—93 об.) содержится послание неизвестного лица к «От благодарного корене родившемуся и от благочестивых родителей воспитанному и изрядному и духовному господину моему старцу Герману» с убеждением вернуться в только что покинутый им неназываемый монастырь. Автор укоряет Г. в потакании собственной слабости, в своеволии, говорит о печали, причиненной им отцу, матери и «сродникам своим еже по плоти, иже zde во обители оставил еси смущены», передает ему повеление его старца ни чем не держать совета с неким Пенкою, а также просит никому не показывать эту «грамотку». Из двух посланий к Г. Нила Полева следует, что после отлучения *Иосифа Волоцкого* от церкви новгородским архиепи-

скопом *Серапионом* за самовольный переход из его власти в непосредственное подчинение митрополиту Г. считал отлученными и всех постриженников Иосифа, к которым относились Нил Полев и *Дионисий Звенигородский*. Нил Полев узнал об этом от Дионисия и написал Г. пространное и резкое послание, в котором предлагал ему пойти и «обличить в неправильном решении (имеется в виду смещение архиепископа Серапиона) царя и митрополичий собор, укорял Г., говоря, что тот был мягок и добр, когда речь шла «о вразех Христовых и отступницех православныя веры христианския, о идолопоклонницех» (относительно которых Г., по словам Нила Полева, говорил: «Нам судити не подобает никого — ни верна, ни неверна, но подобает молиться за них, в заточение не посылати»), а теперь, будучи простым чернецом, берется судить митрополита, епископов и игуменов. Слова Нила Полева показывают также, что Г. в то время уже ушел из Кирилло-Белозерского монастыря, но еще не основал Подольный, жил уединенно и не имел священного сана: «Ты же живещи в пустыни и шел еси своих ради грех в уединение, и ныне священнический сан судиши, не на тебе лежащий». Из второго послания Нила Полева ясно, что Г. в ответ на первое его послание прислал к нему «дьякона своего Илью и с ним грамотку свою», в которой отмечал резкий тон первого послания и, по-видимому, извинялся за огорчение. Отвечая Г., Нил Полев объясняет, что он потому пишет «жестоко», что помнит «своего духовного отца и своему спасению непрелестнаго наставника и житие, и подвизи, и к богу правую и истинную его веру...» (речь идет об Иосифе Волоцком). Послания эти были написаны в период пребывания Нила Полева и Дионисия Звенигородского в белозерских пределах, т. е. до 1511—1512 гг.

Соч.: Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897.

Лит.: Горский А. Отношения инокв Кириллова Белозерского и Иосифова Волоколамского монастырей в XVI в. — Прибавления к ТСО, М., 1851, с. 502—527; Жмакин В. Нил Полев. — ЖМНП, СПб., 1881, с. 185—199; Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, их литературные труды и идеи в Древней Руси. — ПДП, СПб., 1882, т. 16, с. 48—52; Прохоров Г. М. Послания Нила Сорского. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 29, с. 125—143.

Г. М. Прохоров

Голохвастов Василий Яковлевич (ум. 1693) — думный дворянин, автор четырех писем царю *Алексею Михайловичу* о соколиной охоте. Род Голохвастовых выехал из Литвы в XIV в. Г. — внук Алексея Голохвастова, осадного воеводы Троице-Сергиева монастыря в 1608—1610 гг. В детстве Г. воспитывался вместе с царем Алексеем Михайловичем и в 1636 г. был уже комнатным стольником. В 1648 г. при бракосочетании царя с Марией Милославской Г. был вторым царицыным дружкой, а жена Г., Анна, была второй свахой со стороны царицы. В этом же году Г. упоминается как один из помещиков Нижегородского уезда в Пурецкой волости (ему принадлежали также владения в Московском и Рузском уездах). В 1650 и 1657 гг. Г. был вместе с московским ловчим А. И. Матюшкиным начальником над царской соколиной охотой (см. письмо его к царю и письмо царя Алексея Михайловича к Г. 1650 г. с наставлениями по организации соколиной охоты). В 1670 и 1671 гг. Г. был воеводой в Нижнем Новгороде. Из комнатных стольников он был пожалован в думные дворяне в 1676 г. при царе *Федоре Алексеевиче*.

Письма Г. к царю Алексею Михайловичу (1650 г.), как отмечено в издании, отпечатаны с подлинников, хранящихся в архиве Оружейной палаты. Документы ветхи, поэтому письма напечатаны с пропусками. В письмах описываются поведение и повадки царских охотничьих птиц.

Соч.: Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых, собранные... Д. П. Голохвастовым. М., 1848, с. 84—89, 97—100 (акт XVIII), 102—103 (письмо царя Алек-

сея Михайловича к Г.), 110—115. См. также: ЧОИДР, 1848, кн. 5, с. 75—90, 91—94 (акт XVIII), 104—109.

Лит.: Спиридонов М. Записки старинным службам русских благородных родов... XVIII—XIX вв. (ГПБ, FIV—61/9): Свадьба первая царя и великого князя Алексея Михайловича. — ДРВ, 2-е изд. М., 1790, ч. 13, с. 175, 179, 191; Кратчайший в Нижнем Новгороде известия (Нижегородский летописец). — ДРВ, 2-е изд., М., 1791, ч. 18, с. 90; Письмо царя Алексея Михайловича стольнику Афанасию Ивановичу Матюшкину. — В кн.: Сборник Муханова. М., 1836, с. 215; ААЭ, СПб., 1836, т. 4, с. 140; Забелин И. — Московские ведомости, 1847, № 147—150; Собрание писем царя Алексея Михайловича / Изд. П. Бартнев. М., 1856, с. 45 (письмо VII).

М. А. Салмина

Григорий Цамблак (ок. 1365—1419?) — митрополит, болгарский писатель, видный представитель Тырновской книжной школы, культурный, общественный и церковный деятель Болгарии, Молдавии, Сербии и России. Родился и учился в Тырнове, был близок к кругу патриарха Евфимия, принадлежал к высшей придворной аристократии. Представители фамилии Цамблаков занимали государственные посты в Византии, Болгарии (в Синодике царя Борила есть славословие Цамблаку, великому приимкюру), Молдавии. Считается достоверным родство Г. с болгарским писателем той же школы, позднее московским митрополитом *Киприаном*. В «Похвальном слове митрополиту Киприану» («Григория мниха и прозвитера, игумена обители Плинаирьския, надгробное иже во святых по истине Киприану, архиепископу Росийскому» — единственный список XVI в. ГИМ, Синодальное собр., № 235/384) Г. назвал его братом своего отца.

Жизнь Г., как и жизнь всех балканских писателей этого трагического периода истории (турецкая экспансия на Балканах), очень богата событиями, частыми переездами. Сохранившиеся сведения о его биографии не всегда достоверны. В 1379 г. он еще в Тырнове и участвует в торжественной встрече московского митрополита Киприана, который проездом в Константинополь остановился в своем родном городе. Время и место пострижения Г. неизвестны. Остается гипотезой присутствие Г. в Тырнове при осаде города турками и его падении (1393 г.), хотя в «Похвальном слове патриарху Евфимию» об этом и последовавших событиях написано с большой художественной убедительностью. Скорее всего, эти тяжелые годы Г. пережил в Византии — в Константинополе или на Афоне, может быть, состоял при патриархии. Для такого предположения есть основание — грамота 1401 г. византийского патриарха Матфея молдавскому правителю Александру, в которой патриарх характеризует Г. следующими словами: «честнейший в иеромонахах и духовный отец кир Григорий, келейный инок патриарха». К этому периоду жизни Г. относятся его первые произведения: «Слово похвальное великомученику Георгию» (1397, анонимное) и, может быть, «Сказание о перенесении мощей преподобной Параскевы из Тырнова в Видин и в Сербию», которое в рукописях встречается чаще всего как дополнение к Житию Параскевы, написанному болгарским патриархом Евфимием.

В 1401 г. патриарх Матфей посылает Г. в Молдавию, для разбора некоторых спорных вопросов между византийской патриархией и молдавским митрополитом Иосифом. В Молдавии Г. остается до 1406 г., занимая должность «пресвитера великой церкви молдовахийской» (имеется в виду соборная церковь тогдашней столицы Молдавии — Сучавы). В 1401 г. проездом из Константинополя в Молдавию, в г. Белгороде (ныне г. Белгород-Приднестровский), Г. знакомится с легендой о местном мученике, трапезундском торговце Иоанне, мощи которого были позднее перенесены в Сучаву, в соборную церковь. Предполагается, что Г. участвовал в создании культа Иоанна Белгородского как молдавского национального святого. В связи с перенесением мощей он пишет Житие («Мучение») и Службу Иоанну Новому. *Житие Иоанна Нового* Белгород-

ского — первое произведение румынской средневековой литературы. Оно переписывалось, заново перерабатывалось, позже было переведено на румынский язык и напечатано, а эпизоды Жития иллюстрировались во фресках. Житие Иоанна Нового Белгородского по языку, стилю, жанровым особенностям дает представление о достижениях тырновской книжной школы в области агиографии, а также представляет часть литературного вклада, который эта школа передала землям севернее Дуная. В 1403—1406 гг. Г. написал и, скорее всего, сам произнес некоторые слова, что входило в его обязанности пресвитера (т. е. проповедника). Риторические произведения писателя составляли самый обширный раздел его творчества. К молдавскому периоду его жизни относятся 16 слов: похвалы святым, слова на праздники господские и богородичные, беседы триодного цикла. Ко времени проповеднической и церковно-организаторской деятельности Г. в Молдавии относится (и приписывается ему Р. Константинеску) анонимное «Предисловие и поучение к всяким православным христианам».

В 1406 г. Г. был вызван из Молдавии на Русь своим дядей, митрополитом всея Руси Киприаном. Предполагается, что это было связано с усилившимися конфликтами между Литовско-Русским и Московским княжествами. По пути, на берегу р. Неман, Г. узнает о смерти Киприана, на поддержку которого в своей дальнейшей жизни и деятельности он рассчитывал. Наиболее аргументированным остается мнение, что, получив известие о смерти дяди, Г. уходит в Сербию, где и остается до 1408 г. Об этом периоде его жизни известно меньше всего. В Сербии, в Дечанском монастыре, им были написаны Житие сербского короля Стефана III (в рукописях под заглавием «Житие и житительство святого великомученика в царях Стефана Сръбскаго, иже в Дечах, съписано Григорием мнихом и пресвитером, игуменом бывшим тожде обители») и служба ему. Поскольку наименование Г. игуменом встречается в заглавии только этого произведения, считается, что писатель был некоторое время игуменом Дечанской обители. Биографические данные Жития Стефана Дечанского (убит в 1331 г., канонизирован около 1340 г., мощи его находились в том же монастыре) во многом не соответствуют исторической правде об этом правителе. Идеализация характера и поступков героя проведена даже тогда, когда по нормам христианской морали он был достоин осуждения. В этом разница между произведением Г. и первым сербским Житием этого святого, которое точнее передает исторические факты. В Житии Стефана Дечанского отражены существенные стороны светской и церковной жизни Сербии. Рассказ о конфликтах между крупными феодалами и монашеством по поводу монастырской собственности позднее использовался в посланиях *Иосифа Волоцкого*. Описания природы, бытовые детали, интерес к внутреннему миру человека, к современным политическим и общественным событиям сближают Житие с теми произведениями, которые представляют переходные формы от средневековой агиографии к биографии (например, написанное Константином Костенечким в это же время Житие Стефана Лазаревича). Житие Стефана Дечанского известно также и в списках русской редакции (например, в составе Хронографа 1512 г.), а эпизод, где рассказывается о возвращении зрения Стефану Дечанскому, под заглавием «Чудо о святом Стефане, како ему святой Николай очи на длани дарова», входит в часто переписывавшийся на Руси цикл о чудесах св. Николая Мирликийского (например, ГПБ. Софийское собр., № 1321 — ВМЧ, месяц май) (см. *Житие Николая Мирликийского*).

В 1409 г. Г. приезжает в Киев во время пребывания там (1409—1410 гг.) московского митрополита *Фотия*, назначенного на место Киприана. О присутствии Г. в южнорусских землях в это время свидетельствует его «Слово надгробное митрополиту Киприану». В нем указывается, что со времени кончины митрополита прошло 2—3 года, а содержа-

ние подсказывает, что, может быть, Слово читалось по поводу годовщины со смерти Киприана перед людьми, которые хорошо его знали. Некоторые исследователи считают, что Слово могло быть написано и произнесено в Москве (над гробом Киприана в Успенском соборе), куда Г. мог поехать в связи со своими будущими планами, используя отсутствие в городе митрополита Фотия. Русские летописи не отмечают поездку Г. в Москву в 1409 г., хотя упоминают (Супрасльская летопись) о кратковременном пребывании Г. в столице в 1414 г. «Надгробное слово митрополиту Киприану» — произведение в известной степени публицистическое, так как панегирический стиль (который достиг высокого развития в проповедях Г.) здесь служит для характеристики исторического лица, современника, чья жизнь была достаточно известна слушателям. Автобиографический элемент произведения строится на личных воспоминаниях писателя о своем дяде, в образе которого Г. отмечает и национальные черты. Подчеркивая свое родство с Киприаном, Г. ненавязчиво рекомендует себя (ср., например, более откровенное в этом плане «Житие митрополита Петра», написанное Киприаном), и поэтому нельзя категорически утверждать, что Г. приехал в Литву с планами занять именно митрополичий престол после своего дяди. Можно без сомнения сказать только то, что он рассчитывал на поддержку Киприана в своей дальнейшей жизни.

Последовавшее выдвижение Г. на место митрополита Литвы было связано не только с его опытом и личными качествами, но и с энергичной сепаратистской политикой литовского правителя Витовта. Витовта не устраивали сознательное или вынужденное обстоятельствами предпочтение митрополитом Фотием московской объединительной политики и его постоянное пребывание в Москве, а не в Киеве. Конфликты между Витовтом и Фотием привели к разрыву, и на соборе южнорусских епископов в 1414 г. Фотию были предъявлены тяжелые обвинения. На втором соборе в том же году Г. был уже назван как достойный занять место литовского митрополита. Сразу после второго собора Г. уезжает в Константинополь добиваться благословения на митрополию вселенского патриарха Евфимия II, но с него снимают сан и отлучают от церкви. Тем не менее на четвертом соборе в г. Новогрудке епископы в присутствии и по желанию Витовта выбирают Г. литовским митрополитом. Собор подтверждает и оправдывает свое решение, рассылая «Оправдательное послание», а Витовт со своей стороны пишет «Окружную грамоту» (издано: АЗР, т. 1, № 24, 25). В ответ московский митрополит Фотий рассылает три «Послания», содержащие проклятия собору и обвинения в незаконном поставлении Г., а тем временем новый византийский и вселенский патриарх Носиф II подтверждает отлучение Г. от церкви. В самый тяжелый период своей жизни эмигранта Г. пишет «Слово похвальное патриарху Евфимию» (Тырновскому), в котором его ораторский талант достигает полной зрелости. Вместе с тем это произведение остается одним из немногих исторических источников о национальной трагедии — завоевании турками столицы Болгарии Тырново, а описание героической судьбы последнего болгарского патриарха Евфимия относится к лучшим страницам творчества Г. Тогда был закончен цикл проповедей писателя (23 по данным русских рукописей), большая часть которых вошла в так называемую «Книгу Григория Цамблака» (Н. Дончевой известны 10 списков), содержащую чаще всего по 18 слов.

Разносторонняя культурная деятельность Г. заключалась не только в создании произведений разных жанров. Есть предположение, что он ввел в употребление в киевской митрополии служебные рукописи тырновской редакции и так называемый «болгарский распев» в музыкальную практику южнорусских земель. Ему принадлежит еще «Стих на целование» — стихира к празднику Успения. По предположению *Дмитрия Ростовского*, Г. установил в русских землях культ популярной на Балканах св. Параскевы Епиватской. Возможно, он принес с собой тексты Жития

Иоанна Белгородского и Службы ему, которые вошли в русскую летописную традицию (далее русскими писателями XVI в. создавались переработки на основе обоих произведений).

В 1416 (1418 ?) г. Г. перенес митрополию из сожженного Едигеем Киева в Вильно. В 1418 г. по инициативе папы Мартина V и немецкого короля Сигизмунда созывается Констанцкий собор. На соборе Г. возглавлял делегацию из 300 представителей Литвы, Великого Новгорода, Молдавии, Великой Орды Едигея. Собор в Констанце являлся одной из попыток уничтожить ереси, сгладить противоречия между Восточной и Западной церковью в напряженной религиозной и политической обстановке начала XV в. На этом соборе Г., по существу, не участвовал в создании церковной унии, а предложил лишь провести диспут на данную тему. Есть предположения, что киевский митрополит, выполняя инструкции князя Витовта, не забывал о возможной военной помощи Балканским странам со стороны участвующих в соборе государств. По мнению исследователей, поздние обвинения Г. в унии и признании примата папы (например, в анафеме Г., которая читалась в XVI в. в русских церквях) недостоверны. Речи его на соборе, высказывания современников, в том числе его противника митрополита Фотия, не дают основания для таких крайних выводов. Приписываемое ему полемическое антилатинское «Слово како держат веру немцы» и сведения летописного характера (А. И. Яцимирский) представляют Г. как последовательного защитника православия. Некоторые источники (см. статью П. П. Соколова) сообщают о смерти Г., может быть от «морového поветрия», в 1419 г., но вопрос о времени кончины митрополита все еще остается спорным. Указываются и несколько мест его захоронения: Киев, Вильно, Рим, Новогрудок, Москва. Эти противоречия снова ставят вопрос (И. Б. Греков) о вынужденном удалении неугодного митрополита с кафедры и, может быть, его тайном уходе из Литвы (но не в Молдавию, как считалось по старой гипотезе Яцимирского).

Часть текстов его богатого литературного наследия (более 40 произведений) еще не издана. Атрибуция некоторых из них оспаривается, но не исключена и другая возможность: что объем его творчества в дальнейшем увеличится. В русской рукописной традиции Жития и Слова Г. известны в большом количестве списков — с 20-х гг. XV в. до поздних старообрядческих. Они входили в разные по типу сборники — «авторские», содержащие только его произведения, Минеи четьи (включая *Великие Миней Четии* митрополита Макария и Дмитрия Ростовского), *Прологи*, *Торжественники*. Они перерабатывались русскими писателями, позднее были включены в старопечатный *Соборник* (М., 1642). Длительный интерес к творчеству Г. не случаен. Жития, написанные им в высоком стиле «плетения словес», явились результатом общего для стран юго-восточной Европы предренессансного культурного подъема, уничтоженного турецкими завоеваниями.

Гимнографическое творчество Г. включает, кроме упомянутых Служб Иоанну Новому и Стефану Дечанскому, две новые редакции Службы св. Параскеве (условно называемые сербской и русской), возможно Службу Киприану и др. Это позволяет считать Г. одним из самых значительных славянских гимнографов. Цикл его минейных и триодных проповедей, восходящих к классической византийской проповеди, охватывал все значительные праздники года и не имел аналогов в славянских литературах до этого времени (такой полнотой, но другим характером отличались только Слова Климента Охридского). Наконец, Похвальные слова Киприану и Евфимию показывают Г. как писателя, чуткого к событиям времени, глубоко переживающего потерю дорогих людей и трагедию своей Родины. Из всех часто противоречивых мнений и оценок жизни и деятельности Г. можно привести характеристику, данную ему в *Никоновской летописи*: «Тое же зимы (в 1419 г.; — А. И.) умре Григорей митро-

полит Цамблак на Киеве, родом болгарин, книжен зело, изучен убо бе книжной мудрости всяцей из детства, и много писания, сотворив, остави» (ПСРЛ, СПб., 1897, т. 11, с. 235).

Соч.: Житие Стефана Дечанского. изд. Я. Шафариком. — Гласник Друштва српске словесности, Београд, 1859, св. XI, с. 35—94; Давидов А., Дончев Г., Дончева-Панайотова Н., Ковачева П., Генчева Т. Житие на Стефан Дечански от Григорий Цамблак. София, 1983. Тексты четырех слов, изданные А. И. Яцимирским: ПДПИ, 1906, т. 163 (Из истории славянской проповеди в Молдавии), с. 37—65. Надгробное слово митрополиту Киприану: Ангелов Б. Ст. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958, с. 180—190, Житие Иоанна Белгородского: Русев П. Н., Давидов А. Григорий Цамблак в Румынии и в старата румынска литература. София, 1966. Служба Стефану Дечанскому: Сръбляк / Приредил Т. Трифунувий. Београд, 1970, т. 2, с. 308—316. Похвальное слово патриарху Евфимию: Русев П., Гълъбов И., Давидов А., Данчев Г. Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак. София, 1971.

Лит.: Сырку П. Новый взгляд на жизнь и деятельность Григория Цамблака. — ЖМНП, 1884, ноябрь, с. 106—153; Соколов П. П. Киевский митрополит Григорий Цамблак: (Очерк его жизни и деятельности). — БВ, 1895, № 7, с. 52—72; № 8, с. 157—199; Яцимирский А. И. Григорий Цамблак: Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904: Turdeanu E. Grégoire Camblak: faux arguments d'une biographie. — Revue des études slaves, 1946, t. 22, p. 46—81; Наумов Е. П. 1) Из истории русско-сербских средневековых связей: (Второе житие Ст. Дечанского в сочинении И. Волоцкого). — Учен. зап. Ин-та славяноведения, М., 1963, т. 26, с. 37—47; 2) Кем написано второе житие Ст. Дечанского? — В кн.: Славянский архив: Сб. статей и материалов. М., 1963, с. 60—72; Holthusen I. Neues zur Erklärung des Nadgrobnoe Slovo von Grigorij Camblak auf den Moskauer Metropoliten Kiprian. — In: Slavistische Studien zum VI. Internationalen Slavisten Kongress in Prag, 1968. München, 1968, S. 372—382; Мечев К. Ст. Григорий Цамблак. София, 1969; Năsturel P. S. Une prétendue oeuvre de Grégoire Tsamblak: Le martyre de St. Jean le Nouveau d'Akkerman. — In: Actes du 1er Congrès International des Études Balkaniques Sud-Est Européennes, Sofia, 1971, t. 7: Ангелов Б. Ст. Григорий Цамблак — автор на служба в чест на Иоан Нови Сузавски. — В кн.: Ангелов Б. Ст. Страници из историята на старобългарската литература. София, 1974; Кожухаров Ст. Търновската книжовна школа и развитието на химичната поезия в старата българска литература. — В кн.: Търновска книжовна школа. София, 1974, с. 277—311 (о Г. см. и другие статьи этого сборника); Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975, с. 291—310; Konstantinescu R. Un sermon anonyme et l'activité littéraire de Grégoire Camblak en Moldavie. — Études Balkaniques, 1976, № 2, p. 103—113.

А. Илиева Сивкова

Гуданский Иван (XVII в.) — переводчик. С 10 декабря 1666 г. до 80-х гг. XVII в. служил в Посольском приказе переводчиком с польского и латинского языков. В 1674—1677 гг. был одним из пяти переводчиков, переводивших «на желание и повеление» царя Алексея Михайловича и под наблюдением царского духовника Андрея Саввича Постникова «Великое зеркало» с польского языка. Впоследствии «Великое зеркало», дважды переведенное в XVII в. на русский язык, стало одним из самых популярных переводных произведений, однако полных списков перевода 1677 г. сохранилось всего 9 (Державина О. А. «Великое зеркало»..., с. 155—157). Г. переведил «четвертую долю». Трудно указать, какую именно часть он перевел, так как манера перевода на протяжении всего текста однородна и типична для переводчиков Посольского приказа. Предполагалось перевести весь текст «Великого зеркала» и, очевидно, издать его. В тексте имеется несколько значительных пропусков, которые О. А. Державина объясняет желанием переводчиков исключить все, что напоминает о католическом пронехождении сборника. По предположению Б. Вальчак-Срочиньской, работа каждого из четырех переводчиков была прервана где-то на половине. Если это так, то можно точно вычислить «долю», которую было поручено перевести Г., т. е. «прилоги» с № 1514 по № 1981 (по счету оригинала), а довел он работу до № 1677 (см. оглавление перевода: Владимирова П. В. «Великое зеркало»..., Прил. 2, с. 44—48). Остановку в работе польская исследова-

тельница объясняет тем, что после смерти Алексея Михайловича сама идея перевода не нашла поддержки у нового царя, но это объяснение малоубедительно и недостаточно. Перевод «Великого зеркала» 1677 г. полностью не издан.

В январе 1677 г. Г. перевел с польского языка «Историю о Мелюзине». Перевод сохранился в 8 списках XVII—середины XVIII в. (Małek E. Historia..., s. 27), полная редакция перевода представлена 7 списками, сокращенная — одним, в котором сглажены композиционные недостатки оригинала. Перевод Г. хотя и не имел широкого распространения, был все же популярнее, чем предшествующий перевод этой повести 1676 г., известный в двух списках. Его перевод читали представители высших слоев и культурной элиты: царевна Наталья Алексеевна, Д. М. Голицын, А. А. Матвеев. Когда в начале XVIII в. «История о Мелюзине» была инсценирована в театре царевны Натальи Алексеевны, то был использован перевод Г.

Соч.: Московские высшие женские курсы: Семинарий по древней русской литературе. Вып. 9. Из «Великого Зеркала». (По рукописи Московской Синодальной библиотеки, № 100, XVII в.). Сергиев Посад, [1916] (фрагменты перевода «Великого зеркала» 1677 г., изданы М. Н. Сперанским); Małek E. Historia o Meluzynie. Z dziejów romansu rycerskiego na Rusi. Bydgoszcz, 1978.

Лит.: Владимирцов П. В. «Великое зеркало»: (Из истории русской переводной литературы XVII в.). М., 1884; Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914, т. 1, с. 431; Державина О. А. 1) Работа русских переводчиков над сборником «Великое зеркало»: (К вопросу о бытовании и распространении переводной новеллы в славянских литературах). — В кн.: Славянская филология. София, 1963, т. 4, с. 325—342; 2) «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965; Walczak-Sroczyńska B. «Wielkie zwierciadło przykładów» — dzieje tekstologiczne. — Slavia orientalis, 1976, N 4, s. 493—508.

С. И. Николаев

Дамаскин (ум. 1706) — иеродиакон Московского Чудова монастыря, переводчик и полемист. Д. был сторонником так называемой «старомосковской» партии. В 1640-е гг. Д. был на Афоне, где изучил греческий язык.

Совместно с Евфимием Чудовским Д. выполнил в 1704—1705 гг. перевод сборника «Грешных спасение» Агапия Критянина (Ἀγαπίου Κριτῆνῆ) (БАН, 31.6.38; не опубликован). В 1701—1703 гг. Д. перевел труд Иоанна Комнина «Проскинитарий святой горы Афонский» (с издания на новогреческом языке: Бухарест, 1701) и составил «Сравнение святой Афонской горы с Соловецким монастырем и лес на оной» на основе личных впечатлений (Ярославский краеведческий музей, № 548 (174) и собр. Киевской духовной академии, № 1/139; ошибочно приписывалось Арсению Греку (Н. А. Петров)). Известны три послания Д. новгородскому митрополиту Иову против Гавриила Домецкого (1704 г.). Д. выступал как полемист в защиту книги «Остен» («Словеса мудрых... 105 ответов» — БАН, 17.5.8).

В келейной библиотеке Д. находились сочинения его современников, в том числе идейных противников: Симеона Полоцкого («Свод четырех евангелий и деяний апостольских» и «Свод четырех евангелий — Страстей Христовых» — ГИМ, Синодальное собр., № 119 и 873), Николая Спафория («Арифмология» — ГИМ, Чудовское собр., № 299; Описание государства Китайского — ГИМ, Чудовское собр., № 361), а также статейный список посольства Никифора Толочанова в Грузию в 1650—1651 гг. (ГИМ, Чудовское собр., № 363), Стоглав и Сборник (ГИМ, Чудовское собр., № 268). В Словаре И. У. Будовица его сочинения ошибочно приписаны киевскому монаху Дамаскину Птицкому, а его деятельность также ошибочно связана с Арсением Сухановым.

Соч.: Леонид, архимандрит. Афонская гора и Соловецкий монастырь. Труды чудовского иеродиакона Дамаскина (1701—1706). — ПДПИ. СПб., 1883, вып. 43;

Яхонтов И. Иеродиакон Дамаскин, русский полемист семнадцатого века. СПб., 1883 (пересказ писем Д и его сочинения «Словеса мудрых...»).

Лит.: Филарет, архиепископ. Обзор духовной литературы. 862—1720. Харьков, 1859, с. 369; Строев. Словарь, с. 74—75; Соболевский А. И. 1) Библиографические заметки. Киев, 1900, с. 14—16; 2) Переводная литература, с. 336—338; РБС, «Дабелов—Дядьковский». СПб., 1905, с. 54 («Дамаскин, иеродиакон»); Фетисов І. І. Збірник легенд Агапія Критіянина «Дабеловъ зовтиса» в українському та московському письменстві та народній словесності. — Зап. Іст.-філ. від. ВУАН, 1928, т. 1, с. 31—41; Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отделения Библиотеки Академии наук. Вып. 1. XVIII в. М.: Л., 1956, с. 138—139, 423—424; Лукьянов В. В. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского обл. краеведческого музея. — Краеведческие записки, Ярославль. 1958. вып. 3. с. 132; Тихомиров М. Н. Записки XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря. — АЕ за 1958 г. М., 1960, с. 35—36; Протасьева Т. Н. Описание рукописи и Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973, ч. 2, с. 113, 114.

О. А. Белоброва

Даниил Заточник (XII или XIII в.) — предполагаемый автор двух произведений, очень близких друг другу по тексту: «Моление» и «Слово». Датировкам этих произведений и их взаимоотношению между собой посвящено довольно много исследований, но ни одно не может быть принято как бесспорное. Вряд ли перед нами два произведения одного автора. Очевидно, одно из них — переделка другого или оба восходят к какому-то третьему тексту. «Моление» и «Слово» относятся, очевидно, к XII или XIII в. Какое произведение «старше» и ближе, следовательно, к авторскому тексту — неясно. Неясно и то, кто такой Д. З.: действительно существовавшая личность или некий собирательный образ, объединяющий многих авторов и редакторов, работавших над текстом этих произведений. Выражение «заточник» — очевидно, прозвище, указывающее на занимаемое Д. З. положение: «заточник» может означать заключенного, сосланного человека или человека «заложившегося», согласившегося на подневольную работу, «заточившегося», т. е. согласившегося на кабальную работу.

Летописец XIV в. считал Д. З. действительно «заточенным» на озере Лаче лицом. Под 1378 г. в летописи Симеоновской рассказывается о некоем попе, пришедшем из Орды с мешком зерна и сосланным на озеро Лаче, «идеже бе Данило Заточник», а несколько ниже (под 1379 г.) приводится и цитата, встречающаяся в списках «Моления» Д. З.: «Добро есть надеяться на бога, нежели надеяться на князя»; это указывает, что под Д. З. летописец разумел именно автора «Моления». В. Г. Белинский, не вдаваясь в вопрос о том, кто был Д. З. по своей профессии, считал его своего рода древнерусским интеллигентом (см. ниже). П. Миндалев, И. У. Будовниц, Б. А. Романов считали его княжеским дружинником, дворянином XII—XIII вв., положение которого отличалось от его статуса в XVI—XVII вв., когда дворянство выделилось в отдельное сословие. А. Шапов и Н. К. Гудзий предполагали, что Д. З. — холоп. М. Н. Тихомиров вслед за Д. Айналовым подчеркивал отличное знание Д. З. ремесел и выводил отсюда принадлежность его к ремесленникам. Все эти предположения и гипотезы очень характерны и важны, ибо они, независимо от того, правильны ли они или ошибочны, указывают на то, что Д. З. дает много поводов в своем произведении писать о личности автора: личностное начало в «Молении» и «Слове» выражено очень ярко.

Автор «Моления» и «Слова» подобрал в своем произведении различные афоризмы из самых разнообразных источников (Библии, сборников изречений вроде «Пчелы», «Столбца» Геннадия и проч.), но расположил их в таком порядке, что придал им некоторую сюжетную основу. Воображаемый или действительный автор жалуется своему князю на судьбу, просит его ему помочь и вместе с тем стремится посмешить и развеселить князя, описывая разные возможные способы выхода из нужды. Особенно подробно он излагает такой способ: жениться на «зло-

образной» (безобразной) и злой жене, но богатой, чтобы выйти из своего бедственного положения. Главные предметы его самонасмешек — нищета, неустроенность, изгнанность отовсюду. Чего хочет — того нет, чего добивается — не получает, просит — не дают, стремится возбудить уважение к своему уму — тоже тщетно. Его реальная нищета и бессилие противопостоят идеальному богатству и могуществу князя; есть сердце, но оно — лицо без глаз; есть ум, но он как ночной ворон на развалинах; нагота покрывает его, как Красное море фараона. Описывает Д. З. и различных фокусников и скоморохов. Все это в целом дает основание думать, что он был сам близок к среде скоморохов. В своем произведении Д. З. не только смешит, жалуется и попрошайничает (причем многократно упоминает богатые яства на столе у князя, что наводит на мысль, что перед нами произведение, написанное для исполнения на пиру), но и говорит о своем умственном превосходстве над окружающими князя боярами, демонстрирует свою начитанность, знание ремесел и проч.; это свидетельствует, что Д. З. осознавал себя не только попрошайкой-скоморохом, но и своего рода «интеллигентом». Это дало основание В. Г. Белинскому писать: «Кто бы ни был Даниил Заточник, можно заключать не без основания, что это была одна из тех личностей, которые, на беду себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают и, не умея прятать от людей своего превосходства, оскорбляют самолюбивую посредственность; которых сердце болит и сдается ревностью по делам, чуждым им, которые говорят там, где лучше было бы помолчать, а молчат там, где выгодно говорить; словом, одна из тех личностей, которых люди сперва хвалят и холят, потом сживают со свету и, наконец, уморивши, снова начинают хвалить» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954, т. 5, с. 351). «Двойственность» Д. З., его униженность и одновременно гордость своими знаниями, стремление выбраться из крайне затруднительного положения и вместе с тем претензия занять при князе самое близкое к нему положение, попытки смешить (иногда самым грубым образом, смешить самим собой, своими проектами выбраться из унижения) и одновременно учить князя — все это составляет удивительную особенность образа автора, чем-то напоминающего героев Достоевского, Гоголя или Лескова.

Соч.: Daniil Zatocnik. Slovo e Molenie / Edizione critica a cura di Michele Colucci e Angiolo Danti. Firenze, 1977; Зарубин Н. Н. «Слово» Даниила Заточника, по редакциям XII—XIII вв. и их переделкам. Л., 1932; Малышев В. И. Новый список Слова Даниила Заточника. — ТОДРЛ, М.; Л., 1948, т. 6, с. 195—200; Лихачев Д. С. Социальные основы стиля «Моления» Даниила Заточника. — ТОДРЛ, М.; Л., 1954, т. 10, с. 106—119; Тихомиров М. Н. «Написание» Даниила Заточника. — Там же, с. 269—279; Покровская В. Ф. Неизвестный список «Слова» Даниила Заточника. — Там же, с. 280—289; ПЛДР: XII век. М., 1980, с. 388—400.

Лит.: Лященко А. И. Моление Даниила Заточника. СПб., 1896; Гуссов В. М. К вопросу о редакциях «Моления» Даниила Заточника. — Летопись Ист.-филол. о-ва при Новоросс. ун-те. Визант.-слав. отд-ние, Одесса, 1900, т. 5; Истрин В. М. Был ли Даниил Заточник действительно заточен. — Там же, Одесса, 1902, т. 10; Айналов Д. В. Два примечания к слову Даниила Заточника. — ИОРЯС, 1908, т. 13, кн. 1, с. 352—365; Мингалев П. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914; Гудзий Н. К. 1) К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник. — В кн.: Сборник статей к 40-летию ученой деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, с. 481—482; 2) «Моление Даниила Заточника». — В кн.: ИРЛ I. М.; Л., 1946, т. 2, ч. 1, с. 35—45; Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1947, с. 17—47, 280—310; 2-е изд. М.; Л., 1966, с. 17—35, 213—235; Tschizewskij D. 1) Geschichte der Altrussischen Literatur im 11., 12. und 13. Jahrhundert: Kiever Epoche. Frankfurt am Main, 1948, S. 374—381; 2) History of Russian Literature from the Eleventh century to the End of the Baroque. 'S-Gravenhage, 1960, p. 131—135; Гуссов В. М. Историческая основа Моления Даниила Заточника. — ТОДРЛ, М.; Л., 1949, т. 7, с. 410—418; Будовниц И. У. Памятник ранней дворянской публицистики. — ТОДРЛ, М.; Л., 1951, т. 8, с. 138—157; Скрипиль М. О. «Слово Даниила Заточника». — ТОДРЛ, М.; Л., 1955, т. 11, с. 72—95; Вагнер Г. К. «Моление Даниила Заточника» — скульптура Георгиевского собора — «Слово о гибели Русская земли». — ТОДРЛ, М.; Л., 1966, т. 22, с. 46—56; Боровский Я. Е. Слово Даниила

Заточника: Проблемы текстологического анализа и вопросы авторства. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1970; Рыбаков Б. А. Даниил Заточник и владимирское летописание конца XII в. — АЕ за 1970 г., М., 1971, с. 43—89; Яценко Б. И. Исторична основа «Слова Даниила Заточника». — Укр. іст. журнал, 1971, № 12, с. 59—67; Иссерли Е. М. 1) Лексические замены и вставки в отдельных списках «Моления» Даниила Заточника. — Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1972, т. 1, с. 13—20; 2) «Моление» Даниила Заточника и «Слово о полку Игореве»: (Лексико-семантические параллели). — Филологические науки, 1973, № 4, с. 95—103; Ларина Т. Н. К вопросу о датировке «Моления» («Послания») Даниила Заточника. — В кн.: Проблемы истории СССР. М., 1973, с. 430—438; Лихачев Д. С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975, с. 205—220; Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976, с. 30—32; Монахова Н. П. 1) К проблеме типологического изучения «Моления» Даниила Заточника. — Учен. зап. Пермского ун-та, 1976, № 304, с. 214—233; 2) Идеологическая основа противопоставления «мудрости» и «храбрости» в «Молении Даниила Заточника». — Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. М., 1981, № 2, с. 22—31; Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника. Л., 1981.

Д. С. Лихачев

Дедеркин Феофил (XV в.) — автор послания великому князю Василию II о землетрясении в Италии 4 декабря 1456 г. В послании, написанном из «Заримья, из латины», повествуется о том, как некий «князь Микалай» «пророчествовал на свою веру на латинскую» и как через три дня после его прорицания и смерти «в Римской стране и земли» произошло страшное землетрясение, в результате которого погибло около 50 городов, перечисленных в послании (в числе их «Неополь» — Неаполь).

Послание Д. сохранилось в трех списках XV—XVI вв.: в одном из сборников, составленных известным кирилло-белозерским книгописцем Ефросином, — ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 9/1086, в западнорусском сборнике 1483 г. из собрания Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (нынешнее местонахождение неизвестно) и в дополнении к Палее 1517 г., написанной (как и текст послания) в Пскове Константином, священником Духовской церкви «на Довмонтовой стене», — ГБЛ, собр. Ундольского, № 719. Имя Д. известно лишь по кирилло-белозерскому списку: киевский сборник содержал только вторую половину текста, а в Палее 1517 г. памятник назван «Пророчеством князя Миколая».

П. Д. Симони, издавший текст по кирилло-белозерскому списку, высказал предположение, что автором послания мог быть врач Феофил, присутствовавший при болезни и смерти Василия III в 1533 г., а упомянутый в послании «князь Миколай» — это Николай Булев, врач и философ, также живший на Руси при Василии III. Если бы такое отождествление было верным, то рассказ, содержащийся в послании, следовало бы датировать временем значительно более поздним, чем 1456 г. (Василий III стал великим князем в 1505 г.) и рассматривать как легендарный. Но сборник Ефросина, содержащий послание Д., датировается 1471—1479 гг., киевский список — 1483 г., и даже позднейший из всех — псковский — написан еще при жизни Николая Булева. Сопоставление же с иностранными источниками свидетельствует о том, что перед нами не легенда, записанная задним числом, а довольно точное переложение итальянского рассказа об обширном землетрясении, действительно происшедшем в Италии и других странах Западной Европы в ночь с 4 на 5 декабря 1456 г.; переложение это, скорее всего, сделано в Белоруссии или на Украине (судя по обилию полонизмов в языке всех списков), возможно для Радзивиллов, с которыми связан киевский список послания.

Соч.: Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий / Пригот. к печати П. Симони. Пг., 1922, вып. 3, с. 13—16 (СОРЯС, т. 100, № 2); Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901,

Прил., с. 234; Archivio storico per la province Napoletane, anno X, Napoli, 1885, p. 353—356.

Лит.: Варлаам, архимандрит. Описание сборников XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря. — Учен. зап. 2-го отд-ния Акад. наук, СПб., 1858, кн. 5, с. 39—40; Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. М., 1897, вып. 2, с. 218; Baratta M. I terremoti d'Italia. Torino, 1901, p. 67—68; Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, М.; Л., 1961, т. 17, с. 154—155; Каган М. Д., Понырко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина. — ТОДРЛ, М.; Л., 1980, т. 35, с. 140—141; Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI вв.: Из истории международных культурных связей России. Л., 1980, с. 158—169.

Я. С. Лурье, А. А. Турилов

Досифей (конец XV—начало XVI в.) — игумен Соловецкого монастыря, автор одной из редакций *Жития Зосимы и Савватия*. О Д. известно немного, и все, что дошло до нас, связано с его литературно-просветительной деятельностью. Д. стал монахом Соловецкого монастыря при жизни игумена Зосимы (до 1478 г.) и был его учеником. После смерти Зосимы в Соловецком монастыре часто менялись игумены. Д. очень непродолжительный срок занимал должность игумена (до 1483 г.) (Досифей, архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание..., с. 64). В дальнейшем, судя по дошедшему материалу, все его внимание сосредоточилось не на административно-хозяйственной деятельности, а на укреплении монастыря как культурного центра и утверждении памяти основателей его. Сохранилось свидетельство о том, что якобы сам Д. в 1478 г. написал первую икону с изображением Зосимы и Савватия (там же, с. 282). Однако в *Житии Зосимы и Савватия* при описании чуда Зосимы, помогающего «на море страждущим человеком в беде», сообщается, что в монастыре не смели «дерзати до 30 лет по преставлении преподобнаго образа писати» (ВМЧ, апрель, с. 549).

Д. является создателем одной из лучших и хорошо сохранившихся древнерусских библиотек. С этой целью он по крайней мере несколько лет провел в Новгороде, занимаясь организацией переписки книг для монастыря. Сохранилось два перечня книг, переписанных специально для монастыря по инициативе Д. в 1493 и 1494 гг. Эти перечни включены в состав приписок к двум рукописям, тоже предназначавшимся для Соловецкого монастыря. К настоящему времени Н. Н. Розовым уточнен список сохранившихся книг, собранных стараниями Д. для монастыря. Д. положил начало созданию разносторонней по составу библиотеки своего монастыря. Содержание этих рукописей отражает известную широту взглядов Д., интерес его к церковно-полемиической тематике и к лучшим произведениям оригинальной русской литературы. Д. сам выбирал лучшие списки для переписывания, сам редактировал послесловия и делал вкладные приписки. Об отношении его к книгам как библиофила свидетельствует особый знак (экслибрис), которым он метил свои книги. По мнению Н. Н. Розова, Д. в подборе книг для Соловецкой библиотеки находился под сильным воздействием церковно-полемиической и литературной деятельности архиепископа *Геннадия* и, по всей видимости, входил в число членов геннадиевского кружка.

О пребывании Д. в Новгороде и об общении его с архиепископом Геннадием известно из «Слова о сотворении жития начальников соловецких», написанного Д. и дошедшего в составе *Жития Зосимы и Савватия*. Здесь Д. рассказал о том, при каких обстоятельствах было написано это *Житие*. При встрече Д. с архиепископом Геннадием в Новгороде последний уговорил Д. описать жизнь основателей Соловецкого монастыря. Д., уединившись, написал по памяти, что знал о Зосиме и Савватии. Сведения о Савватии и ранних годах жизни Зосимы он заимствовал из записок, сделанных в монастыре самим же Досифеем со слов «подруга» Савватия и Зосимы старца *Германа*, которые к этому времени уже были

утрачены. Свой труд Д. долго не решался показать Геннадию. Через несколько лет, в 1503 г., он был в Ферапонтове монастыре и уговорил проживавшего там в заточении бывшего митрополита *Спиридона-Савву* на основании своих записей переписать заново жизнеописание Зосимы и Савватия, что последний и сделал. До нас дошел текст Жития Зосимы и Савватия только в редакции Спиридона-Саввы. По мнению *Максима Грека*, высказанного им в предисловии к этому Житию во второй четверти XVI в., труд Д. был написан «потонку и неухищренно», а Спиридон же Житие «отчасти убо и добрословнем украси» (Яхонтов Ив. Жития... с. 24).

Судить о писательской манере самого Д. мы имеем возможность только на основании его «Слова о сотворении Жития». В последнем просто, четко и ясно описана история создания Жития. «Слово о сотворении Жития» дошло в двух видах (или редакциях). По мнению В. О. Ключевского, в большинстве списков оно представлено в поздней переделке, а первоначальный вид его сохранился в списке ГБЛ, собр. Волоколамское, № 659 (Ключевский. Древнерусские жития, с. 202). П. Р. Яхонтов оспорил это мнение и считал, что зависимость между текстами была обратной (Яхонтов Ив. Жития... с. 20). Для решения этого вопроса требуется проведение специального исследования не только «Слова» Д., но и всего текста Жития Зосимы и Савватия, в составе которого дошло «Слово». Для изучения писательской деятельности Д. представляет особый интерес Волоколамский сборник, № 659. Дело в том, что в нем переписаны еще два небольших произведения, посвященных Соловецкому монастырю. — «Чюдо Зосимы о иноици знаconi» и «Пророчество отца нашего Зосимы». Автором последнего, написанного в 1510 г., по мнению В. О. Ключевского, мог быть Д. Это предположение В. О. Ключевского не лишено оснований. В целом рассказ посвящен описанию распри в монастыре: начинается он со слов умирающего Зосимы, обращенных к автору рассказа, и далее рассказчик говорит о себе в первом лице. То же самое предсмертное обращение Зосимы имеется в Житии Зосимы, в той части, где повествование ведется от имени Д.: «Се аз... Дософей» (ВМЧ, апрель, с. 589). Следует к тому же обратить внимание на то, что значительная часть статей Волоколамского сборника, № 659, написанного в первой половине XVI в., судя по тематике, ведет происхождение из Новгорода (Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. — ТОДРП. Л., 1974, т. 28, с. 215—216). В связи с тем, что в свое время Д. поддерживал связь с новгородским архиепископским домом, вопрос о происхождении статей о Соловецком монастыре в составе этого сборника заслуживает особого внимания. Именно только в редакции Волоколамского сборника «Слова о сотворении Жития» сообщается о том, что Д. привез и показал Геннадию отредактированное Спиридоном Житие. Это случилось, по всей видимости, до июня 1504 г., когда Геннадий был сведен с кафедры. Изложенные факты позволяют связывать происхождение статей о Соловецком монастыре в Волоколамском сборнике непосредственно с Д. Толък. Филарет (Филарет. Обзор, с. 125), ссылаясь на рукописи собр. Царского, № 26, 189, среди сочинений Д. называет еще «Похвальное слово Зосиме».

Последнее дошедшее до нас известие о Д. относится, видимо, к 1514 г. В отводной грамоте Соловецкого монастыря, составленной в 1514 г., среди «лучших старцев» монастыря упомянут «бывший игумен Дософей» (Дософей, архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание..., с. 66).

Соч.: «Слово о сотворении жития начальников соловецких»: ВМЧ, апрель, дни 8—21, М., 1912, стб. 586—589 (в составе Жития Зосимы и Савватия); Дмитриева Р. П. «Слово о сотворении Жития начальников соловецких Зосимы и Савватия» Дософея. — В кн.: Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982, с. 123—136. «Про-

рочество отца нашего Зосимы, начальника монастырю нашему»: Ключевский И. Древнерусские жития, с. 459—460.

Лит.: Досифей, архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. 2-е изд. М., 1853, ч. 1; Яхонтов Ив. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1882. с. 13—32; Розов Н. Н. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей. — ТОДРЛ, М.; Л., 1962, т. 18, с. 294—304; Кукушкина М. В. Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. — АЕ за 1970 г., М., 1971, с. 358—361.

Р. П. Дмитриева

Евстафий Головкин (в миру Головкин Евфимий Дмитриевич) (2-я треть XVI в.—1602 г.) — келарь Троице-Сергиева монастыря в 1571—1581 и 1583—1593 гг., принимал участие в составлении сборников крепостных актов и монастырской Кормовой книги. Е. пользовался особым доверием царя *Ивана Грозного*: в монастырском Синодике записано, как в 1583 г. после убийства сына царь Иван «призвал к себе келаря старца Евстафия» и как он стал «плакати и рыдати» в присутствии Е., старца Варсонофия Якимова и своего духовника Феодосия. Позднее, при избрании *Бориса Годунова* на царство, Е. представлял на Земском соборе 1598 г. Троице-Сергиев монастырь. Е. был «строителем» Богоявленского монастыря в Московском Кремле. Погребен в Троицкой лавре.

Е. сделал ценные вклады в Троице-Сергиев монастырь. Среди них крупные денежные суммы и земельные угодья, а также книги и предметы церковной утвари, записанные во вкладных книгах. Е. был образованным человеком, не лишенным художественного вкуса. В Загорском музее сохранились две иконы письма Е. Одна из них — «Явление Богоматери Сергию Радонежскому», 1588 г., составляющая средник складня, который сопровождал русские войска во время военных кампаний от середины XVII по начало XX в. (в мирное время, судя по описи 1641 г., складень находился в Троицком соборе, близ гробницы Сергия). Другая — житийная икона Сергия Радонежского, 1591 г. Обе иконы имеют надписи с упоминанием исполнителя: «...а писал и окладывал образ сей... келарь Евстафий Головкин»; «...а писал и окладывал Троецкого Сергиева монастыря келарь Еустафьище Головкин» (надписи полностью опубликованы в кн.: Николаева Т. В. Древнерусская живопись Загорского музея. М., 1977, с. 137—139). После Е. остались богослужебные книги XVI в., одни помечены владельческой подписью («Канунник старца Еустафия Головкина», «Сия книга Апокалипсис старца Еустафья Головкина»), другие — служебные Минеи — с записями о вкладе в Троицкую лавру с предназначением «положити в болшую церковь в Успение», или «на Хотково к Покрову к чудотворцову родителю», или просто «Дал старец Еустафей Головкин». Наиболее ценные книжные вклады Е. — Псалтирь с воследованием XVI в. и московское широкошрифтное печатное Евангелие (около 1564 г.), в серебряном чеканном окладе искусной работы, подаренное Е. в Никоновскую церковь в 1602 г. (см.: Спирина Л. М. Книги кириллической печати XVI—XVIII вв. Загорского историко-художественного музея-заповедника. Каталог. М., 1981, с. 19, № 1, илл. 1).

Значение Е. как составителя документальных сборников еще не оценено в полной мере. Между тем его роль собирателя, редактора и систематизатора актового материала совершенно недвусмысленно определена в так называемых Копийных книгах Троице-Сергиева монастыря (ГБЛ, ф. 303, 1580-е гг.): «К сей книге Троецкого Сергиева монастыря келарь Еустафей Головкин руку приложил, а в сих книгах писаны и правлены с Троецких Сергиева монастыря с вотчинных крепостей списки... писал, и правил, и крепости разобрал по городам Троецкого Сергиева монастыря келарь Еустафей Головкин».

С участием Е. составлялась и монастырская Кормовая книга 1592 г. (см.: Кормовая книга XVI века библиотеки Троицкой Сергиевой лавры,

№ 812. — В кн.: Горский А. В. Историческое описание свято-Троицкие Сергиевы лавры. М., 1890, ч. 2, Прил. VI, с. 45—64).

Лит.: Лихачев Н. П. Родоприсхождение дворян Головкиных. — Изв. Русск. генеалогического об-ва, СПб., 1903, вып. 2, с. 89—139; Арсений, иеромонах, Иларий, иеромонах. Описание славянских рукописей библиотеки св.-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878, ч. 1—3, № 84, 266, 470, 471, 483, 488, 494, 519, 520, 526, 550, 559, 567, 580, 622; Ивина Л. И. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVII в. — Зап. Отдела рукописей ГБЛ, М., 1961, вып. 24, с. 5—44; Николаева Т. В. Троицкий живописец XVI в. Евстафий Головкин. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 177—183.

О. А. Белоброва

Епифаний Премудрый (2-я половина XIV—1-я четверть XV в.) — писатель, автор ряда произведений разных жанров. Сведения о нем извлекаются только из его собственных сочинений. Судя по одному из них, «Слову о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа», можно думать, что Е., как и *Стефан Пермский*, принял постриг в ростовском монастыре Григория Богослова, так называемом «Затворе», славившемся своей библиотекой: он пишет, что нередко «спирахся» со Стефаном «или о словѣ етерѣ, или о коемъже стисѣ, или о строцѣ», т. е. о понимании текстов, и бывал ему иногда «досадитель»; это наводит на мысль, что они учились одновременно и что если Стефан и был старше Е., то ненамного. Изучал же там Стефан славянский и греческий языки и в итоге мог по-гречески говорить. Огромное в сочинениях Е. количество по памяти приведенных, сплетенных друг с другом и с авторской речью цитат и литературных реминисценций показывает, что он прекрасно знал Псалтирь, Новый завет и ряд книг Ветхого завета и был хорошо начитан в святоотеческой и агиографической литературе; несомненно также, что и он выучил греческий язык, это видно по приводимым им значениям греческих слов: «епискуп „посѣтителъ“ наричется» (следует заметить — редкое значение слова «епискуп»), «Стефан бо „вънѣць“ толкуется», «Тетроевангелие нашим русским языком зовется „Четвероблаговѣстие“».

Из надписанного именем Е. Похвального слова Сергию Радонежскому следует, что автор много путешествовал и побывал в Константинополе, на Афоне и в Иерусалиме. Но поскольку Епифаниева *Жития Сергия Радонежского* касался в XV в. *Пахомий Серб*, возникло допущение, что слова о путешествиях принадлежат ему; однако же стилистически это «слово» родственно произведениям Е. и никаких иных причин думать, что в него вторгнулся со своим пером Пахомий, нет. Автор пишет о Сергии Радонежском: «... не взыска Царьствующаго града, ни Святыя горы, или Иерусалима, яко же аз окаанный и лишенный разума, — увы, лють мнѣ! — полъзаа сѣмо и овамо, и преплаваа суду и овуду, и от мѣста на мѣсто преходя»; он говорит, что и там встречал людей, слышавших о святом Сергии: «Толико бо богъ прослави угодника своего — не токмо в той странѣ, въ ней же живяше святыи, но и в иных градѣх, и в дальних странах, и въ всѣх языцѣх от моря и даже до моря, — не токмо в Царьствующем градѣ, но и въ Иерусалимѣ».

Архимандрит Леонид предполагал, что до нас дошло написанное Е. указание пути к Иерусалиму. Он имел в виду небольшое «Сказание Епифания мниха о пути къ Иерусалиму», известное в ряде списков XVI—XVIII вв. и представляющее собой просто краткий перечень пунктов и расстояний между ними на пути из Великого Новгорода через Царьград, Афон и острова до Иерусалима. Архимандрит Леонид даже указал на 1415—1417 гг. как на возможное время его паломничества (до написания *Жития Сергия Радонежского*). Затем он же установил факт заимствования большей части «Сказания» из «Хождения архимандрита Грефенья обители пресвщыя (так!) Богородица», написанного около 1370 г., и пришел к выводу, что Е. «следует исключить если не из паломников, то из паломников-писателей». К.-Д. Зеeman же допустил, что

странное имя Грефений есть искажение имени Епифаний. Можно, значит, думать, что «Сказание» и «Хождение» по-разному отражают одни и те же путевые заметки некоего архимандрита какого-то монастыря пресвятой Богородицы Епифания. В таком случае, по-видимому, прав К.-Д. Зеemann, считая, что у этого автора с Е. нет ничего общего. Но у «Сказания» иное, чем у «Хождения», начало: в «Хождении» сначала указываются расстояния от Москвы и Твери до Смоленска, от Смоленска до Минска, далее — без связи с Минском — от Великого Новгорода до Лук, от Лук до Витебска, оттуда до Дрютска, от Дрютска до Слуцка, после чего следует Белгород, а за ним Царьград; в «Сказании» же дорога начинается Великим Новгородом и идет через Великие Луки, Полоцк, Минск, Малый Слуцк, Великий Слуцк и лишь потом — так же, как в «Хождении» Грефения. Так что не исключено, что некий Епифаний, совершавший паломничество в Святую землю после 1370 г., может быть именно Е., воспользовался для своего итинерария незадолго до того написанным «Хождением» какого-то автора, имя которого дошло до нас в искаженной форме — Грефений.

Станным только для Е. кажется начало пути из Великого Новгорода. Но во всяком случае если Е. действительно совершил путешествие в Константинополь, на Афон и в Иерусалим, то он должен был пройти, проехать и проплыть по крайней мере тем самым путем, что совпадает в «Хождении» и «Сказании».

Ф. Китч допускает, что Е. побывал на Афоне еще до написания «Слова о житии и учении» Стефана Пермского, потому что в приемах «плетения словес», свойственных этому произведению, чувствуется знакомство автора с произведениями сербских и болгарских агиографов XIII—XIV вв. (но она не исключает и того, что Е. мог познакомиться с ними в Ростове).

В заглавии Похвального слова Сергию Радонежскому Е. назван «учеником его». Пахомий Серб в послесловии к Житию Сергия говорит сверх того, что Е. «много лѣтъ, паче же от самого возраста юности», жил вместе с троицким игуменом. Более определенно можно сказать только, что в 1380 г. Е. был в Троице-Сергиевой лавре и был тогда уже взрослым, грамотным, опытным книжным писцом и графиком и склонным к записям летописного характера наблюдательным человеком: сохранился написанный им там в это время Стихирь — ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 22 (1999), 148 л. В этой книге имеется целый ряд приписок. На л. 1: «Многогрѣшный раб божий Епифан в недостоянии своем написа си». Приписка на л. 1 об. сообщает о происшествии 21 сентября 1380 г., тринадцатого дня после Куликовской битвы: о посещении лавры игуменом московского Симонова монастыря *Феодором*, об отъезде монастырского келаря во враждебную тогда Москве Рязань, о приезде Исакия из московского Андроникова монастыря, о получении тревожного известия, что наступают литовцы и мусульмане, о прибытии каких-то двух телег: «Месяца сентября в 21 день, в пяток, на память (о агнос?) Кондрата, по литургии почата бысть писати (тетрадь 13). Во той же день (Си)моновский приездил. Во той же день келарь (поехал) на Рязань. Во той же (день)... черница увеща. Во той же день Исакий Андроников приехал к нам. Во той же день весть приде, яко Литва грядуть с агаряны... (Во той же день) придоша две телезе...». На л. 48 следующая запись: «Въ лѣто 6888 месяца септября, на память Иоана Θεолога, в среду по вечерни, почата бысть писати (?)». На л. 96: «Почата (коли?) Епифана... и понози». И наконец на л. 98: «Господине святой Епифаний Кипрский, сѣмениче мой, елеисон ми».

Из «Слова о житии и учении» Стефана Пермского мы знаем также, что Стефан на пути из Перми в Москву иногда посещал Троице-Сергиеву лавру, где мог видется не только с игуменом-основателем, но и со своим будущим агиографом.

После смерти Сергия Радонежского (1392), «по лѣте убо единѣм или по двою», Е. начал делать записи о нем — «подробну мало нѣчто писати от житиа старьцева». Двадцать шесть лет затем он берег «такового списания свитки» и тетради: «ова убо въ свитцѣхъ, ова же в тетрадѣхъ». Видимо, в 90-х гг. Е. переселился в Москву. Но весной 1395 г., в момент смерти в Москве Стефана Пермского, он отсутствовал там — может быть, сопровождал митрополита *Киприана* в его поездке в Смоленск и Киев (весна 1396—осень 1397 г.) или же находился как раз в это время на Балканах и в Палестине. Хотя более вероятным представляется, что он покидал Россию ранее — до окончательного утверждения в Москве митрополита Киприана (1390 г.), может быть вместе с другим учеником Сергия — *Афанасием Высотским*, в 1382 г., при изгнании князем из Москвы Киприана.

Написанное как будто под свежим впечатлением от смерти Стефана Пермского «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа», принято датировать 90-ми гг. XIV в. Но твердых оснований для такой датировки, исключающей начало XV в., нет. Правда, сам Е. пишет о переводе Стефаном книг на пермский язык как о недавнем событии («Когда же се бысть или в кое время? И недавно...»), но вместе с тем ясно, что немалый срок, нужный для сбора и обработки собранного материала, должен был предшествовать появлению этого большого по объему и филигранного по отделке литературного произведения. Е. говорит, что он старательно повсюду собирал сведения о Стефане и записывал собственные воспоминания: «...сия же убо списках и, здѣ и ондѣ собрав, предположих яже о житии его, — ова слухом услышах, ова же от ученикъ его увѣдахъ — яже о учительствѣ, управленіи; есть же другое, яко и своими очима видѣхъ, иное и с самѣм бесѣдовахъ многажды, и от того навыхох; и прочая, елико вопрошахъ от старых мужъ...». Е. вел эти свои расспросы и писал, очевидно, в Москве, в Пермь не ездя (иначе, я думаю, он об этом сказал бы).

Себя Е. называет в тексте «худым и недостойным убогим иноком», «иноком списающим», в позднейшем же заглавии назван «преподобным в священноинокихъ»; так что возможно, что в священники он был рукоположен позже написания «Слова о житии и учении» Стефана Пермского.

Создать это «Слово» он решился, по его словам, боясь, что если славные дела Стефана «не написана будут памяти ради, то изыдет ис памяти и в преходящаа лѣта и премѣняющимъ родом удобъ забвена будутъ», и взялся за работу с большой охотой, «желаниемъ обдержим... и любовию подвизаемъ», что и подтверждают очень живая и хроматически богатая тональность «Слова» и авторская щедрость на разные, казалось бы необязательные, экскурсы (например, о месяце марте, об алфавитах, о развитии греческой азбуки). Местами в его тексте сквозит ирония. Так, на совет Василия Великого: «Буди ревнитель право живущим и сих имена и дѣлеса напиши на своемъ сердцы» — Е. отвечает: «... аз не достигохъ в ту мѣру и не приидохъ в сие прясло, еже невидимо на разумныхъ скръжалѣхъ сердечныхъ написати, но на чювственныхъ хартиахъ пзволихъ писати». В других случаях ирония его не так благодушна и приближается к сатире: его герой, Стефан, «ни вертѣлся, ни наскакивал, ни накупался, ни насуливался посулы, ни дал бо никому же ничто же — ни дара, ни посула, ни мзды...» — так пишет он о распространенных — всем тогда, наверное, известных — средствах получить сан епископа; Стефан же вообще «не добивался владычества». В эпизоде посрамления Стефаном волхва Пама Е. вкладывает в уста волхва, испугавшегося им самим предложенных испытаний, дурашливо-жалобные причитания, полные библеизмов, явно рассчитанные на читательский смех: «Не смѣю воврещися, да не яко воскъ таетъ от лица огня, растаю» (ср.: «Яко таетъ воскъ от лица огня, тако да погибнуть грѣшници от лица божия» —

Псалом 67, 3), «Не дѣйте мене, да почию» (ср.: «Не дѣйте мене, да осяже столпы» — Книга Судей, 16, 26).

Так же легко Е. вкладывает библейские выражения в совсем некоемические речи, например в плач пермян по Стефану, объединяя там слова псалма с перечислением языческих финских народностей, соседствующих с пермью: «Быхом поношение сусѣдомъ напимъ иноязычником: лопи, гогулицамъ, югрѣ и пинезѣ» (ср.: «Быхом поношение соседям нашим» — Псалом 43, 14). Всего в «Слове о житии и учении» Стефана Пермского насчитывается 340 цитат, из которых 158 из Псалтири. Иногда Е. составляет очень длинные цепи из одних цитат. Замечено (Ф. Вигзелл), что цитирует он при этом не буквально точно, а по памяти, не боясь изменять грамматическое лицо, если это ему зачем-то нужно, и свободно приспособлять цитируемый текст к своему ритму речи, не постукаясь, однако же, его смыслом.

Иногда в тексте Е. встречаются как бы пословицы: «Видѣние бо есть вѣрнѣйши слышания», «аки на воду сѣявъ». Во вкусе Е. игра словами вроде «епископ „посѣтителъ“ нарицается, — и посѣтителя посѣтила смерть». Он очень внимателен к оттенкам и смысловой, и звуковой, музыкальной стороны слова, и, будучи как бы вдруг остановлен каким-то словом или вспыхнувшим чувством, он пускается в искусные вариации на тему этого слова и как бы не может остановиться: «Аще бо и многажды въсхотѣлъ быхъ изъоставити бесѣду, но обаче любви его влечет мя на похваление и на плетение словес». Характерный пример такой «плетенки» — вариации на тему слова «един»: «...пермскую же грамоту единъ составилъ, единъ счинилъ, единъ калогерьъ, единъ мнихъ, единъ инокъ — Стефанъ глаголю, приспономимый епископъ, — единъ въ едино время, а не по многа времена и лѣта, яко же и они, но единъ инок, единъ въединенный и уединяся, единъ уединенный, единъ единого бога на помощь призываа, единъ единому богу моляся и глаголя...». Образцы такого рода риторических вариаций, восходящих к античному приему «Горгиевой схемы», Е. мог видеть как в переводной литературе (например, в корпусе сочинений Дионисия Ареопажита, славянский перевод которого появился в 1371 г.: «Образа божественных священникъ единовидным словомъ въ единѣнѣ сказал еси единого свѣта единой зарѣ» — перед книгой «О священной иерархии», «...священные же единыя священныхъ съ священнымъ осияниемъ священнолѣпнѣи приобщу» — в начале этой книги), так и в оригинальной южнославянской (например, в Житии св. Симеона, написанном в XIII в. сербом Доментианом, и в произведениях так называемой тырновской школы патриарха Евфимия).

Е. пишет о себе — конечно, риторически-самоуничижительно — как о неуче с точки зрения античной образованности («азъ бо есмь грубъ умом и словом невѣжа, худъ имея разум и промыслъ вредоумен, не бывшу ми въ Афинехъ от уности, и не научихся у философвъ, и ни плетения риторьска, ни вѣтйскихъ глаголъ, ни Платоновыхъ, ни Аристотелевыхъ бесѣдъ не стяжахъ, ни философия, ни хитрорѣчиа не навыхохъ...»), но широкое использование им восходящих к античности приемов искусства слова показывает, что он прошел хорошую риторическую школу либо в ростовском «Затворе», либо у южных славян, либо в Византии у греков. Используя, например, прием гомеотелевтона (созвучия окончаний) и гомеоптогона (равнопадежья), откровенно ритмизуя при этом текст, он создает без всякого перехода от обычной прозы, в прозаическом окружении периоды, приближающиеся, на современный взгляд, к стихотворным: «... слово плетуци, | и слово плодяци, | и словом почтити мняци, | и от слов похваление събираа, | и приобретаа, | и приплетаа, | пакы глаголя: | Что еще тя нареку? | — Вожа заблудьдимъ, | обрѣтателя погибшимъ, | наставника прелценым, | руководителя ослѣпленным, | чистителя оскверненнымъ, | вискателя расточенымъ, | стража ратнымъ, |

утѣшителя печальнымъ, | кормителя алчущимъ, | подателя требующимъ, | наказателя несмысленнымъ, | помощника обидимымъ, | молитвенника тепла, | ходатаа вѣрна, | поганымъ спасителя, | бѣсомъ проклинателя, | кумиромъ потребителя, | идоломъ попиравателя, | богу служителя, | мудрости рачителя, | философии любителя, | правде творителя, | книгамъ сказателя, | грамотѣ пермстей писателя». Такого рода панегирические медитации (В. П. Зубов, О. Ф. Коновалова их сравниваютъ с книжнымъ художественнымъ орнаментомъ) находятся обычно в техъ местахъ, где речь касается чего-то, возбуждающего у автора чувство вечного, невыразимое обычными словесными средствами. Они служатъ эмоциональнымъ, какъ бы «вертикальнымъ», дополнениемъ к простой по стилю «горизонтальной», прагматически-прозаической основе повествования. Подобные периоды бываютъ перенасыщены метафорами, эпитетами, сравнениями. Причемъ при сравненияхъ имеется в виду обычно не реальное сходство чего-то с объектомъ речи, а библейское по происхождению символическое значение предмета. Например, язычники-пермяне сравниваются со «зверьми дивими», «волками», учение Христово — с «плодовитымъ деревомъ», «источникомъ водъ», мудрость — с масломъ в свѣтильникѣ, и т. п. Синонимы, метафорические эпитеты, сравнения иногда выстраиваются, какъ и цитаты из Писания, в длинныя цепи. Именно «Слово о житии и учении» Стефана Пермского в первую очередь позволяетъ говорить о Е. какъ о русскомъ писателѣ, в творчестве котораго стиль «плетения словесъ» достигъ наивысшаго развѣтѣ.

По композиции «Слово о житии и учении» делится на введение, основное повествование и риторическое завершение. Основное повествование членится на 17 главокъ, каждая со своимъ названием («Молитва», «О церкви Пермстѣй», «Поучение», «О прѣнии волхва» и др.). Заключительный разделъ в свою очередь имеетъ четыре части: «Плачь пермскихъ людей», «Плачь церкви Пермския, егда овдовѣ и плакася по епископѣ си», «Молитва за церковь» и «Плачеве и похвала инока списающа». Изъ нихъ «Плачь пермскихъ людей» содержитъ наибольшее количество конкретныхъ историческихъ сведений и наиболее близокъ к летописнымъ плачамъ. В «Плаче церкви» сильнее фольклорные мотивы типа похоронныхъ плачей вдовъ и невестъ. В целомъ в этой заключительной части «Слова» различаютъ три стилистическихъ слоя: фольклорный, летописный и традиционный для житий похвальный. Композиция «Слова» со всеми ее особенностями принадлежитъ, судя по всему, самому Е.: предшественниковъ и последователей этого «Слова» по композиции среди греческихъ и славянскихъ житий не обнаружено.

Будучи своего рода совершенствомъ по своимъ литературнымъ качествамъ, «Слово» о Стефанѣ Пермскомъ является также ценнейшимъ историческимъ источникомъ. Наряду со сведениями о личности такого деятеля, какъ Стефанъ Пермский (они послужили источникомъ для летописныхъ о немъ сообщений), оно содержитъ важные материалы этнографическаго, историко-культурнаго и историческаго характера — о тогдашней Перми, о ее взаимоотношенияхъ с Москвой, о политическомъ кругозорѣ и эсхатологическихъ представленияхъ самого автора и его окружения; совершенно ясно, в частности, что онъ и его окружение ожидали конца свѣта с истечениемъ седьмой тысячи летъ, т. е. в 7000 (1492) г.

Примечательно это «Слово», прославляющее просветителя Перми какъ преподобнаго, отсутствиемъ в его содержаніи какихъ бы то ни было чудесъ. При томъ, однако же, оно ни в коемъ случаѣ не являетъ собой и биографію в современномъ смыслѣ слова. Лишь мимоходомъ, например, мы узнаемъ, что Стефанъ былъ хорошо знакомъ с великимъ княземъ Василиемъ Дмитриевичемъ и митрополитомъ Киприаномъ и пользовался ихъ любовью, но когда и какъ онъ с ними познакомился — неизвестно; также между прочимъ — изъ плача пермскихъ людей — становится известно, что какие-то москвичи уничижительно звали Стефана Храпомъ, но какъ возникло и с чемъ связано

это прозвище — тоже неизвестно. Главное, на чем сосредоточивает Е. внимание — это учеба Стефана, его умственные качества и его труды по созданию пермской грамоты и пермской церкви. Е. хвалит Стефана за упорность в учении, отмечая, что тот, обладая острым и быстрым умом, тем не менее мог долго вникать в каждое слово изучаемого текста («... и не бѣдно учения ради умедливаа въ учении, но да дондеже до конца поистинѣ разумѣть о коемъждо стисѣ словеса — о чемъ глаголетъ...»), но при этом быстро, искусно, красиво и трудолюбиво писал книги. Е. отмечает с похвалой, что Стефан «измалада научился всей вышней философии и книжнѣй мудрости, и грамотичнѣй хитрости»: что он умел «глаголати тремя языки, такоже и грамоты три умѣяше, яже есть: русский, и греческий, пермьскый»; что он создал новый письменный язык, пермскую грамоту, и перевел книги с русского и греческого языков на пермский, и обучил этой грамоте по этим книгам пермяков; что он научил их петь гимны на пермском языке, «пѣти имъ перепѣваа и перелагаа»; что он спасал их от голода, «многожды лоднями жита привозя от Вологды в Пермь»; что, наконец, он защищал свою паству от жестокостей московской администрации и от новгородских разбойников. Ясно, что Е. был уверен, что описанный им апостольский и пастырский подвиг Стефана вполне достаточен для его прославления и делает излишними такие свидетельства святости человека, как прижизненные и посмертные чудеса. Других такого рода русских житий неизвестно.

У агиографа следующего за Е. поколения, Пахомия Серба, появляется необычное для русской средневековой литературы внимание к внешней красоте пейзажа с монастырем (в Житии Кирилла Белозерского он говорит о красоте Ферапонтова монастыря); но уже у Е. можно заметить нечто подобное — упоминание внешней красоты возведенного Стефаном церковного здания, которым любовались пермяне: «...по вся дни прихожаху пермяне, и некрещени суще, ... видѣти хотяще красоты и доброты и здания церковнаго, и бяху наслаждающеся зрѣннѣя пребываху».

В конце этого «Слова» о Стефане Пермском Е. позволяет нам понять, что он испытывает нечто вроде авторского удовлетворения своим трудом и что это приятное чувство сопровождается у него неприятным сознанием своей общей нравственной несостоятельности. Выражает это он в свойственной ему писательской манере, играя двумя значениями слова «лист» (лист дерева и лист книги) и с помощью этой игры блестящим образом совмещаая план евангельских образов (образ бесплодной смоковницы) и своей житейской реальности (свой собственный, авторский образ — человека, листающего им написанную книгу): «Горе мнѣ, глаголющу и не творящу, учашу и не чюющу! Но бесплодная, увы и мнѣ, явихся смоковница: листовое токмо едино имѣю, листы книжное токмо обращаю и листиемъ книжнымъ писанымъ токмо хвалюся, а плода добродѣтели не имею». Но и «хваляющийся» написанным, Е. далек от того, чтобы считать свое произведение совершенным, и он приглашает к соавторству любого «добрышаго и мудрышаго» человека (причем, явно, имеет в виду использованный Иоанном Экзархом Болгарским образ сочинения-«постройки»): «Но аще и не гораздо написана быша нѣкая, но обаче возможно есть нѣкоему добрышему и мудрышему о господѣ построить сия и добрѣ починити я, неудобреннаа удобрити и несвершеная накончати». Таким образом, у него сочетается развитое авторское самосознание с готовностью предоставить свое произведение для усовершенствования в чужие руки (что это у него не пустые слова, показывает судьба написанного им Жития Сергия Радонежского, подвергнувшегося вскоре после написания обработке под пером Пахомия Серба).

«Слово о житии и учении» Стефана Пермского дошло до нас в рукописях и в полном виде (старейший или один из старейших списков — ГПБ, собр. Вяземского, № 10, 1480 г.; всего известно около 20 списков XV—XVII вв.), и в так или иначе сокращенном, в том числе кратком

проложном виде (всего известно более 30 списков по-разному сокращенного текста «Слова»). В XVI в. митрополит *Макарий* включил «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшаго в Перми епископа» в *Великие Минеи Четии* под 26 апреля (ГИМ, Синодальное собр., № 986, Успенский список, л. 370—410).

Живя в Москве, Е. был знаком с Феофаном Греком, любил к нему ходить и беседовать, и тот его любил («великую к моей худости любовь имѣяше»). В 1408 г., во время нашествия Едигея, Е. со своими книгами («елици от разсѣяния и от расточения остапаса у мене»), в том числе, наверное, и со своим «Словом о житии и учении» Стефана Пермского, и со своими свитками и тетрадками давних записок о Сергии Радонежском, и, несомненно, как увидим, с Четвероевангелием собственного письма и украшения, бежал в Тверь, где нашел покровителя и собеседника в лице архимандрита Спасо-Афанасьева монастыря Корнилия, в схиме Кирилла. Спустя шесть лет архимандрит Кирилл вспомнил о виденных им в Евангелии Е. четырех необычных миниатюрах с изображением константинопольского храма Святой Софии («вспомянул ми в минувшую зиму», — пишет об этом Е.). В ответ на это в 1415 г. Е. и написал ему свое послание, отрывок из которого уцелел в единственном списке — ГПБ, Соловецкое собр., № 1474-15 (л. 130—132), сборник XVII—XVIII вв., происходящий из Анзерского скита Соловецкого монастыря, содержащий различные выписки, географические и астрономические сочинения. В этом отрывке, озаглавленном «Выписано из послания иеромонаха Епифания, писавшего к нѣкоему другу своему Кириллу», речь идет о Феофане Греке как об авторе рисунка, скопированного Е. в своем Евангелии и заинтересовавшего Кирилла. Это редчайший случай отзыва русского средневекового писателя о творчестве художника-современника. Е. очень высоко оценивает ум и образованность Феофана («преславный мудрокъ, зѣло философ хитръ») и его искусство («книги изографъ нарочитый и живописецъ изящный во иконописцѣх»). Только из этого послания известно, что Феофан Грек расписал более сорока каменных церквей в Константинополе, Халкидоне, Галате, Кафе, Великом и Нижнем Новгородах, в Москве, а также «каменную стену» (казну, полагает Н. К. Голейзовский) у князя Владимира Андреевича и терем у великого князя Василия Дмитриевича. Е. отмечает также необычайную свободу поведения художника во время творчества: работая, он никогда не смотрел на образцы, «ногама же бес покоя стояще», беспрестанно ходил, «языком же, бесѣдуя с приходящими, глаголаше», причем ум его не отвлекался от его живописной работы; а те, кому доводилось с ним мало или много поговорить, не могли не удивляться его разуму, образности речи и строю его бесед. При этом Е. иронизирует над сковапностью и неуверенностью «нѣдких наших» иконописцев, которые, «недоумѣния наполнишася присно, принимающе очима, мещуще сѣмо и овамо, не толма образующе шарми, елико нудяхуся, на образ часто взирающе». В этом письме Е. между прочим называет себя «изографом», а из того факта, что он скопировал рисунок Феофана Грека, ясно, что по крайней мере книжным графиком-миниатюристом он был.

В 1415 г. Е. уже не жил в Москве (что видно по прошедшему времени выражения «егда живях на Москвѣ» в послании Кириллу Тверскому). Скорее всего он уже вернулся тогда в Троице-Сергиеву лавру, так как в 1418 г. закончил требовавшую его присутствия там работу над Житием Сергия Радонежского, основателя лавры. В начале этого Жития Е. пишет: «...таковый святой старецъ пречюдный и предобрый отнеле же преставися 26 лѣтъ преиде», — откуда мы и знаем время окончания этой работы. Прежде чем взяться за Житие, пишет о себе Е., «пребых убо нѣколико лѣт акы бездѣленъ в размышлении, недоумѣнием побѣждаася, и печалию оскръбляяся, и умом удивляяся, и желанием побѣждаася. И паиде ми желание насыто еже како и коим образом на-

чяти писати — акы от многа мало — еже о житии преподобнаго старца». Он разузнал, не пишет ли и не написал ли уже кто-нибудь о святом Сергии, «и увѣдавъ извѣстно, яко никто же нигдѣ же речеся не писаше о немъ», а также посоветовавшись с некими «старцами премудрыми», решился сам писать. «И оттолѣ, — говорит он, — нужда ми бысть распытовати и въпрашати древних старцовъ, прилежно свѣдущихъ вѣистину извѣстно о житии его». Т. е. с той поры — очевидно, уже в Троице-Сергиевой лавре — он принялся за пополнение своих издавна заготовленных материалов и вновь стал записывать «елика слышах и разумех»: «...елика от старецъ слышах, и елика своимъ очима видѣх, и елика от самого устъ слышах, и елика увѣдах от иже въслед его ходившаго время немало», и от прочих «бывших самовидцев».

Цель написания «Жития преподобнаго и богоноснаго отца нашего, игумена Сергия чудотворца» Е. определил сходно с целью написания «Слова о житии и учении» Стефана Пермского: «...понудихся възвѣстити сиа и възпоманути новорожденнымъ младенцамъ и младоумнымъ отрочатомъ и дѣтскый смыслъ еще имущимъ». Это — еще большее по объему произведение, чем «Слово» о Стефанѣ Пермском. По композиции оно сходно: основная часть повествования предваряется вступлением и тоже разбита на отдельные главки с особыми названиями («Начало житию Сергиеву», «Яко от бога дасться ему книжный разумъ, а не от человекъ», «От уныя врѣсты» и др., всего их здесь 30), а завершается все Житие «Словомъ похвальнымъ преподобному отцу нашему Сергию. Сътворено бысть ученикомъ его, священноинокомъ Елифаниемъ». По своей тональности и тематике это Житие гораздо ровнее и спокойнее, чем «Слово о житии и учении» Стефана Пермского. Здесь нет таких, как там, экскурсов «в сторону», не заметно иронии: приводимые им и здесь слова Василия Великого: «Буди ревнитель право живущимъ, и сихъ житие и дѣяние пиши на сердци своемъ» — Е. сопровождает здесь совсем иным по тону замечанием: «Видѣ, яко велитъ житиѣ святыхъ писати не токмо на харатиахъ, но и на своемъ сердци плъзъ ради, а не скрыватьи и ни таити»; почти нет ритмизированных периодов с гомеотелевтонами, меньше игры со словами и синонимических амплификаций, но все же они есть (например: «...недоумениемъ погружаяся и печалию оскръбляяся, и умомъ удивляяся, и желаниемъ побѣждаася»); нет «плачей», есть в конце лишь «Молитва». Чувствуется, что произведение написано гораздо более спокойным, чем «Слово о житии и учении», человеком. Однако же у этих произведений много и общего. Совпадают многие цитаты из Писания, выражения, образы. Сходно критическое отношение к действиям московской администрации на присоединяемых землях (например, волхв Пам в «Слове о житии и учении» говорит: «От Москвы бо может ли что добро быти намъ? Не отгуду ли намъ тяжести быша, и дани тяжкыя, и насильство, и тивуни, и доводщици, и приставници?»); а в Житии Сергия Радонежского Е. пишет о действиях москвичей в присоединенном Ростове: «И егда внидоша въ град Ростов, тогда възложиста велику нужю на град, да и на вся живущаа в немъ, и гонение много умножися» и т. д.).

В Житии Сергия Е. обращает иногда прямо-таки пристальное внимание на чувственно воспринимаемую сторону предметов; необыкновенно ярко, например, описание полученных в монастыре после голода хлебов: «Бяху же хлѣби оны тепли суше и мягци, яко обычай есть новопеченымъ быти; сладость же вкушения ихъ странна нѣкако и незнаема являшеся, и яко медвеною нѣкою сладостию исплънены, уподоблены и преудобрены, и яко с масломъ сѣмяннымъ устроени суше и преухищени, и яко нѣкотораа в нихъ зелиа растворена благоухана, сладость постную, яко мнѣти, и от сего имѣти являюще». Говоря о внешнем облике Сергия, Е. позволяет себе перечисление красочных и роскошных дорогих тканей, сообщая, что одяние его было «ни же от суконъ нѣмецкихъ красовидныхъ, цвѣтовторныхъ, или от синеты, или от багрянородныхъ, или от бурявы,

или от прочих многообразных различных шаровидных цвѣтов, или бѣло-образно, или гладостно и мягко». Будучи тоже одной из вершин русской агиографии, Житие Сергия Радонежского, как и «Слово» о Стефане Пермском, является ценнейшим историческим источником сведений и о жизни такого выдающегося церковно-общественного деятеля, как Сергий Радонежский, и вообще об общественно-политической жизни Московской Руси XIV в. Оно содержит большое количество имен — лиц, имевших то или иное отношение к Сергию, начиная от людей, переселившихся вместе с родителями Сергия из Ростовской области в Радонеж, и кончая митрополитом и великим князем московским, появляющимися в некоторых его эпизодах. В отличие от «Слова о житии и учении» это Житие наполнено чудесами. В середине XV в. дополнил его в части посмертных чудес, но также кое в чем и сократил повествование Пахомий Серб. Полагают даже, что Житие не сохранилось в совершенно чистом первоначальном виде. Оно дошло до нас в нескольких редакциях, соотношение которых до сих пор полностью не изучено. В XVI в. митрополитом Макарием оно было включено под 25 сентября в Великие Минеи Четии. Житие подвергалось неоднократным переделкам и после Пахомия Серба (подробнее см. в статье «Житие Сергия Радонежского»).

Помимо заканчивающей Житие Похвалы Сергию Радонежскому Е. приписывается и вторая Похвала Сергию под названием «Слово похвално преподобному игумену Сергию, новому чудотворцу, иже в последних родах в Руси возсиявшему и много исцеления дарованием от бога приемшаго».

Как показала В. П. Адрианова-Перетц, к «Слову о житии и учении» Стефана Пермского и к Житию Сергия Радонежского (особенно к «Слову») по многим признакам близко «Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя рускаго». Сходство, как можно заметить, начинается уже с заголовка. Автору «Слова о житии и о преставлении» свойственна та же, что Е., большая начитанность в святоотеческой византийской и древнерусской литературе, а самому этому «Слову» — тот же, что и произведениям Е., церковно-панегирический стиль с пристрастием к библейскому языку, те же цитаты, образы, сходные эпитеты, выражения. По композиции «Слово о житии и о преставлении» делится (примерно пополам) на житийно-биографическую и похвальную части, хотя и в первой части много похвал и во второй есть конкретные сведения. Заголовков внутри повествования нет. Нет вступления. Начинается «Слово» с того, с чего обычно (и у Е., в частности) начинается основная часть житийных повествований — с рождения и молодости героя, причем в весьма схожих со «Словом о житии и учении» выражениях, ср.: «Сий убо князь Дмитрий родися от благородну и честну родителю... Еще же млад сый възрастом...» и «Сий преподобный отецъ наш Стефанъ бѣ убо родом Русинъ... от родителю нарочиту... И еще дѣтищем сый, измлада...» (и далее — сходные цепочки глаголов).

Однако темы, обычные для вступлений, здесь не отсутствуют, а обнаруживаются в заключительной похвальной части. Так, описав погребение князя и приведя горестные слова плачущего народа, которые он слышал («... слышах много народ глаголющъ...»), автор говорит, что именно это подтолкнуло его к сочинению «Слова»: «Да си, глаголю, понуди мя „Слово“ писати, житие сего». Говорит он здесь и о своем литературном методе: он пишет, ничего не прилагая из «онѣх древних еллинских философовъ повѣстей, но по житию достовѣрныхъ похвалы, акы в зеркалѣ, имый смѣсна разуму божестванаа писания», т. е. что он достоверно, как в зеркале, отражает реальную жизнь, глядит же на нее с точки зрения божественного писания.

Действительно, по ходу рассказа автор неоднократно прибегает к библейским аналогиям («... и въскипе земля Руская в лѣта княжения

его, яко прежде обѣтована Израилю», «Аки и прежде Агагъ, царь Васа-
нескъ, похвалился на кивот завѣта господня», «...яко же прежде Моиси,
Амалика побѣдив», «...яко Давидъ богоотецъ Сауловы дѣти миловаше»
и т. п.). Но тут же ряд, так сказать, бытовых или нейтрально-литера-
турныхъ сравнений («Аки кормьчий крѣпокъ противу вѣтромъ влѣны ми-
нуя», «Аки вода раздѣляется отъ единого искипѣнна надвое и паки
сходится», «Яко же и желѣзо огнемъ разгарается и водою калиться ост-
роты ради», «...аки огонь дыхая скважнею», «Врачъ убо не бываетъ
никто же, аще не существу прежде недуга навькнетъ, ни иконописецъ, аще
не много смѣситъ вапы», «...яко солнце, луча испущаа и вся съгрѣя»),
къ которымъ близки по духу пословичного типа параллели: «любовнику
душа в тѣлѣ любимаго» и «говоръ водѣ вѣтромъ бываетъ, и мокрота
земли солнцемъ погыбаетъ», приведенные, однако же, одна со ссылкой на
некоего «мудрого», а вторая — на «великого Дионисия».

У Дионисия Ареопагита между темъ ничего подобного не находится,
и это заставляетъ допустить, что авторъ имеетъ въ виду не текстъ, но методъ
Дионисия: за образами, взятыми изъ мира природы, видѣть иные, не вы-
ражаемые прямо планы бытия. И это, в связи съ дальнейшими его наме-
ками и умолчаниями (сравнение себя съ Варнавой, князя — съ Павломъ,
упоминание зла, которое в торжестве не воспоминаютъ, примеръ Пифагора,
предпочитававшего молчать, и т. п.), заставляетъ почувствовать старания
автора высказать нечто такое, что было невозможно сказать прямо. Бу-
дущи поставлены в связь со всемъ содержаниемъ произведения, эти намеки
позволяютъ прийти къ выводу, что, прославляя князя какъ защитника
«правовѣрной вѣры христіанской», своей победоносной борьбой съ «по-
гаными» создавшего всероссийское царство, авторъ при этомъ одновре-
менно какъ бы реабилитируетъ князя, предлагая забыть содеянное имъ
прежде зло, какъ за Павломъ былъ забытъ Савл. Одинъ изъ находящихся
в авторской похвалѣ экскурсовъ («Богъ двойства не имѣть, душамъ
имѣть тройство ни едино, телесемъ приобщается, не текуща четверства.
чувствіа внѣ пятства устремленна сугуба, не постражаетъ шестство,
имѣетъ чествство лучшу седмиство») содержащимся здѣсь возрастающимъ
рядомъ чиселъ сходствуетъ съ поэтическимъ приложениемъ къ Духовной грамотѣ
митрополита Киприана («Какъ разставися сугубое? Какъ утаися вскорѣ?
Тричастное погыбе! Четвѣртое же растлѣ! Пятое безъ дахання и мртво!
Увы, страсти, увы: сугубая десятирица погыбе! И по седми — осмая,
яже будущаго въображаетъ растворение»). И то, и другое произведение
независимо другъ отъ друга оказываются зависящими отъ «Диоптры» Фи-
липпа Пустынника, позволяющей понять эти ряды чиселъ.

Въ текстѣ «Слова о житіи и о преставленіи великаго князя» обнару-
живается случайно в него попавшее, разрывающее текстъ посреди фразы,
Письмо автора къ заказчику (начинается словами: «Преподобство твое
испроси у нашего художства слова...», оканчивается: «О госпode здрав-
ствуй»), по композиціи и стилю тяготеющее къ Е.

Ярко выраженное в «Слове...» авторское самосознание и вместе
с темъ отсутствіе имени автора в заголовкѣ, равно какъ и существованіе
«Слова...» только в составѣ общерусскихъ летописныхъ материаловъ и сво-
довъ (древнейшій видъ — во второй летописной подборкѣ в спискѣ конца
XV в. ГПБ, F.IV.603, л. 382—393, болѣе поздній — в *летописяхъ Новгород-
родской IV, Софійской I* и зависящихъ отъ нихъ летописяхъ) позволяютъ
прийти къ выводу, что «Слово...» было заказано именпо для общерусской
сводной летописи и писалось какъ летописная повесть. Заказчикомъ ее былъ
какой-то монахъ («преподобство»), очевидно руководившій своднымъ обще-
русскимъ летописаніемъ.

На поставленный В. П. Адриановой-Перетцъ вопросъ о возможномъ
авторствѣ Епифанія Премудраго А. В. Соловьевъ, дополнительно обнару-
живши рядъ чертъ сходства между «Словомъ...» о князѣ и «Словомъ»
о Стефанѣ Пермскомъ (в частности, одинаковое построение похвалъ, общая

схема трех плачей, нигде больше не встречающаяся, общие источники, не повторение, но «филигранная перечеканка» одних и тех же приемов и др.), ответил утвердительно. Он оценил это «Слово...» как самое блестящее произведение литературы конца XIV в и пришел к выводу, что оно было закончено Е в 1393—1394 гг, т е еще до написания «Слова о житии и учении» Стефана Пермского.

М А Салмина ответила на этот же вопрос отрицательно. Она проследила изменения, каким «Слово...» подвергалось в составе летописных сводов, и его отношение к литературным источникам, общим у него с *Летописной повестью о Куликовской битве*, — к московской летописи типа *Троицкой летописи*, *Повести о житии Александра Невского*, паремийному чтению о Борисе и Глебе и «Слову на Рождество Христово о пришествии волхвов» (в этом она продолжала работу С. К Шамбинаго, А. А Шахматова, В П. Адриановой-Перетц и А. В. Соловьева). Придя к выводу о независимом использовании одних и тех же источников «Словом о житии и о преставлении» и *Летописной повестью о Куликовской битве*, М А. Салмина заключила, что эти два произведения вышли из одной «писательской лаборатории», причем, вероятно, «Слово...» следовало за Повестью, а не наоборот. Отрицательно же она ответила на поставленный В П. Адриановой-Перетц вопрос потому, что, по ее мнению, зависимость «Слова...» от так называемого «свода 1409 г.» (*Троицкой летописи*), присутствие его в так называемом «своде 1448 г.» (гипотетический источник Новгородской IV и Софийской I летописей) и родство с *Летописной повестью о Куликовской битве* (обнаруживаемой в тех же летописях) заставляют считать наиболее вероятным временем его сочинения середину XV в., время борьбы за великокняжеский стол между Василием Темным и Дмитрием Шемякой (датировка *Летописной повести* базируется у нее на этих же основаниях и на присутствии там имен Федора Тарусского, брата его Мстислава, князя Дмитрия Монастырева, Ивана Александровича и Дмитрия Миничича, якобы не имеющих отношения к Куликовской битве; при этом Дмитрия Миничича М А Салмина отождествляет с Дмитрием Мининым, павшим в 1368 г. в битве с Ольгердом, тогда как речь идет, очевидно, о его сыне или внуке (Миничич!), а Федора Тарусского — с князем Федором Тарусским, павшим в 1437 г. под Белевом, тогда как автор середины XV в. навряд ли допустил бы такую ошибку).

Считая более вероятным постепенное, нежели единовременное создание как московской («свод 1409 г.»), так и общерусской сводной летописи (Софийская I — ее центральнорусский, а Новгородская IV — ее новгородский вариант), а также учитывая результаты новых наблюдений (разъяснение непонятных мест «Слова...», установление родства — через «Дионтру» — с философско-элегическим приложением к Духовной грамоте митрополита Киприана, обнаружение Письма к заказчику), я склонен датировать «Слово о житии и о преставлении великого князя» концом XIV — началом XV в. В таком случае его наиболее вероятный автор, Е., оказывается так или иначе причастным (по крайней мере та же «писательская лаборатория») к созданию *Летописной повести о Куликовской битве* и к летописанию вообще — и к московскому, которым он пользовался как источником, и к общерусскому, для которого он выполнял заказы.

О причастности Е. к летописанию говорят уже его собственноручные летописные заметки в его Стихираре, а также летописный стиль в его житиях. О касательстве же пера Е. именно московской летописи может свидетельствовать летописная характеристика Дионисия Суздальского (под 1374 г.) как «мужа тиха, кротка, смирена, хитра, премудра, разумна... всяку добродетель исправляшаго», схожая с характеристикой Стефана Пермского в «Слове о житии и учении» (как «... мужа добра, мудра, разумна, смысла, умна суща и хитра, и всячески добродетelmi

† крашепа»). Во-вторых, очень напоминает в летописи стиль Епифания Повесть о Митяе. Ср.:

Повесть о Митяе

Князь же великий зело любляше Митяя, и чтяше и, и всласть по послушаше его

...и бывшу збору, и зпрашанию, и истязанию, и распытованию, изволиша сиде, яко

...овогда бояр старейших посылая, овогда сам приходи

Овии хотеша Ивана в митрополиты, а друзии Пимена ..

...и просто рещи, в весь сан митрополчич сам ся постави

...единаче есте не истинствуєте, ходяще.

...но мы истинствуемъ, но мы правду деем ..

и инии мнози корабли плаваху мимо его, мнущюсе семо и овамо

Слово о Стефане Пермском

Они же убо власть послушаша учения его, и с радостию приаша проповѣдь его, и с тицанием вѣрваша словесем его

Аще и многу съпрашанию бывшу, аще и промежу ими истязанию сущу, но вси препрѣни от него быша

...овогда убо почиташе святыя книги, овогда же преписоваше...

Овии же сего поминаху, друзии же другаго в'дергиваху...

И сирста рещи, всячески требует земля та епископа...

...ложуща паче, а не истинствующе...

...но не вѣм, аще ли истинствует, или ни...

...плавает корабль душевный по морю житейскому, семо и овамо мятучися.

Кроме того, Повести о Митяе свойственно редкое для тогдашней литературы явление — насмешка, причем насмешка над тем самым, над чем иронизирует в «Слове» о Стефане Пермском и в Житии Сергия Радонежского Епифаний Премудрый, — над церковными санюлюбцами, хотя и выражена она здесь иными словами: «И ту бяше видети дива плътно: иже до обеда белець сый, а по обеде мнихом начальник и старцем старейшина, и наставник, и учитель, и вожь и пастух» (в словах «до обеда... по обеде» — пародийный намек на литературный образ попа Иоанна в Сказании об Индийском царстве: «до обеда поп, а по обеде царь»). Используемые здесь для насмешки средства литературной иконописи очень напоминают, заметим, опять же Епифаньевы слова — на этот раз из похвалы Сергию Радонежскому: «...отцемъ отецъ, и учителемъ учитель, наказатель воедемъ, пастыремъ пастырь, игуменомъ наставник, мнихомъ начальник... сущий въждь...».

Таким образом, опять, как и в случае с характеристикой Дионисия Суздальского, создается впечатление, что сам Епифаний Премудрый непосредственно принимал участие в московском летописании.

В связи с этим следует отметить также возможную причастность Е. к созданию «Повести о нашествии Едигея»: ее автор, как и Е., был близок к высшим церковным кругам Москвы, также выражал критическое отношение к политике московского князя, резко негативное мнение о возможности мира и союза с Ордой, а во время нашествия Едигея тоже, по-видимому, спасался в Твери (наличие в тексте Повести тверских известий). Кажется вероятным также высказывавшееся С. А. Богуславским и С. К. Шамбинаго предположение (ИРЛ I. М.; Л., 1945, т. 2, ч. 1, с. 238, 245—246), что сохранившееся в Новгородской IV летописи схожее по стилю с сочинениями Е. предисловие к рассказу о смерти великого князя тверского Михаила Александровича, скончавшегося в Спасо-Афанасьевом монастыре, написано Е. по просьбе архимандрита этого монастыря Кирилла во время жизни там Е. в 1408 г. О работе Е. в Твери позволяет думать и характерное употребление слова «посѣтителъ» в поэтической части известий о смерти и похоронах епископа Арсения: «...свѣщи пѣсть, посѣтителъ спит, бывый на своемъ столѣ», «...пастырь и посѣтителъ всей земли Тферской гробу предается».

Кроме того, это слово встречается в Окружном послании 1415—1416 гг. митрополита Фотия о незаконном поставлении литовскими епископами Григория Цамблака на киевскую митрополию: «Сего ради по-

мраченики назвати ми убо вас, а не просвѣтителн, ни же посѣтити, ни же епископы », « началникъ пастыремъ и посѣтителъ душамъ нашимъ ». Все это позволяет думать о возможной причастности Е к написанию этого Окружного послания (может быть, в качестве митрополитского секретаря)

Умер Е не позднее 1422 г. (до открытия мощей Сергия Радонежского)

Соч «Житие преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергия Радонежского и всея России чудотворца» (По лицевому списку Троице Сергиевой лавры XVI в.) Сергиев Посад, 1853, «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа» — В кн Памятники старинной русской литературы / Изд Г Кушелевым Безбородко СПб, 1862, вып 4, с 119—171, «Житие и подвизи преподобнаго и богоноснаго отца нашего игумена Сергия чудотворца, и малоповедание от божественныхъ чудес его, списано ученикомъ его, священноинокомъ Епифаниемъ» — В кн Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием Сентябръ, дни 25—30 / Изд Археографической комиссии СПб, 1883, стб 1463—1563, «В той же день Слово похвально преподобному отцю нашему Сергию, сотворено бысть ученикомъ его, священноинокомъ Епифаниемъ» — Там же, стб 1563—1578, «Житие преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергия чудотворца» и Похвальное ему слово, написанные ученикомъ его Епифаниемъ в XV в / Сообщил архимандрит Леонид Печатаются по Грошцким спискам XVI в с разночтениями из Синодального списка Макарьевскихъ Четыхъ Миней СПб, 1885 (ПДПИ № 58), Послание Епифанія Кириллу Тверскому — ППС, СПб, 1887, т 5 вып 3 (15), с 3—6, Тихонравов Н С Древние жития преподобнаго Сергия Радонежского М, 1892, с 3—144 (1 отдие), 131—152 (2 е отдие), 2 е изд М, 1916 (переиздание: Die Legenden des heiligen Sergij von Radonež / Nachdruck der Ausgabe von Tichonravov Mit einer Einleitung und einer Inhaltsübersicht von Ludolf Müller München 1967), Житие св Стефана, епископа пермского, написанное Епифаниемъ Премудрым / Изд Археографической комиссии Под ред В Г Дружинина СПб, 1897, с VII, 112 (переиздание репринтом с введением Д Чижевского Apophoreta Slavica The Hague 1959, vol 2), «Месяца апреля 26 день Преподобнаго во священноинокихъ отца нашего Епифанія счинено бысть Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа» — В кн Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием Апрель, дни 22—30 / Изд Археографической комиссии М, 1915, стб 988—1109, Грабаръ И Э Феофан Грек — Казанский музей вестник, 1922, № 1, с 5—6, Послание Епифанія Кириллу Тверскому (в переводе на современный русский язык) — В кн Мастера искусства об искусстве М, 1937 т 4 с 16—17, Лазарев В Н Феофан Грек и его школа М, 1961 с 113—114, Послание Епифанія Кириллу Тверскому «Выписано из Послания иеромонаха Епифанія, писавшаго к некоему другу своему Кириллу» / Подгот текста, пер на совр рус язык и коммент О А Белобровой — В кн Изборник (Сборник, произведений литературы Древней Руси) М, 1969, с 398—403, 750—751 «Житие преподобнаго и богоноснаго отца нашего, игумена Сергия чудотворца Списано бысть от Премудрейшаго Епифанія» / Подгот текста и коммент Д М Буланина Пер на совр рус язык М Ф Антоновой и Д М Буланина — В кн ПЛДР XIV—серднина XV века М, 1981, с 256—429, 570—579, «Выписано из послания иеромонаха Епифанія, писавшаго к некоему другу своему Кириллу» / Подгот текста, пер на совр рус язык и коммент О А Белобровой — Там же, с 444—447, 581—582

Лит Филарет Обзор русской духовной литературы 862—1720 Харьков, 1859, с 119—121, Ключевский В О 1) Образцовые писатели русских житий в XV в — ИО, 1870 № 8, август, с 188—208, 2) Древнерусские жития, с 88—132, Срезневский Памятники, стб 240—241, Барсуков Источники агиографии, с 511—548, Леонид (Кавелин) Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св Троице Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г М, 1887, вып 1, с 22, 49, 75, вып 2, с 40, 41, 105, Белокуров С А Преподобный Сергий Радонежский и Троице Сергиева лавра в русской литературе М, 1892, Голубинский Е Е Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра М, 1892, Зелинский И Епифаний Премудрый как автор житий — Труды КДА, 1897, № 3, с 230—232, Чуриловский И Ф Записки о рукописях Чудовского монастыря, содержащих Житие Стефана Пермского — ЛЗАК, т 12, Извлечения из протоколов, 1901, с 32—36, ПБЭ, Пг, 1905, т 5, стб 483—484, Седельников А Д Из области литературного общения в начале XV в (Кирилл Тверской и Епифаний Московский) — ИОРЯС, Л, 1926, т 31, с 159—176, Мартышев А М «Епифаниева» повесть как исторический документ о коми народе (Материалы к истории коми народа) — Записки Общества изучения Коми края Устьы-сольск, 1929, вып 2, с 12—34; ИРЛ I, т 2, ч 1, с 235—238, ИРЛ II, 1938, с 73, Андрианова-Перетц В П Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьского — ТОДРЛ, М; Л, 1947, т. 5, с 73—96, Борисевич Л С.

- 1) Памятники московской литературы XIV—начала XV в — Автореф канд дис Тюмень, 1951, 2) Политические тенденции в московских «житиях» XIV в — Учен зап Шахтинского пед ин-та, 1957, т 2, вып 1, с 53—63, 3) Убо в В П Епифаний Премудрый и Пахомий Серб К вопросу о редакциях Жития Сергия Радонежского — ТОДРЛ, М, Л, 1953, т 9, с 145—158, История русского искусства М, 1954, т 2 с 150—154, Лихачев Д С 1) Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV века — ТОДРЛ, М, Л, 1956, т 12, с 105—115, 2) Человек в литературе Древней Руси М, Л, 1958, с 80—103, 2-е изд М, 1970, с 72—92, 3) Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России — В кн Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике М, 1960, с 95—151, 4) Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого М, Л, 1962, 5) Превозрождение на Руси в конце XIV—первой половине XV века — В кн Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы М, 1967, с 136—182, 6) Ронин Н Н Литературные источники в творчестве древнерусских зодчих — ТОДРЛ, М, Л, 1957, т 13, с 364—374, Коновалова О Ф 1) К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV в — ТОДРЛ, М, Л, 1958, т 14, с 205—211, 2) Сравнение как литературный прием в Житии Стефана Пермского, написанном Епифанием Премудрым (Из наблюдений над стилем панегирической литературы XIV—XV вв) — В кн Сборник статей по методике преподавания иностранных языков и филологии Л, 1963, вып 1, с 117—137, 3) Похвальное слово в «Житии Стефана Пермского» (Форма и некоторые стилистические особенности) — Там же вып 2, с 98—111, 4) «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV в (К вопросу о соотношении) — ТОДРЛ, М, Л, 1966, т 22, с 101—111, 5) Принцип отбора фактических сведений в Житии Стефана Пермского — ТОДРЛ, М, Л, 1969, т 24, с 136—139, 6) Об одном типе амплификации в Житии Стефана Пермского — ТОДРЛ, М, Л, 1970, т 25, с 73—80, 7) Панегирический стиль русской литературы конца XIV—начала XV века Автореф канд дис Л, 1970, 8) Изобразительные и эмоциональные функции эпитета в Житии Стефана Пермского — ТОДРЛ, Л, 1974, т 28, с 325—334, 9) Конструктивное и стилистическое применение цитат в «Житии Стефана Пермского», написанном Епифанием Премудрым — *Zeitschrift für Slavistik*, 1979, Bd XXIV, Heft 4, S 500—509, 10) К вопросу о традиционной схеме и сюжетном повествовании в Житии Стефана Пермского, написанном Епифанием Премудрым — *Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt Universität Greifswald, Jahrgang XXXI*, 1982, Heft 1, S 27—29, Дробленкова Н К 1) Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв за 1917—1957 гг / Под ред и со вступит статей В П Адриановой Перетц М, Л, 1961, с 389, 418, 2) Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР 1958—1967 гг Ч 2 (1963—1967) Л, 1979, с 203, 240, 258, Соловьев А В Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» — ТОДРЛ, М, Л, 1961, т 17, с 85—106, Dane M M Epirhanus Image of St Stefan — *Canadian Slavonic Papers*, Toronto, 1961, т 3, p 72—86, Будовниц Словарь, с 71 102, 237, Голенизовский Н К 1) Заметки о творчестве Феофана Грека — ВВ, М, 1964, т 24, с 139—149, 2) Епифаний Премудрый о фресках Феофана Грека в Москве — ВВ, М, 1973, т 35, с 221—225, Лотман Ю М Лекция по структуральной поэтике Гарту, 1964, вып 1 (Введение, теория стиха), с 75—76 (Учен зап Лартуского ун-та, вып 160 Труды по знаковым системам, т 1), Дмитриев Л А 1) Нерешенные вопросы происхождения и истории экспрессивно эмоционального стиля XV в — ТОДРЛ, М, Л, 1964, т 20, с 72—89, 2) Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII—XV вв — В кн Истоки русской беллетристики Л, 1970, с 208—262, Mulic M Pletenje sloves i heshasam — *Radovi Zavoda za slavensku filologiju*, Zagreb, 1965, т 7, s 141—156, Белоброва О А О некоторых изображениях Епифания Премудрого и их литературных источников — ТОДРЛ, М, Л, 1966, т 22, с 91—100, Vaillant A Notes sur la Vie d'Etienne de Perm — *Revue des etudes slaves*, 1966, т 45, p 33—37, Holthusen J Epifaniy Premudryy and Gregor von Nyssa (Ein Beitrag zur Erforschung der enkomiasischen Literatur bei den Slaven) — *Festschrift für Margarete Voltner zum 70 Geburtstag* Heidelberg, 1967, S 64—82, Флоря Б Н Коми-Вымская летопись — В кн Новое о прошлом нашей страны М, 1967, с 218—231, Manson J P Studies in Russian Hagiography During the Period of the Second South Slavic Influence Ph D dissertation. Harvard University, 1968, Салмина М А «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» — ТОДРЛ, М, Л, 1970, т 25, с 81—104, Wigzell F 1) Цитаты из книг Священного писания в сочинениях Епифания Премудрого — ТОДРЛ, Л, 1974, т 26, с 232—243, 2) Convention and originality in the Life of Stefan of Perm a stylistic analysis — *Slavonic and East European Review*, London, 1971, vol 49, N 116, July, p 339—355, Appel O Die Vita des hl Sergij von Radonez Untersuchungen zur Textgeschichte München, 1972, Грихин В А 1) Принципы воплощения нравственного идеала в сочинениях Епифания Премудрого — Вестник Моск ун-та Филология, 1973, № 4, с 15—23, 2) Сюжет и авторские принципы повествования в агиографических произведениях Епифания Премудрого — В кн Сборник статей аспирантов и соискателей Филологический сборник Министерства высшего и среднего специального образования Казахской ССР, 1973, № 12, с 79—86, 3) Проблемы стиля древнерусской агиографии XIV—XV вв М

1974; 4) Творчество Епифания Премудрого и его место в древнерусской культуре конца XIV—начала XV в. Автореф. канд. дис. М., 1974; 5) Жанровое своеобразие географических сочинении Епифания Премудрого. — В кн.: Проблемы типологии и истории русской литературы. Пермь, 1976, с. 193—213 (Учен. зап. Пермского ун-та, т. 304); Антонова М. Ф. 1) «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского»: (Вопросы атрибуции и жанра). — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 140—154; 2) Некоторые особенности стиля Жития Стефана Пермского. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 34, с. 127—133; 3) Кирилл Туровский и Епифаний Премудрый. — ТОДРЛ, Л., 1981, т. 36, с. 223—227; Петянова-Тогова Д. Новичерты на похвального слово през XIV—XV в. — В кн.: Тырновска книжовна школа. 1371—1391. София, 1974, с. 89—112; Kitch F. M. The Literary Style of Epifanij Premudrij Pletenije sloves. München, 1976; Поп Р. Несколько замечаний о литературном методе Епифания Премудрого. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 88—94; Ziolkowski M. C. The Style and Autorschip of the Discourse on Dmitrij Ivanovic Donskoj. Ph. D. dissertation. Yale University, 1978; Alissandratos J. Medieval Slavic and Patristic Eulogies Firenze, 1982, p. 40—42, 68—69, 72—73, 80—88, 101; Алиссандратос Ю. Симметрическое расположение эпизодов одной редакции «Жития Сергия Радонежского». — American contributions to the Ninth International Congress of Slavists, Kiev, September 1983, vol. 2. Literature, Poetics, History, p. 7—17.

Н. Ф. Дробленкова (библиография), Г. М. Проторов

Иван Иванович (28 III 1554—19 XI 1581) — царевич, старший сын *Ивана IV Васильевича Грозного* (не считая умершего младенцем Дмитрия), автор канона и *Жития Антония Сийского*. В летописных записях о походах, дипломатических приемах, опричных деяниях его имя часто упоминается рядом с именем отца. Во время ссоры был убит отцом.

Был человеком высокой книжной культуры, что, видимо, хорошо было известно современникам. В 1579 г. в Москву для официального признания Антония Сийского общерусским святым приезжали игумен Сийского монастыря Питирим и инок *Филофей*, который, по-видимому, еще до *Ионы* пытался составить Житие Антония Сийского. Питирим и Филофей, поддержанные митрополитом Антонием и новгородским архиепископом Александром, обратились к царевичу И. И. с просьбой сложить канон в честь Антония Сийского (совершенно очевидно, что этот святой пользовался особым покровительством царя, чем и воспользовались монастырские власти, обратившись с подобной просьбой к сыну Ивана Грозного).

Царевич И. И. не ограничился составлением канона Антонию, но, основываясь на Житии Антония Сийского *Ионы*, написал свое житие этого святого: «Месяца декабря в 7 день, преставление преподобного и богопоснаго отца нашего Антония. Списано бысть сие многогрешным Иоанном русином, родом от племени варяжска, колена Августова кесаря Римскаго, в лето 7087 (1579), в царство благочестиваго государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея России, и по благословению Антония, преосвященнаго митрополита всеа России, и при благоверных царевичех Иване и Феодоре Ивановичех» (другой вариант заглавия: «Месяца декабря в 7 день. Житие и подвизи и мало от части чудес исповедание преподобнаго и богоноснаго отца нашего аввы Антония чудотворца, иже Сийский нарицается по острову, составльшаго пречестную обитель во имя святых и живоначальных Троица на езере Михайлове въ пределех западных. Преписано бысть сие во царство благовернаго и христолюбиваго царя и государя великаго князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца, и при освященном Антоние, митрополите всея Руси, и при благоверных царевичех, царевиче Иване и при царевиче Феодоре Ивановичех, многогрешным Иваном во второе на первом писатели, колена августова, от племени варяжскаго, родом русина, близъ восточныя страны, меж предел словенских, и варяжских, и агаряньских, иже нарицается Русь по реке Русе»).

Царевич И. И. пишет, что, расспросив об Антонии у «самовидцев», в том числе у своего отца и у московских вельмож, видевших святого при его жизни, он написал ему канон. «Потом, — продолжает он, — начах писати и житие преподобнаго, имех убо от тех преподобных прине-

сено ко мне списание о житии его и зело убо суще въ лехкости написано» (так расценивает царевич И. И. Житие, написанное Ионой).

В. О. Ключевский пишет, что «царевич написал новое предисловие и сократил два первых рассказа в труде Ионы; далее он дословно повторил последнего и даже не опустил его послесловия, не назвав только автора по имени, но удержав черты, вовсе не идущие к царственному московскому писателю. Строгий отзыв царевича о своем источнике несправедлив: сам он не прибавил ни одной новой черты к рассказу Ионы» (Ключевский. Древнерусские жития, с. 301). Специально занимавшийся этим Житием Н. Тупиков считает оценку В. О. Ключевским труда царевича И. И. не совсем справедливой. Предисловие к Житию оригинально, царевич И. И. добавил много новых цитат из Священного писания, у него гораздо больше, чем у Ионы, риторических отступлений. Добавления царевича И. И. свидетельствуют о его большой начитанности в библейских текстах, о хорошем знании им священной истории.

Произведение сына Ивана Грозного говорит и о хорошем знании его автором русской агиографической литературы и повествовательных текстов: он знает жития *Алексея митрополита, Александра Свирского, Авраамия Ростовского, Зосимы и Савватия Соловецких, Киево-Печерский патерик, Повесть о Варлааме и Иоасафе*. Труд царевича И. И., как и новая редакция *Жития Михаила Клопского*, написанная В. М. Тучковым, примечателен тем, что он свидетельствует о высоком книжном образовании людей из высшего класса общества, о том, что произведения церковного жанра писались в XVI в. и светскими авторами. Текст Жития не издавался. Сведения о списках см. у Барсукова.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 301—302; Барсуков. Источники агиографии, стб. 51—54; Строев. Словарь, с. 137; Филарет. Обзор, с. 163—164; Тупиков Н. Литературная деятельность царевича Ивана Ивановича. — ЖМНП, 1894, декабрь, с. 358—374.

Л. А. Дмитриев

Игнатий (в миру Иван Степанович Римский-Корсаков) (род. около 1639—ум. 13.V 1701) — митрополит тобольский и сибирский, писатель и публицист. Карьера И. была обеспечена его принадлежностью к знатному дворянскому роду, ведущему свое происхождение (XIV в.) от общего родоначальника с Милославскими. Будучи уже стольником, И., как и многие его родственники, избрал духовное поприще и принял постриг в Соловецком монастыре, где к 1677 г. занял должность уставщика. В 1680 г. он вступил в управление Моргуловской пустынью монастыря и переехал на Соловецкое подворье в Москве. В 1683—1684 гг. И. был архимандритом Спасского монастыря в Ярославле, а с 1685 г. принял под начало привилегированный Новоспасский монастырь в Москве.

Литературная деятельность И. началась на Соловках, где он, еще будучи «черноризцем», написал синопдик. В 1682 г. И. вместе с известным писателем *Тихоном Макарьевским* составил описание одной из московских церквей. В должности архимандрита новоспасского И. сблизился с патриархом *Иоакимом* и принял активное участие в религиозных и политических коллизиях периода регентства *Софьи Алексеевны* (1682—1689 гг.). С позиций патриарха И. написал обширное «Возобличение на лютеранский (Несвижский) катехизис» (1684 г.) и «Слово на латин и лютеров» (между 22 мая 1684 и 28 января 1686 г.), в котором пытался «увещевать» всемогущего «канцлера» В. В. Голицына и выступил против его политики привлечения в Россию европейских «иноверцев» (возможно, в тексте отражена действительно состоявшаяся беседа с первым министром). Подобные идеи (обращенные уже и в адрес царевны Софьи) И. изложил и в «Житии и завещании патриарха Иоакима» (около 1691 г.). Полемизируя с ведущими «западниками», И. выступал не только с религиозных, но и с политических и даже с экономических позиций, пропагандируя, в частности, идеи торгового меркантилизма.

Однако эта полемика и даже близкие отношения с патриархом (часто приезжавшим к И. и завещавшим похоронить себя в Новоспасском монастыре) не мешали И. отстаивать собственное мнение по ряду важнейших проблем. Так, он является ведущим идеологом внешнеполитического курса правительства регентства Софьи, направленного на расширение южных границ. В 1687 г. И. выступил перед войсками, отправлявшимися в 1-й Крымский поход, с двумя обширными проповедями — «Слово благочестивому и христолюбивому воинству» и «Слово к православному воинству о помощи пресвятой Богородицы», которые содержат глубокое идейное обоснование теории «Москва — третий Рим» в новых исторических условиях, доказывают правильность политической программы выхода России к Средиземному морю. Любопытно, что в обоих сочинениях звучат и панегирические мотивы по адресу Софьи и В. В. Голицына, тогда как «Слова» оппозиционного к правительству патриарха по поводу похода отражают неприязненное отношение Иоакима к самой идее военных действий против Османской империи и Крымского ханства.

Глубокая убежденность И. в правильности занятой им позиции проявилась в «Слове избранне... о Российском царствии» — панегирике царям Ивану и Петру, написанном уже после падения правительства Софьи (1690 г.). Историческое обоснование южного курса внешней политики И. дал в летописной компиляции из Русского хронографа, Синописиса (см. *Иннокентий Гизель*), Степенной книги, *летописца Нового* и оригинальных источников, с древнейших времен до 1682 г., составленной в Москве и продолжавшейся под его руководством писцами Софийского дома в Тобольске (погодно, с 1683 по 1698 г.), после назначения его митрополитом сибирским и тобольским (хиротонисан 3 апреля 1692 г., взят в Москве под стражу 23 мая 1700 г.). В своде И. постарался выделить и обобщить летописные известия о борьбе России против монголо-татарских и османских завоевателей, развивая взгляды, изложенные им в «Словах» 1687 г.; повествование завершается обширным рассказом о взятии Азова Петром I и рядом более поздних статей, близких к «южным» сюжетам.

В период регентства идейная близость И. к правительству Софьи проявилась и в создании им специального панегирика царевне. «Свидетельство ко образу св. неизреченной Софии Премудрости слова божия о Российском благословенном царствии» («Сказание истолковано, что есть София Премудрость божия», помещенное в рукописях перед текстом «Свидетельства», которое часто принимают за сочинение И., является распространенным в книжности еще с XVI в. толкованием софийской иконы киевской редакции), предназначенное для публичного произнесения в день св. Софии 15 августа 1689 г. (как раз накануне падения Софьи), было написано в форме толкования (вопросы и ответы) сюжета иконы Софии Премудрости в новгородской редакции. И. рассматривает икону в качестве своеобразного «пророчества» о могуществе и процветании «Российского царствия» под властью царевны. В отличие от «Слова благочестивому и христолюбивому воинству», в котором И. рассматривал сюжет известного «видения Кирилла Белозерского» (см. *Кирилл Белозерский*) как «пророчество» благоденствия и расширения империи под властью двух царей (не забывая попутно похвалить Софью и В. В. Голицына), в «Свидетельстве» Софья Алексеевна занимает центральное место, выступая земным аналогом Премудрости слова божия (Иисуса Христа, по новгородскому канону).

Пророчеству царевне «самодержавство», И. пошел дальше всех других панегиристов регентства (использовавших, как правило, южнорусскую иконографическую традицию Софии Премудрости божией). Каждому элементу образа Софии и всем окружающим ее предметам И. нашел соответствия в реальной политической ситуации, причем оба царя, Иван и Петр, были обозначены им лишь в числе «предстоящих» царевне Софье.

В своих религиозно-полюемических сочинениях и даже публицистических «словах» И. выступает идеологом «грекофилии», являясь одним из немногих образованных представителей духовенства, сознательно поддерживавших официальный курс патриарха. Этим объясняется доверие, которое Иоаким питал к И., поручая ему составление сводного чиновника патриарших выходов и служб за 1667—1679 гг., кодифицировавшего ряд важных обрядов (между летом 1684 г. и сентябрем 1686 г.), проведение (совместно с *Карионом Истоминым*) следствия по делу смоленского владыки Симеона, претендовавшего на равную с патриархом власть (1685 г.), допрос дьякона Иакова и «увещание» *Сильвестра Мёдведева* (1689 г.), расследование «ереси» псковского владыки Маркела (1690 г.), установление канонизации Анны Кашинской (см. *Житие Анны Кашинской*) и проч. Об их идейной близости свидетельствует и попытка И. канонизировать самого Иоакима.

В Сибири И. продолжал свою деятельность по обличению старообрядчества, пачатую в 1687 г. совместно с Карионом Истоминым (ими было составлено объемистое «Известие о увещании раскольников в уездах Костромском и Кинешемском»). И. является автором книги из трех «Посланий на арменов и полуарменов» (к 12 апреля 1696 г.), в которой доказывается происхождение «заблуждений» раскольников (в частности двоеперстия) от армян, якобы появившихся в России при Иване Грозном (предшествующие посланиям стихи ему не принадлежат).

Официальная правительственная позиция выражена И. в Послании в Красноярск (18 апреля 1697 г.), «обличающем» руководителей городского востания и призывающем красноярцев вновь подчиниться властям. Весьма вероятно, что И. принимал участие в развитии провинциального летописания в Тобольске в конце XVII в., в частности в редактировании Сибирского летописного свода (который переписывался в тобольском Софийском доме и включает, в ряде редакций, текст Послания в Красноярск). И. обращался и к агиографическому жанру. Помимо «Жития и завещания патриарха Иоакима» его перу принадлежат *Житие Анны Кашинской* и *Житие Симеона Верхотурского* (с тропарем на обретение мощей и описанием чудес от них, 1695 г.). Им написано также несколько грамот, в том числе в Соловецкий монастырь и даже в Китай (опубликованы).

Сочинения И. не отличаются особой оригинальностью, они следуют традиционным жанровым нормам прений, проповеди, панегирика, послания, летописи и жития. Однако они примечательны живым, эмоциональным языком, яркими и убедительными образами, публицистической остротой, склонностью автора к сильным выразительным средствам в ущерб орнаментальности классического барокко. И. был хорошо начитан в Священном писании и предании, в учительной литературе, часто приводил цитаты в греческом оригинале (обнаруживая свое отличное знакомство с этим языком). Менее основательны, но все же глубоки для его круга были познания И. в исторической литературе, хронографах и русских летописях. Он хорошо разбирался в современной политике, интересовался экономическими (главным образом фискальными) проблемами (и даже пытался провести в Сибири реформу десятинного обложения). Свои знания И. активно использовал в литературных трудах. В его личной библиотеке насчитывалось более 70 книг, а также географические карты (он пользовался, разумеется, книжными собраниями Новоспасского и Чудовского монастырей, тобольского Софийского дома и т. п.). Сочинения И., в том числе ораторские, периодически переделывались им, переписывались и распространялись при его жизни (в частности, для библиотеки *Афанасия*, архиепископа холмогорского и важского, и собрания *Флорищевой пустыни*).

Значительная часть сочинений И. сохранилась в автографах или выправленных его рукой беловых списках. Автографами представлены соло-

вещкий синодик (БАН, 16.13.32, 80 л.), сводный чиновник патриарших выходов и служб и 1-й вариант «Свидетельства... о Российском благословенном царствии» (ЦГАДА, ф. 257, № 237, л. 151—228 и 244—248); 2-й (окончательный) вариант последнего сочинения был скопирован в 1689 г. вместе со «Словом благочестивому и христолюбивому воинству» (БАН, Арханг. С. 201, л. 73—86 и 1—68) для архиепископа Афанасия (копию с этого списка, снятую П. М. Строевым в 1829 г., см.: ГПБ, собр. Погодина, № 1549, л. 35—39; ср. список 1-й половины XVIII в.: ГПБ, Софийское собр., № 1504, л. 81—96). В подносных авторских беловиках дошли «Слово к православному воинству о помощи пресвятой Богородицы» (Объединенный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, В-5635/107), «Известие о увещании раскольников» (БАН, П. I. А. 80/16.16.7), «Слово благочестивому и христолюбивому воинству» (ГБЛ, ф. 205, № 241), «Слово избранно... о Российском царствии» (БАН, П. I. А. 10/16.6.8), Житие и служба Анны Кашинской (БАН, П. I. А. 48/17.12.14). «Слово на латин и лютеров» (БАН, Арханг. С. 202) имеется в беломом списке, сделанном в августе 1689 г. в Новоспасском монастыре по просьбе архиепископа Афанасия. В авторских беловиках (тобольского Софийского дома) сохранились также «Послания на арменов и полуарменов» (ГПБ, собр. СПб. ДА, № 164, 120 л.; ГПБ, Софийское собр., № 1406, л. 127—265 (ср. там же, № 1231, 77 л.); БАН, Арханг. С. 220, 79 л.; ГПБ, собр. Погодина, № 1549, л. 66 и сл. — копия П. М. Строева с предыдущей рукописи; ГБЛ, ф. 310, № 499, 136 л., список 1756 г.). Различные части службы Симеону Верхотурскому см. в ГИМ, собр. Барсова, № 222; ГБЛ, ф. 310, № 375 и 376. Послание в Красноярск дошло лишь в составе Сибирского летописного свода (6 списков) и одной рукописи 1-й половины XVIII в. (ИРЛИ, Древлехранилище, собр. В. Н. Перетца, № 107). Летописный свод И. представлен подлинником (ГИМ, собр. Забелина, № 263, 446 л.).

Соч.: Послания блаж. Игнатия митрополита сибирского и тобольского. Казань, 1855; Барсуков Н. П. Житие и завещание патриарха Иоакима. СПб., 1879; «Возобличение на лютеранский (Несвижский) катехизис» и «Слово на латин и лютеров». — ЧОИДР, 1894, кн. 3, с. 1—32 (подготовка текста и предисловие А. Лебедева); Вишняков В. Повесть известная и свидетельствованная о проявлении святых мощей и отчасти сказание о чудесах святого и праведного Симеона Верхотурского поваго чудотворца. Пг., 1916; Дворецкая Н. А. Послание митрополита Игнатия в Красноярск 1697. — В кн.: Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975, с. 167—176; «Слово благочестивому и христолюбивому российскому воинству». — В кн.: Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / Подгот. текста, предисл. и коммент. А. П. Богданова. Под ред. В. И. Буганова. М., 1983, ч. I, с. 135—173; «Слово к православному воинству о помощи пресвятой Богородицы». — Там же, с. 174—182; «Свидетельство... о Российском благословенном царствии». — Там же, с. 233—241.

Лит.: Абрамов Н. А. Игнатий Римский-Корсаков, митрополит сибирский и тобольский. — Страничник, 1862, т. 2, № 4, отд. 1, с. 157—167; Филарет. Обзор, № 243; Строев П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стб. 338, 317; 2) Словарь, с. 112—113; Покровский Н. В. 1) Об иконе Софии Премудрости божией. СПб., 1885, с. 33—34 (ПДП, т. 57); 2) Толкование образа Софии Премудрости божией. — ХЧ, 1891, ч. 1, январь—июнь, с. 523—526; Цветаев Д. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886, с. 231—236; Савелов Л. М. Список лиц рода Корсаковых, Римских-Корсаковых и князей Дондуковых-Корсаковых с краткими биографическими сведениями. СПб., б. г.; Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.). СПб., 1891, с. 168—170; РБС, СПб., 1897, т. 8, с. 47—48; Оглоблин Н. Н. Библиотека сибирского митрополита Игнатия, 1700 г. — Библиограф, 1892, № 8/9, отд. 1, с. 286—291; № 10/11, с. 335—337; Успенский А. И. Переводы с древних икон, собранные и исполненные иконописцем и реставратором В. П. Гурьяновым. М., 1902, с. 40—41; Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. СПб., 1910, т. 2, с. 473; Лихачев Н. П. «Генеалогия» дворян Корсаковых. — В кн.: Сборник статей в честь Д. Р. Кобеко. СПб., 1913, с. 91—115; Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970, с. 138—139, 150; Воронова Л. Игнатий Римский-Корсаков как писатель. — В кн.: Тезисы докладов молодых специалистов. Новосибирск, 1979.

Илья (XVI в.) — новгородский иеромонах (пресвитер), миссионер и книжник. Книжник И. и миссионер-ипок И. — очевидно, одно лицо (к такому выводу приходит И. И. Калиганов, выявив сходство текстов летописного рассказа «о крещении дикой лопи» и Жития Георгия Нового). Филарет допускает отождествление И.-пресвитера с *В. М. Тучковым*, на том лишь основании, что Тучков якобы во иночестве принял имя Илья, но не подтверждает это заявление никакими документальными данными; против этого необоснованного отождествления возражает исследователь творчества В. М. Тучкова Л. А. Дмитриев.

Биографические сведения об И.-книжнике весьма скудны. В 1534—1535 гг. по распоряжению архиепископа *Макария И.* обращал в христианство северо-западные языческие племена, искореняя их «прелести кумирские». С его слов (а возможно, даже им самим) был написан летописный рассказ «О крещении дикой лопи», вошедший в псковские летописи. Об этой же миссии сообщает также и грамота новгородского архиепископа *Феодосия* от 8 июня 1548 г. (опубликована: ДРВ. 2-е изд. М., 1790, ч. 14, с. 167—176). Однако он не знал языка племен, обращенных им в христианство, и с просветительской миссией по его следам позже шел *Феодорит*, переведший на язык лопарей Евангелие. Очевидно, после успешного завершения миссионерской деятельности Макарий и назначил его пресвитером своей домово́й крестовой церкви. И. жил и работал и в Новгороде, и в Пскове.

В 1538—1539 гг. по поручению Макария И. пишет русскую версию Повести о житии Георгия Нового, навеянную пересказом болгарского произведения, известного под названием «Мучение святого и славного великомученика *христов*а *Георгия* *Нового*, мучившагося в Средце граде *българстем*» («Месяца мая в 26 день») и созданного софийским книжником-попом Пейо в первой четверти XVI в., в период правления турецкого султана Селима I (1512—1520 гг.). Согласно предисловию к Повести о житии Георгия Нового, содержание его стало известно на Руси от болгарских монахов афонского Зографского монастыря. Два болгарских монаха, Прохор и пресвитер Митрофан, прибыли в Россию, очевидно, за «милостыней» в составе дипломатической турецкой миссии Искандера Чеуша и Андреана Грека. Они побывали в Новгороде и Пскове, были приняты Макарием, рассказывали ему о притеснениях турецких завоевателей на Балканах и в связи с этим пересказали содержание болгарского Жития Георгия.

Сочинение софийского книжника, который сам принимал участие в судьбе болгарского 18-летнего патриота и помогал ему укрываться от преследований турецких властей, очень реалистично описывает, как Георгий, лишившись родителей, уклонился от принятия мусульманства, за которым обычно следовало зачисление в войска янычаров. После решительного отказа Георгий был заточен в тюрьму; изуверства турецких религиозных фанатиков закончились сожжением болгарского юноши на костре в Софии в 1515 г. Похороны останков замученного патриота, согласно Пейо, вылились в торжественное всенародное чествование национального героя.

Пересказ жития нового болгарского национального святого произвел на Макария сильное впечатление, и он поручил И. записать его для *Великих Миней Четвиц*. Работа над русским текстом Повести о житии Георгия Нового была начата И. в 1538 г. в Новгороде, а завершена во Пскове в 1539 г. В отличие от болгарского писателя новгородский книжник, описывая жизнь и мучения Георгия, сильно отстает от исторической действительности, прежде всего стремясь к строгому соблюдению традиций житийных канонов. Однако ценным историческим источником остается пространное Предисловие к Повести о житии Георгия Нового, в котором записан рассказ болгарских монахов о турецком засилье на Балканах в XVI в., о несправедливостях турецкого суда, паборах в яны-

чары, о проведении политики религиозной ассимиляции. Антитурецкая по своей направленности русская переработка повествования о Георгии идейно-тематически близка сочинениям *Григория Цамблака*. Конкретным образцом для нее, как считает А. И. Яцимирский, послужило Житие Иоанна Нового Болгарского Григория Цамблака. Антитурецкая тематика Повести о житии Георгия Нового способствовала широкому ее распространению на Руси: Повесть известна в нескольких переработках и трех редакциях (в том числе, кроме минейной, известна краткая Проложная редакция, см. *Пролог*). В начале 50-х гг. XVI в. расширенный вариант первоначальной редакции Повести о житии Георгия Нового был включен в состав Царского списка ВМЧ (под 26 мая). Текст Повести опубликован по одному не весьма исправному списку А. И. Яцимирским; научное издание ее текстов по всем редакциям и спискам подготовлено И. И. Калигановым (в приложении к его кандидатской диссертации), изучившим русское Житие Георгия Нового в его отношении к болгарскому оригиналу. Канон псковскому святому Михаилу Клопскому, написанный по поручению Макария не позже 1542 г. (читается в Служебной минее XVII в.: Троицкое собр., № 522 и собр. Румянцева, № 397), принадлежит, как считает Л. А. Дмитриев, не И.-пресвитеру, а В. М. Тучкову.

Соч.: ПСРЛ, СПб., 1851, т. 5, с. 73—74; СПб., 1853, т. 6, с. 296; Яцимирский А. И. Из истории славянской проповеди в Молдавии: Неизвестные произведения Григория Цамблака, подражания ему и переводы монаха Гавриила. СПб., 1906, с. 97—109 (ПДПИ, т. 163) (по списку из сборника молдавского письма. «тырновской школы», переписанного Евлогием около 1552 г., собр. Феофила Генецкого, л. 71 об.—88); Псковские летописи/Пригот. к печати А. Н. Насонов. М.; Л., 1941, вып. 1, с. 141—142.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 232—233, 235—237; Макарий (Булгаков). История русской церкви. 2-е изд. СПб., 1887, т. 6, кн. 1, с. 334, примеч. 433; Барсуков. Источники агнографии, с. 120—121; Строев. Словарь, с. 115—116; Яцимирский А. И. 1) Григорий Цамблук: Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904, с. 457—461; 2) Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературе.—ИОРЯС, СПб., 1908, т. 13, кн. 2, с. 168—171; Диников П. Из истории русско-болгарских литературных связей XVI—XVIII вв.—ТОДРЛ, М.; Л., 1963, т. 19, с. 318—319; Калиганов И. И. 1) К вопросу о текстологическом изучении русского жития Георгия Нового.—Советское славяноведение, 1974, № 3, с. 73—81; 2) «Повесть о Георгии Новом» в русской рукописной традиции XVI—XVIII вв.—Там же, 1975, № 5, с. 25—35; 3) Появата на Житието на Георги Нови в старата руска литература.—Език и литература. София, 1975, кн. 3, с. 44—56; 4) «Повесть о Георгии Новом» в болгарской и русской литературе XVI в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.

Н. Ф. Дробленкова

Иоасаф II (ум. 1672) — патриарх московский (всероссийский) (1667—1672 гг.), автор посланий и грамот. Погребен в Успенском соборе Московского кремля. И. был избран патриархом на церковном соборе 1666—1667 гг., когда находился в преклонном возрасте. О его происхождении из тверской земли позволяет судить прозвище Новоторжец. Известно, что между 1654—1656 гг. И. был архимандритом Владимирского Рождественского собора, а с апреля 1656 по декабрь 1666 г. — архимандритом Троице-Сергиевой лавры.

К 1661 г. относится послание (челобитная) И. царю Алексею Михайловичу, обращенное к нему от монастырских властей по случаю одной из побед во время войны с Польшей (текст известен в списке XVIII в. — ГПБ, Эрмитажное собр., № 370, л. 205—206 об.). Победа русских полков приписывается здесь чудесам Сергия и Никона Радонежских. Два благодарственных послания царя архимандриту Троицкого монастыря И. неоднократно публиковались (ААЭ, т. 4, с. 172; Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы лавры. М., 1879, с. 131—134). Сохранились книжные вклады И. 1662 г. в Троице-Сергиеву лавру:

богато орнаментированный рукописный Стихирарь крюковой (ГБЛ, ф. 304, № 429, XVII в.; вкладная запись на л. 1—49), оцененный во Вкладной книге в 7 рублей, и печатное Евангелие (М., 1644; хранится в Загорском музее, инв. № 212).

И. был избран в патриархи после низложения *Никона* и межпатриаршества; его роль была скорее почетной, чем действительной. Необходимость в московско-всероссийском патриархе была обоснована церковным собором с участием двух восточных патриархов: антиохийского — Макария и иерусалимского — Паисия. В работе этого собора, осудившего и окончательно низложившего патриарха Никона, И. участвовал еще будучи троицким архимандритом (сохранились его подписи). Вступление И. на патриарший престол было отмечено «Приветствием новоизбранному патриарху» *Симеона Полоцкого*, которое поэт включил в «Рифмологион» (ГИМ, Синодальное собр., № 287, л. 410—414).

Об авторском стиле И. судить трудно, поскольку его грамоты, послания и воззвания носили официальный характер и нередко составлялись от его имени другими лицами. И. Татарский и вслед за ним А. Н. Робинсон считают истинным автором грамот И., в том числе так называемого «Всенародного воззвания» «с увещанием» «беречь себя от... церковных мятежников», Симеона Полоцкого (ГИМ, Синодальное собр., № 130). Значительная часть грамот, подписанных патриархом И., связана с деятельностью церковного собора 1666—1667 г. и неотделима от определений собора, которые печатались в Москве при Служебнике в качестве приложений в 1667 и 1668 гг. (перепечатку их см.: ДАИ, СПб., 1853, т. 5, с. 467—510). Некоторые из грамот И. известны в списках конца XVII в. («Пouchение... попом и диаконом» — БАН, Арханг. Д. 409, л. 206—240; «Увещание... о книзе... Иоанна Златоуста... о священстве и о книге Жезл правления» — ГИМ, Синодальное собр., II, перепечат., л. 362—366; труд «Жезл правления» Симеона Полоцкого, изданный в 1667 г., открывался посвящением царю, написанным поэтом от имени патриарха И.). Целью «Увещания» была рекомендация придерживаться положений, изложенных в «Жезле правления».

Наибольший интерес представляет грамота от имени трех патриархов — Паисия, Макария и И. об исправлении иконного писания, или «Выписка от божественных писаний о благолепном писании икон и обличение на неистовое пишущих оныя». Из всего наследия И. этот текст оказался наиболее распространенным, хотя содержащаяся здесь рекомендация оставалась не более чем пожеланием. В этой грамоте всячески подчеркивается божественная природа иконописания, не допускающая рабов или пленников заниматься искусством, ибо «только благородных чада и советничии сынове тому художеству навывают». Крещение Руси при князе Владимире объясняется здесь силой воздействия «показанного ему образа... написанного на плащанице». Приводятся ссылки на Симеона Метафраста, апостола Павла, Григория Нисского, Никифора Каллиста, Иоанна Дамаскина, Василия Великого, Григория Богослова, упоминаются легенды о создании икон Богоматери и Христа — и все это с целью введения строгого надзора за иконописанием во всем Московском государстве. Любопытно сопоставление «иконного писания» и «пиитства», т. е. живописи и литературы. В 1669 г. была разослана еще и «государева», т. е. царская, грамота с целью упорядочения иконописного дела, во многом зависящая от патриаршего послания. Обе грамоты нередко входят в состав рукописных сборников и иконописных подлинников XVIII—XIX вв. В конце жизни И. обращался с увещательными грамотами на Украину, в поволжские города и, наконец, перед смертью с прощальной грамотой. Характер всех этих документальных текстов традиционный, в частности прощальная грамота, начинаясь с упоминания Троицы, гласит о прощении царям умершим и о мире, благословении и прощении (поименно) «еще живым сущим».

Соч Служебник с соборным свитком М, 1667, М, 1668, Поучение святительское к новопоставленному перею М, 1670, Выписка от божественных писаний о благолепном писании икон и обличение на неистово пишущих оныя М, 1668 (перезданно Пекарский П П Материалы для истории иконописания в России — Изв имп Археолог обва, СПб, 1864, т 5, вып 5, стб 320—325), Список с прощальныя грамоты Иоасафа (духовное завещание) — ДРВ, М, 1788, с 337—352, Николаевский П П 1) Увещание московского патриарха Иоасафа II духовству — ХЧ, 1881, № 3—4, с 460—476, 2) Материалы к истории раскола XVII века — ХЧ, 1891, ч 2 (сентябрь—октябрь), с 389—396 (послания И), ААЭ СПб, 1836, т 4, № 155, 161 (соборные грамоты от имени И), Каптерев Н Ф Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович Сергиев посад, 1912, Прил, с XV—XX (воззвания И)

Лит Евгений (Болховитинов) Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина СПб, 1827 т 1, с 296—297, Н А А Иоасаф 2-й — ЧОИДН 1848, № 6 Смесь, с 75—82 (с литографированным портретом), Филарет Обзор, № 219, Сгроев П М 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви СПб, 1877, стб 139—140, 633, 2) Словарь, с 144—145, Описание славянских рукописей библиотеки св Троицы Сергиевы лавры М, 1878, ч 2, с 146—147, Горский А В Историческое описание свяга Троицы Сергиевы лавры М, 1879, с 131—134, Татарский И Симеон Полоцкий М, 1886, с 94—98, Громогласов И Иоасаф II — ПБЗ, СПб, 1906, т 7 стб 174—177, Дмитриев Ю Н Теория искусства и взгляды на искусство в письменности Древней Руси — ТОДРЛ М, Л, 1953, т 9, с 96—116, Улова Г Б Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице Сергиевой лавры и Московской духовной академии — В кн Записки Отдела рукописей ГБЛ М 1960 вып 22, с 131, Протасьева Т Н Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А В Горского и К И Невоструева) М, 1970 ч 1, с 24—25, М, 1973, ч 2, с 105, Робинсон А Н Борьба идеи в русской литературе XVII века М, 1974 с 234—235, 238—239, Спирина Л М Книги кириллической печати XVI—XVIII вв Загорского историко художественного музея заповедника М, 1981, с. 24—25

О А Белоброва

Иов (ум. 1716) — митрополит новгородский, автор послания к братьям *Лихудам*, слов и писем Был архимандритом Троице-Сергиевой лавры (1694—1697 гг.). Наиболее примечательна активная деятельность И. в области просвещения. в 1706 г. он открыл в Новгороде при архиерейском доме училище, в котором преподавали братья Лихуды, а с 1712 г — *Карион Истомир* и другие сторонники «латинского» направления. И. пользовался авторитетом в литературных кругах современников. Сохранились письма к нему чудовского иеродиакона *Дамаскина*, посвященные ему стихи с акrostихом неизвестного автора (опубликованы А. М. Панченко). Известно и его участие в литературной борьбе, например его поручение иеродиакону Дамаскину выступить против книги *Гавриила Домежского*

Деятельная натура И. сказалась в подборе обширной библиотеки, а также в учреждении больниц, гостиницы и приютов в Новгороде. И. принимал участие в преследовании первых выговских старообрядцев, в том числе составил полемический трактат, напечатанный в Москве в 1707 г., — «О рождении антихриста» Переписка И. новгородского периода сохранилась в рукописях, в трех томах (ГПБ, Софийское собр., № 1425, 1426, 1427); списки слов и проповедей И. содержатся в рукописном сборнике ГИМ, собр. Уварова, № 349 (605).

Соч Иов, митрополит О рождении антихриста М, 1707, Сменцовский М Братья Лихуды СПб, 1899, с 327 (послание И к братьям Лихудам), Летописец Гихонравова М, 1859, т 1, ч 3, с 153—159 (письмо И к архимандриту Феодосию)

Лит Чистович И А Новгородский митрополит Иов, жизнь и переписка с разными лицами — Странник, СПб 1861, февраль, с 61—145, Доброзраков П Нечто к пополнению биографии новгородского митрополита Иова — Там же, октябрь, с 155—157, Яхонтов И Иеродиакон Дамаскин, русский полемист семнадцатого века СПб, 1883, Панченко А М Русская стихотворная культура XVII века Л, 1973, с 204, Луппов С П Книга в России в первой четверти XVIII века Л, 1973, с 257—259

О А Белоброва

Иов (в миру Иван) (ум. 19 VI 1607) — патриарх, автор «Повести о житии царя Феодора Иоанновича», посланий, грамот и речей. Родился в посадской семье города Старица. Обучался грамоте в Старицком Успен-

ском монастыре. Здесь же от своего учителя — настоятеля монастыря архимандрита Германа он принял в 1556 г. монашеский постриг.

Удивительную карьеру И. — от никому неизвестного монаха провинциального монастыря до первосвященника России и вселенского патриарха — исследователи объясняют прежде всего особым благоволением к нему трех русских царей: *Ивана IV*, Федора Иоанновича и *Бориса Годунова*. Его восхождение к высшему духовному званию началось с посещения Старицы Иваном Грозным, который, познакомившись с И., приказал произвести его в архимандриты Успенского монастыря. В 1571 г. И. был переведен в Москву настоятелем Симонова монастыря, а в 1575 г. он стал архимандритом считавшегося царским Новоспасского монастыря. Особенно быстрым было его продвижение по высшим ступеням церковной иерархии. В 1581 г. И. посвящается в сап епископа коломенского, в 1586 г. становится архиепископом ростовским, а всего через 11 месяцев занимает место главы русской церкви, заменив неудобного Борису Годуну митрополита Дионисия. Когда 26 января 1589 г. осуществилось давнее желание русского правительства устранить формальную подчиненность русской церкви Константинополю, то из трех кандидатов царь Федор Иоаннович выбрал духовным главой страны И.

Чем было вызвано расположение к И. царей, можно отчасти понять из «Истории о первом патриархе Иове Московском», которая была написана в агиографическом стиле неизвестным автором в середине 50-х гг. XVII в. и служит главным источником биографических сведений об И. (РИБ, СПб., 1891, т. 13, стб. 923—950). Из нее выясняется, что кроме обязательных для героев житийных произведений смирения, скромности, твердости в исполнении монашеского обета И. обладал совокупностью качеств, выгодно выделявших его среди окружающих. Прежде всего указывается его высокая образованность. Затем подчеркивается необыкновенная память И. Автор «Истории...» отмечает ораторский талант И., который «прекрасен бо в пении и в чтении» и вел службу с такой проникновенностью, что могли расчувствоваться «иже и не слезливыя». Благодаря этим качествам, по мнению автора «Истории...», И. и был избран патриархом. Все эти дарования И. вполне правдоподобны и могли обратить на него внимание монархов, но не могут объяснить причину его возвышения. Она раскрывается в произведениях самого И.: в речах и посланиях Федору Ивановичу и царице Ирине, в «Повести о житии царя Феодора Иоанновича». Еще отчетливее она обнаруживается в обращениях И. к Борису Годуну и в той выдающейся роли, которую он сыграл в избрании Годунова на царство. Как духовный глава государства, оставшегося после смерти Федора Ивановича без царя, И. не только организовал созыв освященного и земского соборов, но, пользуясь своим положением и авторитетом, активно влиял на их благоприятное для Годунова решение. По его инициативе было предпринято шествие с иконами к Новодевичьему монастырю, чтобы продемонстрировать всенародность избрания Годунова. Вся обработка документов об избрании Годунова царем тоже проходила под руководством И. Верность и преданность царям Ивану Грозному, Федору и, прежде всего, Борису, безоговорочная поддержка их социально-политических начинаний в первую очередь объясняют появление И. на патриаршеском престоле. Он не изменил царю Борису даже после его смерти, поддерживая всеми силами молодого Федора Борисовича Годунова. Ни попытки Лжедмитрия I привлечь И. на свою сторону, ни угрозы лишить сана не заставили его отказаться от разоблачений Григория Отрепьева в грамотах и в публичных выступлениях, поэтому по приказу Самозванца И. выслали на родину, в Старицкий Успенский монастырь. В 1607 г. И., ослепший и одряхлевший, еще раз появился в Москве, где по требованию царя Василия Шуйского и нового патриарха *Гермогена* москвичи молили его о прощении за изгнание. Вернувшись в Старицу, И. в том же году умер.

Литературная деятельность патриарха И. в полном объеме не выяснена. Достаточно глубоко исследована лишь «Повесть о житии царя Феодора Иоанновича». Не получила должной оценки его роль в литературном процессе конца XVI—начала XVII в. как главного идеолога страны, хотя факты красноречиво свидетельствуют о том, что И. оказал большое влияние на современную ему литературу и на литературу более позднего времени. Ни один писатель первой половины XVII в., касавшийся событий начала века, не обошелся без тех характеристик политической ситуации и Григория Отрепьева, его намерения «веру крестьянскую поправить и православных крестьян в латынскую и люторскую ересь привести и погубити», которые содержатся в грамоте И. от 14 января 1604 г. в Сольвычегодский Введенский монастырь. Публицистическая направленность литературы первой трети XVII в. определилась еще в сочинениях И. Событие определение и Утвержденная грамота об избрании на царство Бориса Годунова (ААЭ, СПб., 1836, т. 2, № 6—7), написанные под его руководством, если не им самим, послужили источником и литературным образцом для Утвержденных грамот Василия Шуйского и Михаила Романова (см. «Грамота утвержденная об избрании на Российский престол... Михаила Федоровича...»), в которых давалось идеологическое освещение Смуты. Остается невыясненной роль И. в создании известной В. Н. Татищеву, но утраченной впоследствии летописи о Смутном времени — «Истории Иосифа о разорении русском». Старец Иосиф был келейником И., пользовался неограниченным доверием патриарха, работал с литературными и документальными материалами богатейшей патриаршей библиотеки.

И. является автором посланий, грамот и речей, которые почти совсем не изучались (перечисляются в хронологической последовательности): 1) послание грузинскому царю Александру (апрель 1589 г.); 2) послание к митрополиту Николе и всему священному собору Иверския земли (апрель 1589 г.); 3) грамота константинопольскому патриарху Иеремии (март 1592 г.); 4) утешительное послание царице Ирине по поводу смерти царевны Феодосии (1592 г.); 5) грамота в Казань митрополиту Гермогену о трехдневном молебне по поводу избрания на царство Бориса Годунова (15 марта 1598 г.); 6) окружная грамота о трехдневном молебне по случаю восшествия на престол царя Бориса Федоровича (15 марта 1598 г.); 7) послание к царю Борису Федоровичу в ответ на царскую известительную грамоту о походе против крымского хана (2 июня 1598 г.); 8) приветственная речь царю Борису Федоровичу по возвращении его из Серпуховского похода (июль 1598 г.); 9) речь во время венчания на царство Бориса Годунова (3 сентября 1598 г.); 10) благословенная грамота земскому-старосте города Слободского об устройении Богоявленского монастыря (4 января 1599 г.); 11) жалованная несудимая грамота Волоколамскому Иосифову монастырю на вотчину в Осташковской слободе (5 февраля 1601 г.); 12) грамота в Сольвычегодский Введенский монастырь о ежедневном молебне по случаю войны царя Бориса Федоровича с Гришкой Отрепьевым и о проклятии Самозванца со всеми его сообщниками (14 января 1604 г.); 13) духовная грамота (1604 г.); 14) статейный список о посылке за бывшим патриархом И. в 1607 г. (февраль 1607 г.).

Стилистические особенности сочинений И. свидетельствуют о его явном тяготении к художественной манере макарьевской школы (см. Макарий, митрополит) с ее панегирическими портретами, торжественной эмоциональностью, сложными синтаксическими конструкциями, цветистым языком. С помощью этих художественных средств И. сознательно приукрашивал беспокойное царствование Федора и Бориса и создавал далекие от подлинного облика идеализированные образы этих царей. Пожалуй, только в посланиях И. в Грузию — царю Александру и митрополиту Николаю возвышенная риторика, панегирические характеристики Федора

Ивановича выглядят уместными и оправданными. Сам факт обращения грузинского царя и главы грузинской церкви к России за помощью давал И. основание подчеркнуть в самых звучных и лестных выражениях силу и величие русского самодержца. Кроме многочисленных цитат из Евангелия, Апостола, писаний отцов церкви, И. ввел в послание к митрополиту Николаю, без ссылки на источники, большие отрывки из слова болгарского пресвитера Козмы «на богумилов» и всю первую часть третьего слова митрополита *Даниила*.

Среди всех сочинений И. выделяется утешительное послание царице Ирипе. После смерти долгожданного, но быстро умершего ребенка, царицы Феодосии, Ирина долгое время испытывала безудержное отчаяние. Желание успокоить царицу заставило И. призвать на помощь всю свою эрудицию, весь талант писателя и опыт пастыря. Искреннее соболезнование горю Ирины, стремление помочь ей позволили И. увидеть в царице простую женщину, потрясенную потерей единственного ребенка. Стремясь найти самые доходчивые, убедительные слова, И. взводит в послание даже разговорную речь, что совершенно несвойственно его произведениям, написанным исключительно книжным языком. Так, увещывая Ирину образумиться и взять себя в руки, потому что царевну все равно не вернуть, он говорит: «...а кручиною, государыни, не взяти ничево» (ГПБ, О.IV.17, л. 21 об.).

«Повесть о житии царя Феодора Иоанновича», написанная до 1604 г., содержит идеализированное жизнеописание этого царя. По задачам, которые И. ставил перед собой, и по художественным признакам она представляет собой как бы заключительную главу Степенной книги. Царь Федор, единственный из прямых потомков Ивана Калиты, не попал в этот свод агиобиографий русских государей, потому что Степенная книга была закончена еще при жизни его отца. Замысел И. восполнить этот пробел возник еще в связи с тем, что со смертью царя Федора прекратилась династия Рюриковичей. Однако в «Повести о житии...» этому факту не придается той значительности, которую он имел в жизни. И. постарался затушевать важность события, не допустив ни малейшего упоминания о жестокой политической борьбе в аристократическом окружении царя на протяжении всего его царствования. В его изложении никаких проблем из-за смерти последнего сына Ивана Грозного не может возникнуть, поскольку вопрос о престолонаследии решен самим Федором задолго до кончины. После победы в 1591 г. над крымскими татарами под Москвой царь вручает Борису Годунову златокованую цепь, «сим паки на нем прообразуя царского своего достоинства по себе восприятия и всего превеликого царствия Русийскаго скипетродержательства правление». Тема исключительности дарований, близости к царю и верности ему Бориса Годунова проходит через всю повесть и определяет ее особенность. Будучи посмертной хвалой царю Федору, она является одновременно панегириком Годунову. Торжественно-патетический тон, книжные метафоры, самые хвалебные эпитеты и лестные сравнения в равной мере присущи характеристикам и царя, и его «изрядного правителя». Каждый из них в высшей степени соответствует своему назначению.

Если по жанровым признакам «Повесть о житии...» сближается с биографиями Степенной книги, то в стилистическом отношении она испытала влияние панегирических памятников XV—XVI вв. Отличительной чертой стиля повести исследователи считают ее насыщенность рифмованными прозаическими отрывками, которые появились вследствие ритмической организации речи, возникшей в результате использования предложений одной синтаксической конструкции. Патетический тон повести И. унаследовал от лучших древнерусских ораторов. Так, торжественное и величественное начало повести подражает формуле,работанной еще Кириллом Туровским (слово «о расслабленном») и очень близкой к предисловию *Максима Грека* к *Житию Зосимы и Савватия Со-*

ловецких. В воспоминаниях о царе Федоре самого патриарха И., которые заключены в форму последовательных риторических вопросов, и особенно в замечательном своим лиризмом плаче царицы Ирины сказалось влияние «Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русскаго». Еще один источник повести обнаруживается, когда И., чтобы с наибольшей силой отразить величие царя, пишет, что иерусалимский патриарх Иеремия, до которого дошла слава о царе Федоре, захотел лично убедиться в его благочестии и мудрости, «яко же и древле Юдеская царица Сивилла приходяще от восток во Иерусалим, хотя видети премудрость Соломанову». Это сравнение, как и некоторые другие заимствования в повести, принадлежит *Житию Александра Невского*. Панегирический стиль «Повести о житии...» в сочетании с откровенным стремлением И. приукрасить образы царя Федора и Бориса Годунова, чем вызвано отсутствие всяких фактов, которые могут бросить тень на их идеальный облик (нет сообщения даже о смерти царевича Дмитрия), делает ее примером литературного эпитонства. В конце 20-х гг. XVII в. «Повесть о житии...» была использована при создании *Летописца Нового*, а в рукописях XVII в. она встречается в составе Степенной книги в качестве последней ее степени.

Соч.: ААЭ, т 2, № 4, 2, 5, 8, 11, 14, 28, 67 (тексты И под № 6—12, 14 по нашему перечню), ХЧ, СПб, 1869, т 2, с 867—893 (текст под № 2), ДРВ 2е изд М, 1789, ч 12, с 388—401 (текст под № 3), Соловьев С История России с древнейших времен М, 1857, т 7, с 449—450, примеч 133 (текст под № 4, публикация краткого отрывка из послания сделана по рукописи ГПБ, ОI V 17 с ошибками без соблюдения правил передачи древних текстов)

Лит. Кaramзин ИР СПб, 1824, т 10, 11, Жмакин В И Митрополит Даниил и его сочинения — ЧОИДР, 1881, кн 2, с 756—757, Макарий История русской церкви СПб, 1881, т 10, с 3—134, Филарет Обзор, с 215—216, Платонов С Ф Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторические источник 2е изд СПб 1913, с 104—108, 351—356, Адрианова Перетц В П 1) Из начального периода русского стихосложения — ИОРЯС, Пг, 1925, т 26, 2) «Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русскаго» — ТОДРЛ, М, Л, 1947, т 5, с 95—96, ИРЛ I М Л, 1948 т 2, ч 2, с 28—30, Кудрявцев И М «Послание на Угрю» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в — ТОДРЛ, М, Л, 1951, т 8, с 184, Колосова Е В Новый список Повести о Федоре Ивановиче — ТОДРЛ, М, Л, 1958, т 14, с 272—274, ИРЛ II М, Л, 1958, т 1, с 260—273, 293, Демкова Н С, Дмитриева Р П, Салмина М А Основные проблемы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей — ТОДРЛ, М, Л, 1964, т 20, с 173, Корецкий В И «История Носифа о разорении русском» — летописный источник В Н Татищева — В кн Вспомогательные исторические дисциплины Л, 1973, вып 5, с 251—285, Елонецкая А С и др История русской литературы XVII—XVIII веков М, 1969 с 20—22, Павлов А П Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол — В кн Вспомогательные исторические дисциплины Л, 1978, вып 10 с 206—225

Г П Енин

Иона (XVI в.) — иеромонах Сийского монастыря, игумен Глушицкого монастыря, автор жития. Биографических сведений о нем почти нет

Находясь в Сийском монастыре, И написал в 1578 г *Житие Антония Сийского*, основателя монастыря: «Месяца декабря в 7 день. Житие и подвизи и отчасти чудес исповедание преподобнаго отца нашего Антония игумена, иже на Михайлово езере причрстен монастырь поставльшаго, во имя пресвятыя и живоначалныя Троицы и пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Благовещения, иже и Сийский нарицается. Списано бысть священником Ионою, тоя же честныя обители постриженником». Перу И принадлежат похвальное слово и служба святому (служба была написана в 1579 г.). Перед описанием чудес И. излагает историю написания Жития: обозначает год, называет имя великого князя, митрополита всея Руси и епископа вологодского и великопермского, при которых он написал свой труд. Далее он говорит, что со времени смерти Антония прошел 21 год, и осталось совсем немного иноков, которые помнят Анто-

ния: «...и сего ради аз убогий священноинок Иона, последний во святем братстве сем, еже от оставшихся ученик блаженнаго, достоверных свидетелей, поведума слышах, писанию предах от многих малая, да не забвены будут труды его и терпение на святем месте сем. Понужен бысть сея же честныя обители игуменом Питиримом и от ученик блаженнаго, о нем же поведаша ми сия: ин убо от ученик блаженнаго поведи сию добродетель святаго си отца, ов же ину, ин же род его и воспитание и от юны версты пребывание. Аз же, сие во едино собрав, писанию предах к ревности последующих святому житию его».

При написании Жития Антония Сийского И. широко использовал материалы житий *Александра Свирского, Александра Ошевенского, Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского*. Житие Александра Свирского, как отмечает Ив. Яхонтов, И. почти наполовину повторил дословно в своем Житии Антония Сийского. Однако в сочинении И. немало интересных реальных данных об Антонии и Сийском монастыре; отдельные характеристики Антония (автор несколько раз отмечает его физическую силу), зарисовки монастырского быта отличаются живостью и красочностью; как и в подавляющем большинстве севернорусских житий примечательны чертами реального быта рассказы о чудесах святого. Замечательно Житие Антония Сийского также описаниями севернорусской природы.

Во время пребывания на игуменстве в Глушицком монастыре И. написал *Житие Сергия Нуромского (Обнорского)*: «Месяца октября в 7 день. Сказание мало отчасти о житии, и о приходе на место сие, и о чудесах, и о преставлении, и о явлении преподобнаго отца нашего Сергия Обнорскаго, вологодскаго чудотворца, иже на реце на Нурме, и собеседника преподобному Павлу чудотворцу». Сергий Нуромский был учеником Сергия Радонежского, к которому он пришел в Троицкий монастырь с Афона (откуда и как он попал на Афон, ничего неизвестно). Прожив некоторое время в монастыре Сергия Радонежского, Сергий Нуромский ушел на Север, в Вологодские края, и основал на реке Нурме, в Обнорской волости, Спасский монастырь, где и умер в 1412 г. В Житии Сергия Нуромского автор его, указав год создания своего произведения — 1584, пишет: «Написа же Житие се чудотворца Сергия инок Иона, иже бысть в та лета у Покрова пречистыя Богородицы обители Дионисия чудотворца, иже на Глушице, игумен ... написах, елика въ слухы моя достиже и елика въ свитцех обретох написана». И в другом месте своего произведения И. подробно раскрывает, какие «слухи» и «свитки» он имеет в виду: о жизни и подвигах Сергия Нуромского хорошо знал его постриженник Алексей, который затем был послан Сергием в учение к Павлу Обнорскому и со временем стал игуменом монастыря, созданного последним. У этого Алексея был ученик Антоний, которому Алексей рассказал все, что знал о Сергии. «Той же Антоний поведи ученику своему Геннадию, тако зовому ограднику сущу обители великого Павла (т. е. садовнику или огороднику монастыря Павла Обнорского, — Л. Д.). Той же Геннадий оградник поведи Протасию инок». Со временем Протасий стал игуменом Павлова Обнорского монастыря и записал рассказ Геннадия. Эти записи и устные предания о Сергии послужили тем материалом, на основе которого И. написал Житие Сергия Нуромского.

Третье житие, написанное И., — *Житие Варлаама Пинежского* (иначе — *Важского* или *Шенкурского*): «Месяца июня в 19 день. Память преподобнаго отца нашего Варлаама, пенежскаго чудотворца, иже на Ваге пречестен монастырь составльшаго во имя святаго славнаго апостола и евангелиста Иоанна Богослова, его же отчасти чудес исповедания». До пострижения Варлаам Пинежский, в миру новгородский боярин Василий Степанович Своеземцев, в своих владениях в Заволочье при впадении р. Пинежки (Пеняжки) в р. Вагу, недалеко от Шенкурска, построил небольшой городок, в который со временем перебрался с семьей из Новгорода. На противоположном берегу р. Пинежки Василий Своезем-

цев основал монастырь, в котором под старость постригся и где умер в 1467 г. Монастырские предания о Варлааме послужили И. материалом для написания Жития основателя монастыря. Это Житие он написал в 1589 г. Как и в двух других своих произведениях, автор сообщает читателям об истории своего труда: «...орудием неким от отец обители святыя Троицы (т. е. из Сийского монастыря, — Л. Д.) послану ми бывшу на Вагу глаголемую, и тамо орудием тем, по заповеданию отец, задержану ми бывшу, яко и зимети ми тамо. И сего ради закоснения случися ми время довольно пребыти во святей обители сей святого Варлаама». И., задержавшегося по монастырским делам в монастыре Варлаама Пинежского, братия монастыря попросила написать житие основателя монастыря, так как Жития Варлаама не было, а в монастыре уже доживали свой век старцы, помнявшие еще тех монахов, которые были современниками святого. Выполняя эту просьбу, И. написал Житие Варлаама Пинежского.

Житие Антония Сийского И. писал в то время, когда об Антонии еще хорошо помнили, были еще живы современники его, сам автор являлся монахом основанного Антонием монастыря. Два других жития писались И. через очень большой промежуток времени после жизни святого: Житие Сергия Нуромского — через 172 года после смерти Сергия, а Житие Варлаама Пинежского — через 122 года после смерти Варлаама. Биографические данные, сообщаемые И. об этих двух святых, по сравнению с данными об Антонии Сийском очень скудные, но, как отмечает В. О. Ключевский, «и немногие сведения о Сергии и Варлааме, записанные Ионой, получены им из надежных источников» (Ключевский. Древнерусские жития, с. 302). Таким образом, все жития, написанные И., представляют определенную ценность как исторические источники и являются интереснейшими памятниками древнерусской агиографической литературы. Агиографическое творчество И. заслуживает специального исследования. Из сочинений И. издано только Житие Варлаама Важского.

Соч.: Житие преподобного Варлаама Важского / Издано с предисловием по списку XVI в. № 677 Троице-Сергиевой лавры А. Григоровичем. — ПО, 1887, июль, Прил., с. 1—47.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 300—302; Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии. Вологда, 1880, с. 219—231; Яхонтов Ив. Жития севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881, с. 110—114; Барсуков. Источники агиографии, стб. 51—55, 77—78, 510—511; Строев. Словарь, с. 147—151; Филарет. Обзор, с. 163; Коноплев Н. Святые Вологодского края. М., 1895, с. 65—68; Кадлубовский Арс. Очерки из истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902, с. 310—326.

Л. А. Дмитриев

Иона (ум. 1461) — митрополит московский, церковный деятель и публицист. Первый русский митрополит, назначенный без утверждения константинопольским патриархом. И. был впоследствии канонизирован, и более поздние рассказы о нем (см. *Житие Ионы*) во многом искажают подлинную биографию И.: он изображается естественным и законным преемником митрополита *Фотия* и последовательным сторонником *Василия II* в борьбе с его соперниками галицкими князьями.

Однако независимые и ранние источники не подтверждают этой версии. Отметим, что в новгородских и псковских летописях имя И. вообще не упоминается; *летопись Софийская I* младшего извода сообщает об И. только в связи с назначением его митрополитом в 1448 г., а *летопись Тверская* — в связи с поставлением им тверского епископа в 1461 г. Великокняжеские летописи впервые упоминают И. под 1446 г. как сподвижника Шемяки, помогшего ему захватить детей Василия Темного, и лишь под 1448 г., в связи с назначением И., приводит не очень вразумительное и явно дефектное известие о существовавшем еще ранее намере-

нии поставить Иону «после Сидора» (митрополита *Исидора*) на митрополию.

Важными источниками, свидетельствующими о стремлении поставить И. митрополитом еще в 30-х гг., казались исследователям грамоты, адресованные в Царьград и сохранившиеся в рукописных сборниках. Однако сборники, содержащие эти грамоты, относятся к концу XV—началу XVI в., и достоверность содержащихся в них сведений вызывает серьезные сомнения. Одна из этих грамот написана от имени Василия II и адресована в одном списке (сборник кирилло-белозерского инокa *Ефросина* — ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 11/1088, 90-е гг. XV в.) «все-ленскому патриарху» (имеется в виду, очевидно, Митрофан), а в другом (свод 1518 г., отразившийся в *летописях Софийской II* и *Львовской*) — «царю греческому» (видимо, Иоанну VIII). Время отправления этой грамоты определяется здесь словами: «по преставлении ... митрополита Фотия»: далее автор от имени Василия II заявляет: «...понудил... ити к вам Иону, епископа рязаньска... дабы нам того епископа Иону поставили на митрополию». Но в Константинополе, по его словам, «нашего прошения не приали», Иону на митрополию не поставили, а послали Исидора, поехавшего затем на собор к папе и привезшего грамоты от папы, что «чюже есть и странно»; в грамоте Василий II просит патриарха (по другому списку — императора) разрешить русским самим совершить «поставление митрополита». По смыслу эта грамота должна быть датирована 1441 г., но странна в ней ссылка на отправление И. «по преставлению Фотия» — Фотий умер в 1430 г., а Исидор назначен русским митрополитом семь лет спустя.

Следующая по времени грамота в Константинополь, повествующая о тех же событиях, опять сохранилась в двух версиях — в двух митрополитских формулярниках начала XVI в. — ГИМ, собр. Уварова, № 512 и Синодальное собр., № 562. В обеих версиях второй грамоты речь идет об избрании И. как уже о совершившемся факте; указание, сохранившееся в одной версии («двадцать первое лето» от смерти Фотия), позволяет датировать вторую грамоту 1451—1452 гг. В отличие от первой грамоты во второй грамоте сделана попытка объяснить, почему И., чья поездка в Константинополь якобы была решена сразу же после смерти Фотия, приехал только семь лет спустя — в 1437 г.: «... не вемы како, по божиим неизреченным судбам, ему ли самому на дорозе помедлившу, богу ли таковолившу, тому к Царюграду достигнути не поспевшу». Еще более важно другое расхождение с первой грамотой: во второй грамоте утверждается, что «царь и патриарх» уже при назначении Исидора объявили И. его преемником: «... а что божия воля о Сидоре произмыслить или смертию скончается, или иначе что о нем будет, ино ты еси, Иона, по нем будещи на Руси митрополитом». Но вторая грамота не только противоречит первой; существенные расхождения обнаруживаются и между двумя версиями самой второй грамоты. В одной из них (сохранившейся в формулярнике ГИМ, Синодальное собр., № 562) нет никаких прямых выпадов против Флорентийской унии и отсутствие сношений с Константинополем неопределенно объясняется «в церкви божией разгласием» и «неудобопроходимым шествием», в другой (ГИМ, собр. Уварова, № 512) за рассказом о поездке И. в 1437 г. и данных ему обещаниях следует рассказ об Исидоре и «латыньском» соборе «еже в Фроленьции». Но как раз эта версия имеет помету, что данная грамота «к царьградскому царю Констянтину ... не пошла».

Противоречивость и сугубая сомнительность всех этих грамот в Константинополь дает основание усомниться в точности передачи текста еще в одном памятнике, также сохранившемся в митрополитском формулярнике XVI в. (ГИМ, Синодальное собр., № 562, л. 204 об.—206 об.), — в грамоте И. в Нижегородский Печерский монастырь 6941 (1433) г. В этом документе И. за 15 лет до своего вступления на митрополитий

престол выступает в качестве «епископа, нареченного на святую митрополию русскую» (между тем даже в посланиях 1447 г. упоминания о его «наречении на митрополию» нет). Грамота эта помещена в митрополичьем формулярнике не среди близких ей по времени документов, а в дополнительной части, после ряда посланий конца XV в.

Легендарный характер биографии И., в том виде, в каком она изложена в приведенных выше грамотах, а затем в поздней летописной и особенно в агиографической традиции, становится особенно заметным при сопоставлении с теми фактами, о которых умалчивали московские летописи. Русская митрополия вовсе не пребывала вакантной в течение 18 лет после смерти Фотия. В 1434 г. митрополитом всея Руси стал по решению патриарха смоленский епископ Герасим, который не поехал в Москву из-за начавшейся там борьбы за престол и управлял митрополией из Смоленска. Из литовско-белорусских, новгородских и псковских летописей мы узнаем о деятельности этого митрополита и о том, что к нему ездил на поставление новгородско-псковский архиепископ Евфимий; вполне вероятно, что и другие русские иерархи, занявшие престол в те годы, поступали так же. В 1436 г. Герасим оказался жертвой междоусобной борьбы в Литве; с 1437 г. митрополитом стал Исидор, приехавший в Москву, а затем в течение полугода находившийся в Новгороде и Пскове. Каково было положение И. в те годы? И. был выходцем из удельного княжества Галицкого, князья которого были главными соперниками Василия II; постригся в монахи он там же — в Галицкой земле. Затем он перешел в Московский Симонов монастырь, где, как сообщается в относительно раннем рассказе *Иосифа Волоцкого*, поддерживал строителя монастыря Варфоломея, боровшегося против монастырского «бесчиния». Когда это происходило? Деятельность Варфоломея относится к 30-м гг. XV в. После пребывания в Симоновом монастыре И. стал рязанским епископом. Очевидно, он был поставлен не ранее 30-х гг., но тогда ставил И. епископом один из двух митрополитов, об иерархической деятельности которых избегали сообщать более поздние московские источники, — Герасим или Исидор. Лишь в 40-х гг., после осуждения и изгнания Исидора, у И. появилась возможность занять митрополичий престол, и рассказ великокняжеского свода конца 50-х—начала 70-х гг., связывающий это появление на «дворе митрополиче» с деятельностью Шемяки, представляется поэтому наиболее достоверным. Затем И. занял своеобразную промежуточную позицию между обоими враждующими князьями. Летом 1447 г., после занятия Москвы Василием Темным, бежавшие из нее Дмитрий Шемяка и Иван Можайский заявили, что Василий II не может их требовать к себе до тех пор, пока не будет назначен митрополит. К осени митрополит уже изменил Шемяке и перешел на сторону Василия Темного, однако и после этого он не стал в глазах своих собратьев-иерархов законным митрополитом: в обличительной грамоте русского духовенства против Шемяки, отправленной в декабре 1447 г., И. по-прежнему именуется епископом рязанским и назван на третьем месте — после Ефрема Ростовского и Авраамия Суздальского. Только в следующем, 1448 г. И. был, наконец, возведен своими братьями епископами на митрополичий престол.

Основные произведения И., послания, связаны именно с борьбой за утверждение его митрополичьих прав. Борьба эта была трудной — уже с 50-х гг. ему отказал в признании литовский великий князь Казимир и западнорусские иерархи; серьезные опасения внушала ему позиция новгородского и тверского епископов; даже такой видный церковный деятель Московской земли, как Пафнутий Боровский, «не велел звати архиепископа Ионы митрополитом». Ни патриарх — противник унии с «латинами», оставшийся в Константинополе после завоевания его турками, ни тем более патриарх-униат не признавали И. митрополитом. Только в самом начале своей митрополичьей деятельности, когда Казимир еще не

выдвинул особого кандидата на кафедру русского (киевского) митрополита, И. мог избегать в посланиях литовским князьям, панам, боярам и «всему купно христоименитому господню людству» деликатных вопросов о своем праве на митрополичий престол: в грамоте 1448 г. он не говорил ни о якобы совершенной им в 1437 г. поездке в Царьград, ни об Исидоре и ограничивался сообщением о своем поставлении, осуждая главного соперника Василия II — Дмитрия Шемяку. Не касаясь И. предыстории своего назначения и в первых грамотах в Новгород и на Вятку, призывая только адресатов прекратить «некая междоусобная спирация и раздоры». Первые упоминания о полученных И. в Царьграде обещаниях появляются в его посланиях, по всей видимости, только после того, как у него появился в Литве соперник — назначенный патриархом митрополит киевский и всея Руси Григорий (которого в Москве объявляли учеником и сподвижником Исидора). Об этом И. сообщает в недатированной грамоте киевскому князю (наместнику Казимира) Александру Владимировичу, в посланиях литовским (западнорусским) епископам, написанным около 1460 г.; тогда же И. пишет грамоты литовским епископам и князьям и отдельно смоленскому и черниговскому епископу с резким осуждением унии, Исидора и его «злейшего ученика Григория». Послания эти имели в значительной степени оборонительный характер: патриарх и митрополит Григорий, жаловался И., именовали его и послушных ему иерархов «отступниками». Литовский великий князь не только принял Григория, но и просил Василия II последовать его примеру. Тревогой были проникнуты и послания И. русским иерархам — тверскому епископу Моисею, упорно не желавшему являться к И., несмотря на двукратное приглашение, и новгородскому архиепископу *Ионе*. Тогда же была составлена соборная грамота русских епископов и их же послание литовским иерархам о непризнании Григория и верности И., но среди этих епископов не было ни тверского, ни новгородского. Можно думать, что и разобранные выше «грамоты патриарху и императору» от имени Василия II, которые историки склонны были датировать 40-ми гг., могли быть составлены не ранее 50—60-х гг. Под прямым влиянием этих посланий были написаны и рассказы о Флорентийском соборе и «Слово избранно от святых писаний еже на латыню», где провозглашалось «болшее православие и вышшее христианство Белой Руси» по сравнению с греческим.

Кроме посланий о своих правах на митрополичий престол и грамот против Шемяки и его союзника Ивана Можайского И. написал также ряд других посланий (обличения пороков мирян и духовенства, междоусобий и т. д.).

Соч.: РИБ, СПб., 1908, т. 6, № 61 (грамота в Нижегородский Печерский монастырь; ср.: АСЭИ. М., 1964, т. 3, № 304; о сомнительности этой грамоты см. в тексте), 64 (литовским князьям о поставлении в митрополиты), 65 (в Новгород), 68-I (королю польскому Казимиру 1451 г.), 68-II (пану Михаилу Кезигаевичу), 73 (в Вятку), 75 (в Боголюбов монастырь), 77 (в Вятку), 78 (епископу Симеону Полоцкому), 79 (епископу Каллисту Полоцкому), 80 (литовским панам и боярам), 81 (литовским епископам), 85 (литовским князьям и панам), 86 (архиепископу Ионе Новгородскому), 87 (епископам литовским), 88-I (епископу Мисаилу Смоленскому), 88-II (епископу Евфимию Черниговскому), 89 (литовскому епископу), 90 (в Псков); АИ, СПб., 1844, т. 1 (далее приводятся только послания, не включенные в РИБ), № 43 (окружное, об изменах Шемяки — А. С. Павлов считал этот текст механическим соединением двух посланий), 46 (князю новгородскому Юрию Лутвеньевичу), 50 (князю Михаилу Верейскому), 51 (епископу Илие Тверскому), 53 (архиепископу Евфимию Новгородскому, 1452—1453 гг.), 56 (епископу Мисаилу Смоленскому); ААЭ, СПб., 1836, т. 1 (далее приводятся только послания, не включенные в РИБ), № 49 (королю польскому Казимиру, около 1450 г.), 372 (архиепископу Евфимию Новгородскому, 1452 г.). Ср. летописные рассказы об Ионе: ПСРЛ, М.; Л., 1956, т. 26, с. 208; М.; Л., 1962, т. 27, с. 115; М.; Л., 1949, т. 25, с. 270; ср. также грамоты: СГГД. т. 1, № 67; Д и ДГ, № 46.

Лит.: Макарий, архиепископ литовский и виленьский. История русской церкви. СПб., 1870, т. 6, кн. 1, с. 1—46; Карпов Г. Очерки из истории российской иерархии: церковная смута. Св. Иона, последний митрополит Киевский и всея Руси. —

ЧОИДР, 1864, кн. 4, с. 143—144; Голубинский. История церкви. М., 1900, т. 2, ч. 4, с. 469—515; Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, с. 56—73; Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918, с. 395—396; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.; Л., 1960, с. 362—371; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948, ч. 1, с. 141; Белякова Е. В. К истории учреждения авиофотографии русской церкви. — В кн.: Россия на путях централизации. М., 1982, с. 152—154.

Я. С. Лурье

Иона Думин (ум. до 1616) — митрополит ростовский и ярославский, писатель и библиофил. Пострижен тверским епископом Захарием, с 1585 г. архимандрит Владимирского Рождественского монастыря, с 1589 г. архиепископ вологодский и великопермский (хиротонисан после мая 1588 г., см.: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стб. 731). В митрополиты ростовские и ярославские возведен в 1603 г.: время поставления ограничено, с одной стороны, 12 февраля, когда его предшественник Варлаам был немощен, но еще жив (Акты и грамоты Кирилло-Белозерского монастыря. (Из архива Саратовской архивной комиссии). — Труды Саратовской ученой архивной комиссии, Саратов, 1914, вып. 31, с. 11), а возможно 24 марта, когда Варлаам был «в синодики написан» (Сахаров И. П. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря. — Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Археологического общества, СПб., 1851, т. 1, отд. 3, с. 74), и, с другой стороны, 25 июля (дата записи на Толковом Апостоле, см.: Образцы славяно-русского древлеписания, издаваемые профессором Погодиным, тетрадь П. М., 1841, № 12). Вскоре, однако, И. удалился на покой в Рождественский монастырь, откуда он начинал свою карьеру — между 29 июня 1604 г. (Акты юридические. СПб., 1838, с. 408) и 18 марта 1605 г. (Строев П. М. Списки иерархов..., стб. 333). Запись на Евангелии 1616 г., которое начали переписывать по повелению И. в 1607 г., отличается от стандартных записей на его книгах — можно думать, что к этому времени его уже не было в живых. Откуда взята точная дата смерти И. (7 марта 1608 г.) автором статьи о нем в РБС, неизвестно (РБС, «Ибак-Ключарев». СПб., 1897, с. 316). И. принимал активное участие в церковно-политической жизни своего времени. К нему благоволил Борис Годунов (Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1961, ч. 3, с. 104—106); по преданию, он пророчески указывал патриарху Иову на преступные замыслы Григория Отрепьева, будущего Самозванца.

Перу И. принадлежит особая, наиболее пространная редакция *Жития Александра Невского*, написанная в 1591 г. Основными источниками редакций И. являются Похвальное слово Александру Невскому и его Житие из Степенной книги (М. Н. Сперанский отметил влияние стиля Степенной книги на сочинение И.); И. пользовался также другими источниками, в частности рядом статей из 7-й степени Степенной книги и летописными известиями. К Житию присоединено описание трех чудес (первое из них датировано 1572 г.), очевидцем которых называет себя автор. В некоторых списках за послесловием помещается еще одно чудо (датировано 1572 г.) — видение, рассказанное автору Антонием, иноком Владимирского Рождественского монастыря; очевидно, это чудо включено в список Жития или самим И., или позднейшим переписчиком. К числу особенностей редакции И. относится манера вести рассказ от лица древних агнографов, сочинениями которых автор пользуется. Редакция И. сохранилась в значительном количестве списков, в том числе в списке Степенной книги, вложенном И. в Рождественский монастырь (ЦГАДА, ф. 381, № 346); сокращение редакции И. произведено в XVII в. архимандритом Рождественского монастыря *Викентием*.

В литературе отмечены 22 рукописи, написанные по заказу И.; о нескольких рукописях сохранились косвенные данные. Одна из этих 22 рукописей — список Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Мат-

фея 1592 г., хранящийся в Костроме, — была обнаружена совсем недавно (об истории открытия см. выступление Т. В. Николаевой в кн.: Тихомировские чтения 1970 года: Материалы научной конференции, посвященной опыту организации археографических экспедиций в РСФСР. М., 1970, с. 109). Большая часть этих рукописей вложена заказчиком во Владимирский Рождественский монастырь, о чем сообщают пространные вкладные записи. Рукописи И. — это четыре книги; во вкладных И. отмечает, что та или иная книга «писана не с единого списка, но с различных добрых переводов». Особо следует отметить, что И. является создателем нового собрания сочинений *Максима Грека*; список этого собрания (сохранился в двух переплетах: ГБЛ, ф. 98, собр. Егорова, № 869; ГИМ, собр. Уварова, № 310) И. вложил в Рождественский монастырь. Всего он пожертвовал книг в эту обитель на сумму 200 рублей. В одном из экземпляров Триоди цветной 1591 г. сохранилось свидетельство о культурной деятельности И.: в 1593 г. он отправил в Вологду 200 экземпляров печатной Триоди (постной и цветной) для распределения по церквам.

Соч.: Мансикка В. Житие Александра Невского. СПб., 1913, Прил., с. 49—125 (ПДПИ, т. 180).

Лит.: Артемьев А. Разгадка старинной анаграммы, помещенной в послесловии к Житию св. Александра Невского. — Записки имп. Археолог. об-ва. СПб., 1851, т. 4, с. 140—143; [Муравьев А. Н.] Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858, т. 1, с. 207, 246, 294; Титов А. А. Ростовская иерархия. М., 1890, с. 63—64; Серебрянский. Княжеские жития, с. 218—222; Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, с. 192—197; Тихомиров В. М. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968, с. 332; Покровский Н. Н. 1) Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М., 1971, с. 17—18; 2) Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека. — ТОДРЛ, Л., 1981, т. 36, с. 80—89; Флоря Б. Н. О реконструкции состава древнерусских библиотек. — В кн.: Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972, с. 57—59; Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977, с. 48, примеч. 48; с. 264—265; Булакин Д. М. 1) Вологодский архиепископ Иона Думин и рукописная традиция сочинений Максима Грека. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 174—180; 2) Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси. — ТОДРЛ, т. 36, с. 73—74, 77—78.

Д. М. Булакин

Иосиф (XVI в.) — инок Герасимо-Болдинского Троицкого монастыря (близ г. Дорогобужа), автор учебного руководства, известного под названием «Летописец и сказание ко учению и рассуждению о фонианде въкратце» и предназначавшегося для царевича *Ивана Ивановича* (1559 г.). Имя автора установил Х. М. Лопарев, расшифровав криптограмму, помещенную в рукописи в конце этого сочинения. Сам автор сообщил о себе ряд биографических сведений. Он родом новгородец, «от действия же каллиграф». Это произведение И. написал в 1559 г. в Герасимове монастыре, будучи клирошанином. По мнению Х. М. Лопарева, И. был учеником *Максима Грека* и получил хорошее образование «на греческой основе». Эта догадка Х. М. Лопарева, по всей видимости, основана на том, что И. в своем сочинении довольно часто употребляет грецизмы и, кроме того, пользуется греческими источниками, не имевшими распространения на Руси. Так, он пересказывает неизвестную легенду о пасхальном каноне св. Космы Майумского и при этом делает такую ссылку: «Поведа ми дивный учитель мой».

Не являются ли И., автор учебного руководства, и Иосиф, игумен Герасимо-Болдинского монастыря, одним и тем же лицом? В завещании первого игумена монастыря Герасима, который умер в 1554 г., упоминается «Иосиф-краснописец» как возможный будущий игумен (Историко-статистическое описание Смоленской епархии. СПб., 1864, с. 295; завещание сохранилось в рукописях ГБЛ, собр. Ундольского, № 301, л. 126—128 и БАН, 17.13.17, л. 1—20). Отметим, что сам И. называет себя «каллиграфом». Время возможного игуменства Иосифа не противоречит, а скорее подтверждает тождество его с автором учебного руководства. Он мог быть

игуменом после 1554 г., но не позднее 1567 г. Дело в том, что в приписке к завещанию Герасима, датируемой этим годом (по рукописи собр. Ундольского, № 301), игуменом монастыря называется уже *Антоний* (Филарет. Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859, с. 126). II. М. Строев приводит следующие неясные сведения: «Иосиф бывший 1569 г.» (Строев II. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стб. 597).

В. Ф. Ржига высказал не лишнюю основания догадку о принадлежности И. еще двух произведений: послания митрополиту *Макарию* о составлении алфавитов и «Сказания о сложении азбук и о составлении грамот, как и когда бысть и в кое время и от которых святых отец и дивных и премудрых философов. Списано вкратце от жития святого отца нашего Стефана, епископа пермского». Все три произведения известны по одной рукописи ГИМ, собр. Хлудова, № 147. Д (рукопись описана, см.: Лопарев Х. Описание Хлудовской рукописи № 147. — ЧОИДР, 1887, № 3, с. 1—18). «Сказание о сложении азбук» и учебное руководство написаны одним и тем же своеобразным почерком (влияние греческой графики при написании отдельных букв). Заглавие «Сказания» соответствует тексту авторского обращения в послании Макарию — «Повелел ли еси вмаляе прежде сих дней от жития святого Стефана Пермского написати вкратце о составлении грамот, когда коа и от коих человек и в кое время и како бе». И основное содержание этих произведений очень близко, в них сообщается о создании славянской азбуки на основании заимствований из житий *Стефана Пермского, Кирилла и Мефодия*. В учебном руководстве И. называет себя «худым иноком», в обращении к Макарию автор послания точно так же говорит о себе; в учебном руководстве И., говоря о своем учителе, называет его «дивным», этим же эпитетом пользуется и автор «Сказания об алфавитах», упоминая о «премудрых философах». Все это свидетельствует в пользу того, что автором всех трех произведений был И. «Сказание о сложении азбук и о составлении грамот» не опубликовано (в рукописи ГИМ, собр. Хлудова, № 147. Д, л. 395—399).

Филологическо-педагогическое сочинение «Летописец и сказание ко учению и рассуждению о фонянде вкратце» относится к числу редких и малоизученных произведений. В нем с использованием примеров из жизни авторитетов греческой церкви дается наставление о пользе учения, которое сопровождается призывом к усердию в приобретении знаний; здесь же дана характеристика гласных и согласных славянской азбуки и приведены сведения о греческой азбуке. Свое произведение И. называет «книгой» и сопровождает его вступлением и заключением, где дает объяснение причин, времени и обстоятельства написания его. Кроме того, оно сопровождается отступлениями, на основании которых видна эрудированность автора. Сочинение в целом обращено не столько к царевичу, сколько к самому *Ивану Грозному*. Оно представляет интерес не только как образец филологическо-педагогического труда, но и как пример послания-прошения к высокопоставленному лицу.

Соч.: Послание о составлении алфавитов: Шляпки И. Ермолай Прегрешный. новый писатель эпохи Грозного. — В кн.: Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911, с. 567—568. «Летописец и сказание ко учению и рассуждению о фонянде вкратце»: Лопарев Х. Новый памятник русской литературы: Произведение монаха Иосифа 1559 года. — Библиограф, 1888, № 2, с. 66—74.

Лит.: Иконников. Опыт историографии, т. 2, кн. 2, с. 1812; Протоколы общих собраний за 1908 г. — В кн.: Отчеты о заседаниях имп. Общества любителей древней письменности в 1907—1910 годы. СПб., 1911, с. 15 (ПДПИ, № 176) (изложение содержания доклада Хр. Лопарева); Ржига В. Ф. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. — ЛЗАК, Л., 1926, т. 33, с. 166—167.

Р. П. Дмитриева

Иосиф (ум. 15 IV 1652) — пятый патриарх московский и всея Руси, автор поучений и посланий. Есть основания считать, что И. был родом

владимирец. С 1630 по 1639 г. он, как полагает А. Голубцов, игуменствовал в Никитском монастыре под Переяславлем Залесским. С 1639 г. И. — архимандрит Московского Симонова монастыря. В 1642 г. он в числе шести других кандидатур был выдвинут на пост патриарха и 20 марта избран по жребию, а 27 марта поставлен на патриаршество церковным чином. Документы, связанные с поставлением И. на патриаршество, доносят отголоски какой-то оппозиции ему при избрании (см.: Чин избрания патриарха Иосифа на патриарший престол. — ДРВ, М., 1788, ч. 6, с. 230; Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина. СПб., 1906, с. 327). Адам Олеарий, побывавший в Москве в 1643 г., характеризовал И. как «человека очень разумного», только за свое достоинство представленного к избранию в патриархи из архимандритов. И. погребен в Московском Успенском соборе.

От И. дошла книга поучений к священникам и мирянам, изданная на московском Печатном дворе около 1642 г. (без обозначения места и года, см.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках: Сводный каталог. М., 1958, с. 5, № 165). Это поучение вновь поставленного патриарха к пасомым. Они содержат наставления в основных, общих вопросах христианской нравственности. Первое поучение в книге, озаглавленное «Почтение великаго господина святейшаго Иосифа патриарха московскаго и всея великия Руси архиереом, и священноиноком, и мирским иереом, и всему священному чину», суть не что иное, как один из вариантов статьи, встречающейся в древнерусской литературе с XIII в. под различными названиями — «Почтение к попам», «Почтение епископле к иереом» — и с различными именами — Иоанна Златоуста, *Леонтия Ростовского*, *Кирилла*. В XVI в. эта статья, значительно увеличившаяся в объеме, имела заглавие: «В понеделок второе недели поста на собрание священническое ... поучение мое имярек архиепископа ... к вам ... всему священническому чину ... моя митрополия Киевской и всея Руси». Здесь мы имеем дело с традицией епископского (а затем и митрополичьего и патриаршего) поучения к собору духовенства, в основе которой оставался вплоть до XVII в., как видно из поучения патриарха И., один и тот же текст (ср.: Павлов А. С. Памятники древнерусского канонического права. — РИБ, СПб., 1880, т. 6, стб. 141—146).

Второе поучение из книги патриарха И., озаглавленное «Почтение христоробивым князем и судиям, и всем православным христианом», еще более традиционно в своем тексте, так как является буквальным повторением статьи русских кормчих «Почтение епископле всем христоробивым князем и всем правоверным христианом и боголюбивым» (см.: Павлов А. С. Памятники древнерусского канонического права, стб. 847—856). К нему присоединено 6 учительных статей, популярных в древнерусской письменности задолго до XVII в.: «Слово Сирахово на немилостивыя судии и князи, иже неправдою судят», «Слово о гордости», «Слово о судиях и о властелех, емлющих мзду и неправду судящих», «Слово Аввакума пророка на обидящия и насильствующие», «Слово святого Василия о судиях и о властелех», «Слово иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго о милостыни, како подобает от праваго труда творити милостыню, а не от лихоимства». Заключается книга И. вновь обращением к духовному чину: «По сем еще паки рцем к чистителем иереом христианского народа» и «Правилом святых апостол и святых отец вселенских учителей».

В рукописной традиции XVII—XVIII вв. отдельные части книги И. встречаются самостоятельно (см.: Попов А. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 489, № 243 (сборник конца XVIII в., л. 1—8 — «Почтение великаго господина святейшаго Иосифа патриарха московскаго и всея

Руси архиереом, и священником, и мирским иереом, и всему священному чину»); Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870, стб. 42, № 29 (Кормчая XVII в., л. 352—357 — «Поучение Иосифа патриарха московского и всея Руси к чистителем иереом христианского народа»); ср.: Строев П. Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. М., 1845, № 211 (сборник начала XVIII в., л. 77 об. — «По сем еще паки рцем к чистителем иереом христианского народа»)).

В рукописном виде встречается также «Поучение великого господина святейшего Иосифа, патриарха московского и всея Руси, попом и дьяконам» (см.: Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894, ч. 4, с. 130, № 1819 (сборник XVII в., л. 133); с. 156, № 1833 (сборник XVII в., л. 54)); это тоже традиционный текст Святительского поучения новопоставленному священнику, известного с XIII в. (см.: Павлов А. С. Памятники древнерусского канонического права, стб. 101—110).

Другой комплекс писаний от имени И. связан с антилютеранской полемикой 1644—1645 гг., возникшей в Москве в связи со сватовством датского королевича Вольдемара к царевне Ирине Михайловне. Патриархом И. были посланы два послания (21 апреля и 23 мая 1644 г.) королевичу Вольдемару, в которых он убеждал королевича принять православие и излагал догматические и исторические доводы против лютеранства в пользу православной веры. Особенно обширным было второе послание И., писанное в ответ на письмо Вольдемара и опровергающее его положения (об этом послании с иронией и пренебрежением написал один из датчан, бывших в свите королевича, и оставивший записки о поездке в Россию: «... 23 мая опять пришел канцлер Львов ... и вручил ... другое письмо патриарха, чуть не в 48 сажен, с пустою, бесполезною болтовнею»). Впоследствии, когда полемику было поручено вести с датской стороны пастору Матвею Фильгоберу, а с русской — Ивану Наседке, Михаилу Рогову и др., в ней были подробно развиты мысли, высказанные впервые в патриарших посланиях. О втором послании известно, что оно написано Иваном Наседкой при участии книжных справщиков Шестого Мартемьянова и Захария Афанасьева. Есть основания считать, что и первое послание написано также Наседкой (послания опубликованы: Голубцов А. П. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вольдемара и царевны Ирины Михайловны. — ЧОИДР, 1892, кн. 2, отд. 2, с. VII—XII, 22—27, 111—154).

Патриарх И. обращался с церемониальным посланием (молением) к мощам патриарха Иова при торжественном перенесении их из Старицы в Москву. Встреча мощей Иова в Москве произошла 5 апреля 1652 г., за 10 дней до кончины И.

Может быть, больше всего роль патриарха И. в истории русской книжности определяется деятельностью московского Печатного двора периода его патриаршества. При патриархе И. было издано столько печатных книг, сколько не издавалось ни при одном из прежних патриархов: всего 36 названий, многие из которых издавались по нескольку раз (Псалтирь — 10 раз, Часовник — 9 раз, Евангелие, Апостол, Служебник, Псалтирь с воследованием — по 3 раза). Были изданы книги, никогда прежде не издававшиеся в Москве: Грамматика Мелетия Смотрицкого (1648 г.), Служба и житие Саввы Сторожевского (1646 г.), Службы и жития Сергия и Никона Радонежских (1646 г.), Поучения Ефрема Сирина (1647 и 1652 гг.) и аввы Дорофея (1652 г.), Лествица Иоанна Лествичника (1647 г.), толкование на Евангелие Феофилакта, архиепископа болгарского (1649 г.); напечатаны также полемические произведения: Сборник о почитании икон (1642 г.), Кириллова книга (1644 г.), Книга о вере (1648 г.), Краткий катехизис Петра Могилы (1649 г.) (см.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, с. 56—75). Конечно, увеличение продукции Печатного двора во многом определялось естественным про-

грессом книгопечатания, деятельностью книжной sprawy, покровительством царя, но также и поспешеством патриарха. Книги печатались «благословением» патриарха. В истории русской книжности книги «иосифовой печати» заняли особое место в связи с расколом русской церкви, происшедшим при патриархе Никоне. Никонова реформа положила водораздел между дониконовской и послениконовской книжной продукцией. Книги, изданные при И., стали для старообрядчества священным традицией образом «истинных» книг в отличие от «никонианских» правленных изданий.

Последние годы жизни И. были омрачены для него борьбой с кружком царского духовника *Стефана Вонифатьева*. Наличие конфликта между «боголюбцами» и И. в последние годы жизни патриарха несомненно. О нем говорит настойчивая борьба патриарха против введения единогласного пения и чтения в церквях, инициатором которого был кружок ревнителей древнего благочестия. Сохранилась челобитная патриарха И. (от 11 февраля 1649 г.) с жалобой на Стефана Вонифатьева за то, что он публично поносил бранными словами патриарха, называя его «волком, а не пастырем» (Н. Каптерев). Что патриарх осознавал существование оппозиции ему, видно как из его слов о самом себе в соборном уложении 1651 г. о единогласии: «Третие бо се лето есть биему от свадник, терпя клеветные раны» (Гиббонет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884, т. 2, с. 471), так и из свидетельства, сохранившегося в письме царя *Алексея Михайловича* к новгородскому митрополиту *Никону*: ярко описывая уехавшему на Соловки за мощами митрополита *Филиппа* Никону обстоятельства болезни, смерти и погребения патриарха И., царь упомянул: «Мнение-де на него, государя, великое было, то и говорил: „Переменить меня, скинуть меня хотят, а будет-де и не оставят, и я-де и сам за сором об отставке стану бить челом“». Из дальнейших слов царя становится ясно, кого боялся патриарх И.: «А у меня и отца моего духовного, — пишет царь, — создатель наш творец видит, ей, ни на уме того не бывало... хотя бы и еретичества держался, и тут мне как одному оставить его без вашего собору» (см.: Собрание писем царя Алексея Михайловича / Изд. П. Бартев. М., 1856, с. 175). 23-летний царь Алексей Михайлович держал в это время сторону Стефана Вонифатьева и Никона; это видно из содержания и интонации его письма, но одновременно письмо царя исполнено еще почтения и даже любви к патриарху, который, как известно, венчал Алексея Михайловича на царство, крестил всех его детей.

Соч.: Сборник сочинений патриарха Иосифа. [М., около 1642]; Николаевский П. Материалы для истории русской церкви. — ХЧ, 1885, сентябрь—октябрь, с. 503—504 (послание к мощам патриарха Иова).

Лит.: Н. А. А. Патриарх Иосиф. — ЧОИДР, М., 1847, № 4, отд. 4, с. 119—125; [Никольский А.]. Материалы для истории русско-церковной полемики против лютеранства в первой половине XVII столетия. — ПС, 1861, кн. 2, с. 242—243; Два сватовства иноземных принцев к русским великим князьям в XVII столетии / Пер. с немецкого А. Н. Шемякина. С предисловием А. Ф. Бишинга. — ЧОИДР, 1867, кн. 4, отд. 4, с. 18; Макарий, архимандрит. История русской церкви. СПб., 1882, т. 11, кн. 2, с. 95—182; Цветаев Д. Из истории брачных дел в царской семье московского периода. М., 1884, с. 93—101; Каптерев Н. Ф. 1) Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Вып. 1. Время патриаршества Иосифа. М., 1887; 2) Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909, т. 1, с. 81—105; Голубцов А. П. Вступление в патриаршество и поучение к пастве Иосифа патриарха московского. — Прибавления к изданию творений святых отец в русском переводе. М., 1888, кн. 4, с. 327—381.

Н. В. Поньрко

Иринарх Глушицкий (XV—XVI вв.) — инок Глушицкого монастыря во имя Покрова Богородицы на Кубенском озере в Вологодской области, автор Жития Дионисия Глушицкого. И. писал житие основателя своего

монастыря, Дионисия Глушицкого (ум. 1437, память 1 июня), в 1495 г. по поручению соборных монастырских старцев. Он основывался в своем повествовании на словах и записках людей, которые слышали рассказы учеников Дионисия, хорошо его знавших (Амфилохия, Макария, Михаила), а также на записках очевидцев и современников. И. часто ссылается на устные сообщения старых людей и на письменные источники (например, «а писал Макарий, ученик Дионисиев»). В заимствованных частях текста И. иногда сохраняет первое лицо авторов — современников Дионисия. Судя по дословному совпадению рассказа о свидании Дионисия Глушицкого с ростовским архиепископом Дионисием в Житии и «Сказании о Каменном монастыре» *Паисия Ярославова*, И. имел в своем распоряжении ту же запись, которой пользовался и Паисий. Самого «Сказания» И. не знал, судя по тому, что начал свой рассказ прямо с поселения Дионисия на берегу Кубенского озера, заявив, что ничего не смог узнать о родителях, действе и отрочестве святого, и, по-видимому, не зная и того, о чем написал в своем «Сказании» Паисий (а именно о том, что Дионисий был уроженцем Вологды, мирским его именем было Дмитрий, что в отрочестве он пришел в Спасо-Каменный монастырь к игумену Дионисию, будущему архиепископу ростовскому, и прожил там девять лет, прежде чем основал свой собственный монастырь во имя Покрова Богородицы поблизости от заброшенного монастыря во имя Святого Луки, на месте, называемом по имени того монастыря «Святой Лука»). В предисловии к Житию И. запечатлел свое имя сложной анаграммой.

По оценке В. О. Ключевского, Житие Дионисия Глушицкого как исторический источник принадлежит «к числу немногих превосходных житий, какие можно найти в древнерусской литературе». В стиле Жития сочетаются простота исторического повествования, подобная стилистической простоте «Сказания о Каменном монастыре», и риторическая усложненность предисловия и похвальных словес.

Житие не издано, сохранилось в значительном числе списков.

Лит Ключевский Древнерусские жития, с 193—195; Муравьев А. Н. Русская Фиваида на Севере СПб., 1894, с 78—105; Коноплев Н. Святые Вологодского края — ЧОИДР 1899, кн 4, отд 4, с 43—53; Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых — РФВ, 1901, № 3—4, с 38—43

Г. М. Прохорова

Исидор (ум. 1462) — митрополит всея Руси (1437—1441 гг.). Грек по происхождению, И. был до 1437 г. игуменом монастыря св. Дмитрия в Константинополе, участвовал в посольстве императора на Базельский собор католической церкви, где было принято решение о созыве специального собора для объединения греко-православной и католической церквей. В 1437 г. константинопольский патриарх назначил И. митрополитом киевским и московским. Рассказы о пребывании И. на Руси, составленные при его преемнике, митрополите *Ионе*, отражают тенденции более позднего периода, когда русская церковь порвала связи с Константинополем. Судя по новгородским, псковским и наиболее ранним обнаруженным летописным сводам, назначение И. не вызвало первоначально никаких возражений со стороны *Василия II* и других русских князей. И. исполнял свои святительские обязанности в Москве, Новгороде и Пскове (где провел более двух месяцев), а затем отправился на Ферраро-Флорентийский собор, на котором был одним из активнейших сторонников унии 1439 г. В 1440 г. И., в сане кардинала, вновь приехал на Русь, но здесь уния была отвергнута и И. вынужден был уехать.

После разделения русской митрополии в 50-х гг. западнорусским митрополитом стал сподвижник И. — Григорий, а И. получил епархию в Италии. В связи с тем что византийский император также отказался от признания унии, И. ездил в Константинополь в качестве папского

посла и провозгласил «духовный мир» между греко-православной и католической церковью. И. был участником обороны Константинополя в 1453 г., но ему удалось избежать плена. Последние годы жизни И. провел в Италии, где в 1458 г. получил номинальный сан патриарха константинопольского.

И. был широко образованным человеком с гуманистическими интересами, но едва ли владел русским языком; единственный памятник на русском языке, написанный им или от его имени, — послание правителям западнорусского города Холма в защиту земельных интересов священника Вавилы, написанное в 1440 г. (предположение о связи этого послания с борьбой между сторонниками и противниками унии представляется сомнительным). Среди греческого литературного наследия И. — письмо о падении Константинополя 1453 г. и ряд других писем, а также записи на книгах, сохранившиеся и в советских рукописных хранилищах.

Соч.: Послание холмским жителям: Бодянский О. М. О поисках манускриптов в Познанской библиотеке. — ЧОИДР, 1846, № 1, отд. 1, с. 12—16. Иноязычные сочинения И.: Mercati G. Scritti d'Isidoro il cardinale Ruteno. Roma, 1926 («Studi e Testi», 46).

Лит.: Пирлинг П. Россия и папский престол. М., 1912, кн. 1, с. 48—142; Карташов А. В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959, т. 1, с. 350—358; Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М.; Л., 1959, с. 225—243; Фонич Б. Л. 1) Московский автограф митрополита Исидора. — В кн.: Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник за 1974 г. М., 1975, с. 14—15; 2) Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977, с. 10—23.

Я. С. Лурье

Кассиан (XV в.) — монах Киево-Печерского монастыря, создатель двух редакций *патерика Киево-Печерского*. Из текста традиционной концовки патерика известно, что К. в период создания им первой редакции памятника был клирошанином Печерского монастыря. Свой труд, законченный 19 июня 1460 г., посвятил «священноиноку кир Акакию, бывшу наместнику киевскому» (см.: ГПБ, собр. Погодина, № 895, л. 249), поэтому в научной литературе эта редакция патерика имеет двойное название: по имени исполнителя — Кассиановская первая, по имени заказчика — Акакиевская.

По предположению А. А. Шахматова, редакция патерика 1460 г. не отличалась творческой самостоятельностью и в основном повторяла состав сборника, созданного в первой половине XV в. печерским монахом Иоанном, чье имя часто встречается в оглавлении патерика Кассиановских редакций. Восходя к первоначальной редакции памятника, переработка патерика, выполненная Иоанном, включала «Слово о создании церкви Печерской» *Симона*, летописное сказание о начале Печерского монастыря, «Житие Феодосия Печерского» (см. *Нестор*), слова о перенесении его мощей и об оковании гроба святого (последнее из них выделено в особую статью из рассказа об основании Успенской церкви), похвалу *Феодосию Печерскому*, послания Симона и *Поликарпа* с рассказами о печерских подвижниках, «Слово о первых черноризцах печерских» с вычленением из него текста об Исакии. Если А. А. Шахматов считал труд К.-«клирошанина» списком с патерика Иоанновской редакции, дополненным рядом летописных статей, то Д. И. Абрамович отводил Иоанну скромную роль участника в редактировании памятника в 1460 г. (см.: Шахматов А. А. Киево-Печерский патерик и Печерская летопись. СПб., 1897, с. 7—8; Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902, с. 67; см. также: Лавровский П. А. Описание семи рукописей имп. С.-Петербургской Публичной библиотеки. — ЧОИДР, 1858, кн. 4, с. 10—11; Истрин В. М. Замечания о составе Толковой палеи. — ИОРЯС, СПб., 1898, т. 3, кн. 2, с. 507—508; Владимиров П. В. Древняя русская литература киевского периода XI—XIII вв. Киев, 1901, с. 195).

Летописные заметки о вписании имени Феодосия Печерского в Синодик, о пострижении Святоши, о видении и смерти *Нифонта*, архиепископа новгородского, о преставлении Поликарпа, игумена Печерского монастыря, и об избрании на его место попа Василия, помещенные К. в конце патерика, были заимствованы, по мнению А. А. Шахматова, из общего источника — Киевского летописного свода. Ученым была объяснена и причина включения летописного материала в патериковый сборник: заметки о Феодосии и Святоше расширяли фактическую основу житий этих святых; Нифонт и Поликарп, по преданию, были древнейшими собирателями и «списателями» произведений о печерских подвижниках.

В редакционной работе К. видно исследовательское начало: благодаря летописным источникам ему удалось датировать основные этапы монастырской истории, дополнить ее новым материалом, атрибутировать тексты, вошедшие в состав патерика (упоминание имени Нестора в сказании о начале монастыря и в «Слове о перенесении мощей Феодосия Печерского»). Но введение в Печерский патериковый свод в редакции 1460 г. летописных заметок посило несколько искусственный характер и нарушало тематический принцип группировки текстов в сборнике, по которому летописное сообщение о вписании имени Феодосия в Синодик должно было примкнуть к произведениям «феодосиевского» цикла, а текст, содержащий дату пострижения князя Николы Черниговского, войти в патериковое житие Святоши.

Видимо, отсутствие четкого принципа организации патерикового материала в редакции 1460 г. привело к тому, что количество списков Кассиановской первой редакции невелико (см.: ГИМ, собр. Барсова, № 745, 746; собр. Донского монастыря, № 13; ГПБ, Софийское собр., № 1364; собр. Погодина, № 895, 898; ГБЛ, собр. Ундольского, № 389; собр. Гранкова, № 86/24; Гос. архив Горьковской обл., № 36167 $\frac{2p}{II-20}$) и что через два года К., уже «уставник печерский», создал новую, более полную и в то же время внутренне стройную, редакцию Киево-Печерского патерика.

Долгое время велись споры о принадлежности перу К., автора редакции 1460 г., вставки в Житие Феодосия эпизода, повествующего о посещении святого перед смертью князем Святославом. Д. И. Абрамовичу удалось доказать, что эта вставка была сделана до К., скорее всего во второй половине XII в., когда обострилась борьба между Печерским монастырем и киевской митрополией. Летописные заметки, присоединенные к патерику К. в 1460 г., прошли трудный процесс внедрения в патериковый ансамбль. В списках памятника переходного типа между Кассиановскими редакциями 1460 и 1462 г. они, пополнившись новым текстом — «Посланием Феодосия Печерского князю Изяславу о лытынех», расположены в середине сборника, после «Жития Феодосия Печерского» и похвалы святому (см.: ГИМ, собр. Чудова монастыря, № 17/319). Видимо, К.-редактор напряженно искал новый принцип, регулирующий расположение текстов в сборнике. Основным принципом организации материала в патерике Кассиановской второй редакции стал хронологический. Руководствуясь им, К. помещает летописное известие о внесении имени Феодосия в Синодик за «Словом о перенесении мощей Феодосия Печерского», рассказ о видении и смерти Нифонта Новгородского — до «Послания Симона к Поликарпу», «Слово о первых черноризцах печерских» — за «Похвалой Феодосию Печерскому». Характерной чертой патерика Кассиановской второй редакции является также расположение послания Феодосия о латинской вере и слова о смерти печерского игумена Поликарпа в конце сборника. Кто-то из переписчиков этой редакции патерика, следуя стремлению К. превратить патерик в «монастырскую летопись», ввел в сборник новый текст — рассказ о чуде в Печерском монастыре на пасху 1463 г., что было закреплено в ряде последующих списков и ре-

дакий памятника (см.: Центральная науч. б-ка АН УССР, № 386, II/157, л. 215).

Хронологический принцип, положенный в основу редакторской работы К. в 1462 г., виден как в большом — на уровне патерикового ансамбля, так и в малом, например в слове о Нифонте Новгородском, где изменен порядок следования частей: вначале повествуется о прибытии Нифонта в Киево-Печерский монастырь в ожидании нового митрополита из Константинополя, причем рассказ перемежается сведениями о борьбе Нифонта с Климом, затем идет сказание о видении и смерти новгородского епископа. Д. И. Абрамович считал автором вставок и разночтений, имеющих в патерике Кассиановской второй редакции, самого «устава пещерского». А. А. Шахматов указывал на возможные источники заимствования: Печерскую летопись, которая могла содержать древнюю редакцию слова о Нифонте Новгородском, *Житие Антония Печерского*, откуда К. мог получить пространные сведения о варяжской пещерке, узнать год пострижения Феодосия и т. п. (см.: Шахматов А. А. *Житие Антония Печерского и Печерская летопись*. — ЖМНП, 1898, кн. 3, с. 124—127).

Киево-Печерский патерик в редакции 1460 г. вошел в состав миней четий на май митрополита Макария (см. *Великие Минеи Четии*), Германа Тулунова; обе Кассиановские редакции памятника были учтены при создании миней четьи на май Иоанна Милутина. Для минейного вида патерика Кассиановских редакций характерна группировка всех текстов о Феодосии Печерском в начале сборника, причем житие святого, сверенное с древнейшей редакцией, не имело поздних по времени вставок. О популярности, быстром и широком распространении Кассиановских редакций патерика свидетельствует тот факт, что в 1462 г. в Московском Вознесенском монастыре по повелению княгини Евпраксии была снята копия с одного из списков Печерского патерика Кассиановской первой редакции «рукою двух многогрешных дьячишков» Григория и Ермолая, «скорости ради дела» (см.: ГПБ, Софийское собр., № 1389, л. 206). К Кассиановской второй редакции памятника восходят все рукописные и печатные редакции XVII в. (Сильвестра Коссова, Иосифа Тризны, Софрония, печатное издание патерика 1661 г. и последующие издания). Количество списков патерика Кассиановской второй редакции велико. К настоящему времени их известно более 50, самые ранние списки датируются концом XV—началом XVI в. (см.: БАН, 45.11.17: ГБЛ, собр. Румянцев, № 305; ЦГАДА, собр. Оболенского, № 69).

Л. А. Ольшевская

Кирилл I (ум. 1230) — епископ ростовский, библиофил. Биографические сведения о К. содержатся в *летописи Лаврентьевской*. Под 1216 г. сообщается, что К., черноризец Дмитриевского монастыря в г. Суздале, поставлен епископом в Ростове. В 1218 г. он освящал там же церковь Бориса и Глеба, а в 1224 г. — церковь Спаса в Ярославле. В 1228 г. К. в связи с болезнью оставил епископский стол и вернулся в Дмитриевский монастырь, «хотя лечити свою немочь ... бяше же ему лице изменилося, акы почернело от недуга, устне отолстели и нос». В это же время по решению князя Ярослава Всеволодовича К. был лишен всего своего имущества, а до этого он был богат «кунами и селы, и всем товаром и книгами. И просто рещи, так бе богат всем, так ни един епископ быв в Суждальстей области». К. постригся под именем Кириака и роздал оставшееся имущество нищим. 17 апреля 1230 г. К. был погребен в Дмитриевском монастыре (см.: Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, М., 1962, т. 1, стб. 439, 442, 447, 452 и 454).

С именем К. исследователи связывают оживленную книгописную деятельность в Ростове в начале XIII в., предполагают, что К. была состав-

лена большая библиотека, что по его инициативе был осуществлен перевод полной редакции *Жития Нифонта Константинопольского*, рукопись с текстом которого сохранилась до наших дней (ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 35). Текст Жития сопровождается припиской, из которой следует, что рукопись была закончена писцами Иоанном и Алексеем 21 мая 1219 г. «в граде Ростове при князи Василце при сыну Константинове, а внуце Всеволожи». Далее следует молитвенное обращение: «Святая Богородица госпоже ... помози моему господину Василку и мене грешнаго раба своего Кюрила избави в день судный от вечныя муки». Полагают, что речь здесь идет о К.

А. И. Соболевский допускал, что в библиотеке К. находились также сохранившиеся до наших дней рукописи: Успенский сборник (ГИМ, Синодальное собр., № 1063/4), *Златоструй с Торжественником* (ГПБ, Ф. п. I. 46), *Пандекты Никона Черногорца* (Ярославский музей-заповедник, № 1/6). О. А. Квязевская на основании палеографических и кодикологических данных допускает, что в начале XIII в. в Ростове был переписан Толковый апостол (ГИМ, Синодальное собр., № 7), а также возможно Троицкий кондакарь (ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 23) и Евангелие-апракос (Библиотека МГУ, № Ag 80). В. С. Голышенко установила принадлежность руке одного писца Учительного евангелия Константина Болгарского (ГИМ, Синодальное собр., № 262) и Слова Ипполита об антихристе (ГИМ, Чудовское собр., № 12), также относя их к числу ростовских рукописей начала XIII в. Однако принадлежность поименованных рукописей именно библиотеке К. не может быть обоснована.

Лит.: Филарет. Обзор, с. 56; Соболевский А. И. 1) Остатки библиотеки XIII века. — Библиограф, 1889, № 6—7, с. 144—145; 2) Остаток библиотеки XIII века. — В кн.: Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, с. 205—207 (СОРЯС, т. 88, № 3); Голышенко В. С. К гипотезе о ростовской библиотеке XIII века. — В кн.: Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963, с. 45—64; Квязевская О. А. О ростовских рукописях начала XIII века. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков: Сб. статей к 70-летию В. И. Борковского. М., 1971, с. 145—152; Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII—начала XV века. М., 1980, с. 15, 16, 21.

О. В. Творогов

Кирилл II (ум. 1262) — епископ ростовский, возможный автор поучений. Сведения о К. содержатся в *летописи Лаврентьевской*. В 1230 г. ростовские князья Василько, Всеволод и Владимир послали в Суздаль, к своему отцу Юрию Всеволодовичу, с просьбой отпустить на опустевший после ухода в монастырь епископа *Кирилла I* епископский стол К. — игумена и архимандрита монастыря Рождества Богородицы. В Ростове К. торжественно встречают князья, бояре и горожане. В 1231 г. в Софийском соборе в Киеве митрополит Кирилл официально ставит К. епископом Ростову, Ярославлю и Угличу поля; по этому случаю в Киево-Печерском монастыре происходит торжественная трапеза. В годы епископства К. освящает храмы, сочетает браком князей и княгинь, погребает великого князя Юрия Всеволодовича, погибшего в битве с татарами на р. Сити, а затем и своего духовного сына — князя Василька Константиновича, также убитого ордынцами. Летописец подчеркивает авторитет К. и его «книжность»: народ собирался в соборную церковь в Ростове послушать «ученья его еже от святых книг». Восхищается летописец «любовным ученьем» и «тщаньем» епископа, называет его «словесе деятелем» и «учительным». К. умер 21 мая 1262 г. и погребен в церкви Богородицы в Ростове (см.: Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, М., 1962, т. 1, стб. 453, 456—459, 465—469, 471—477).

Оценка, данная К. в летописи, дала основания считать его выдающимся писателем и проповедником. Однако еще Е. В. Петухов допускал,

что похвалы «книжности» К. могли быть лишь «риторической формулой» и что восторженная оценка К. могла проистекать из личных отношений между летописцем и епископом или из стремления «выставить и восхвалить своего епископа в противовес другим областям» (Петухов в Е. В. К вопросу о Кириллах-авторах..., с. 3). Эта догадка была подтверждена Н. К. Никольским, установившим, что похвала К. в летописи в «главной своей части ... представляет дословный перевод начала пролога (или глав) диакона Евфалия к посланиям апостола Павла».

Сочинения, без всяких оснований приписывавшиеся Филаретом К., епископу ростовскому, и не имеющие пока убедительной атрибуции, следующие:

1. «Слово св. Кирилла епископа о том, яко не забывати учителей своих» (нач.: «Аще кто велик святитель или малых...»). Отмечено Филаретом в рукописи XVI в., ГИМ, собр. Уварова, № 515/1788, на л. 346 об.

2. «Поучение св. отца Кирилла архиепископа» (нач.: «Духовное убо семя в ваших душах...»). Оно входит в *Измарагд* 2-й редакции, где составляет 65-ю главу. В *Измарагде* ГПБ. собр. Соловецкое, № 259/270 это поучение приписано «Кириллу Философу, архиепископу Катанскому». Именно так именовался в некоторых списках проложного жития (см. *Пролог*) Кирилл Философ — создатель славянской письменности.

3. «Слово св. отца Кирилла о первозданном» (нач.: «Созда бог Адама от земля и от ребра его...»). Читается в *Измарагде*, гл. 114.

4. «Слово св. отца Кирилла о страхе божии» (нач.: «Всегда, любимии братие и сестры, имеем страх божий...»). Читается там же, гл. 119.

5. «Слово св. отца Кирилла о исходе души и о двенадцати мытарствах» (нач.: «Сея же тайны не сведят мнози...»). Читается там же, гл. 129. В *Измарагде* 1-й редакции читается сходный текст под заглавием «Слово от святых книг святого отца Кирилла (в некоторых списках добавляется — «философа»)» (нач.: «Понеже не всем тайна откровена бысть...»). Это же слово читается в годовом *Златоусте* в 19-ю неделю после недели всех святых с заглавием: «Слово св. отца нашего Кирилла о небесных силах и чего ради создан бысть человек» (нач.: «Понеже тайна сия не всем откровена...»). Одноименная статья, читающаяся в неделю 28-ю после недели всех святых, имеет то же начало, но в дальнейшем тексты статей существенно различаются.

6. «Слово св. отца Кирилла о небесных силах» (нач.: «От небытия в бытие благий человеколюбец бог...»). Читается в *Измарагде* 2-й редакции, гл. 164.

7. «Слово св. отца Кирилла архиепископа Киприйского о злых духах» (нач.: «Мнози погании еллини, манехи в бесы веруют диаволом прелщены, а мы суще, рекше, истинныя христиане...»), опубликовано в «Москвитянине» по неизвестной рукописи; «Слово св. отца нашего Кирилла о злых и неверных человецех» (нач.: «Мнози неверныя мононовениям в бесы веруют и во дьяволы, прелщены, мы же, сущия крестьяне...»), опубликовано Е. Петуховым по списку ГПБ, О.І.64 (XVII в.). Это две редакции одного памятника (текст, опубликованный в «Москвитянине», более полный), которые Филарет ошибочно принял за две разные статьи.

8. «Слово в неделю 6-ю (в некоторых списках — 7-ю) по пасхе на собор св. отец 300 и 18, спешдшихся на Ария еретика в Никеи» (нач.: «Днесь память святых отец чтется...»). Эта статья регулярно читается под указанными днями в списках пятидесятного и годового *Златоуста*.

Из перечисленных статьи 1, 3, 4 и 5 были опубликованы М. И. Сухомлиновым вместе с сочинениями Кирилла Туровского (Рукописи графа А. С. Уварова, с. 109—119, 125—128, 130—131, 135—136).

Соч.: Слово св. Кирилла. — Москвитянин, 1844, № 1, с. 241—245; Еще одно поучение Кирилла Туровского по неизданным спискам. — Известия имп. Акад. наук по ОРЯС, СПб., 1855, т. 4, вып. 4, стб. 177—184; Рукописи графа А. С. Уварова. СПб., 1858, т. 2, вып. 1; Поучения Кирилла, епископа ростовского. — ПС, 1859, ч. 1,

с. 244—258; Петухов Е. В. К вопросу о Кириллах-авторах в древней русской литературе. — СОРЯС, СПб., 1887, т. 42, № 3, с. 3—4, 13—16.

Лит.: Филарет. Обзор, с. 56—58; Никольский Н. К вопросу о проповедях Кирилла II, епископа ростовского. — Библиографическая летопись. СПб., 1914, т. 1, с. 122—124.

О. В. Творогов

Козьма (XVII—начало XVIII в.) — иеродиакон, автор «Риторики», переводчик. Выходец с Афона, из Иверского монастыря, К. в 90-е гг. XVII в. оказался в Москве (обстоятельства появления в Москве неизвестны), в Чудовом монастыре, центре греческой образованности, где в это время подвизались *Епифаний Славинецкий*, чудовский инок *Евфимий*, братья *Лихуды*. Занимался переводами с греческого на русский и с русского на греческий.

С русского на новогреческий язык К. перевел Киево-Печерский патерик. А. А. Дмитриевский и Х. М. Лопарев считали вероятным, что К. же выполнен перевод на новогреческий Синописиса *Иннокентия Гизеля* (они указали на две рукописи перевода, хранящиеся в Константинополе). Так как из греческой записи на одном из списков греческого перевода Синописиса видно, что он был сделан в апреле 1693 г. в московском монастыре св. Николы «Большая голова», находившемся тогда в ведении Афонского Иверского монастыря, то Х. М. Лопарев делал из этого вывод, что автором его мог быть грек-ивериец, приехавший в Москву и остановившийся на своем подворье. «Быть может, — писал Лопарев, — это был Козьма». Более основательных аргументов, подтверждающих авторство К., не найдено.

Х. М. Лопарев обратил внимание на сходство почерка, бумаги и чернил рукописи другого перевода с русского на греческий — Повести о смерти князя Даниила Александровича и о начале Москвы (находится также в Константинополе) — с рукописью перевода Синописиса Иннокентия Гизеля. Основываясь на этом сходстве, он считал вероятным, что автором перевода Повести был также К.

С греческого языка на русский К. переведены Слово аввы Исаака, посвященное наставлению новопреставленного монаха, и Риторика Софрония Лихуда. Перевод Риторики Софрония Лихуда выполнен К. в 1698 г. «за многое тщание и иждивение ученика его, Крашениннаго ряда купца Иоанна Иоаннова сына, нарицаемого Краткаго». Этот московский купец в 1713 г. дал средства на перевод или сочинение «Зеркала естествозрительнаго» (ГПБ, О.VII.1); о нем и о другом московском купце — Аф. Павлове фискал Курбатов писал в 1716 г. Петру I, что они «люди умные и торговцы знатные и летами нестарые». В описи библиотеки чудовского инока Евфимия числилась «книга, а в ней сначала написано святое Евангелие и Деяние святых апостолов, переведена с греческих книг Космою иеродиаконном греком, по полям приписывано Евфимиевою же рукою...» (Опись библиотеки иеромонаха Евфимия / Сообщена А. Е. Викторовым. — В кн.: Летописи Тихонравова. М., 1863, т. 5, с. 53). А. И. Соболевский полагал, что имя К. вставлено здесь по недоразумению и относил упомянутый перевод Евангелия к Епифанию Славинецкому, так как известно, что перевод Нового завета выполнялся Епифанием, и на этом основании А. И. Соболевскому было «трудно думать, чтобы у Евфимия не было этого текста» (никакое другое Евангелие в описи не значится). Х. М. Лопарев не соглашался с мнением А. И. Соболевского и считал участие К. в переводе Евангелия и Деяний вполне вероятным.

В 1710 г. К. написал собственную Риторику, в основу которой положил (как и Софроний Лихуд) Риторику Франческо Скуфа, вышедшую на греческом языке в 1681 г. в Венеции. Риторика К. является отчасти переводом, отчасти переделкой Риторики Франческо Скуфа. Совершенно оригинальны в ней многочисленные примеры из русской истории, приводимые для иллюстрации отдельных риторических правил (парадигмы

о Борисе и Глебе, о митрополите Алексее, Григории Отрепьеве, раскольниках, в том числе о покушении на жизнь патриарха Никона со стороны одного из раскольников, об Азовском сидении и проч.). Несмотря на наличие антистарообрядческих парадигм, Риторика К. была популярна среди старообрядцев выговской литературной школы; известны списки ее, получившие хождение на Выгу. Как составная часть, вместе с риториками других авторов, она вошла в созданную в 30-е гг. XVIII в. выговскую Риторику-свод.

Соч.: Лопарев Х. «Риторика» Космы Грека 1710 года и примеры из нее по русской истории. — ИОРЯС, СПб., 1908, т. 12, кн. 4, с. 146—198.

Лит.: Дмитриевский А. А. [Рец. на кн.: Восток христианский. История Афона / Под ред. П. А. Сырку. СПб., 1892]. — ВВ, СПб., 1894, т. 1, вып. 1, с. 424; Лопарев Х. Повесть о смерти князя Даниила Александровича и о начале Москвы. — СПб., 1901, с. 7—13 (ПДПИ, т. 141); Соболевский. Переводная литература, с. 291, 315, 372—374; Понырко Н. В. Учебники Риторика на Выгу. — ТОДРЛ, Л., 1981, т. 36, с. 155—156, 159—160.

Н. В. Понырко

Корововский Алексей (конец XVII—начало XVIII в.) — автор челобитной царю Петру I о возвращении ему книг (1702 г.), владделец и переписчик рукописей. Среди принадлежавших ему рукописных книг «Хрисмологион» *Николая Спафария* и «Скифская история» *Андрея Лызлова*, временно отданные владельцем в 1700 г. сибирскому митрополиту *Игнатию Римскому-Корсакову*. Переписанные К. сочинения в основном светского содержания: «Повести римские» («*Римские деяния*») (ГИМ, собр. Уварова, № 1326 (494) (313)), 1691 г.; «Хрисмологион» (ГИМ, Синодальное собр., № 259), 1693 г., — экземпляр из келейной библиотеки патриарха *Адриана*; два списка сочинения «*Описание вин или причин гибели царств*» (ГИМ, собр. Уварова, № 1865 (5611) (434) и собр. Нилово-Столбенской пустыни, № 110; в ГБЛ не поступал), конца XVII в.; сборник «Сот пчельный» (БАН, 33.1.12), 1695 г.

Соч.: Оглоблин Н. Н. Из архивных мелочей: (IV. Челобитная о двух книгах. 1702 г.). — Библиограф, 1892, № 10—11, с. 335—337.

О. А. Белоброва

Ксения Борисовна Годунова (в монашестве Ольга) (1582—1622) — дочь царя *Бориса Годунова*, автор письма к тетке кн. Домне Богдановне (1609 г.). С 1599 по 1602 г. к К. Б. сватались представители королевских дворов Европы (Швеции, Австрийской империи, Дании), но по разным причинам дело не доходило до брака. Последний претендент на руку К. Б. герцог шлезвиг-голштинский Иоанн, брат датского короля Христиана IV, внезапно умер в Москве в 1602 г. После смерти отца и гибели матери и брата К. Б. в 1605 г. стала наложницей Лжедмитрия, после чего была насильственно пострижена в монахини и сослана в Горичский девичий монастырь на Белом озере. При Василии Шуйском, в 1606 г., К. Б. была возвращена в Москву для сопровождения останков ее родителей и брата при их перезахоронении в Троице-Сергиевом монастыре. В этом монастыре К. Б. пережила 16-месячную осаду во время польско-литовской интервенции 1608—1610 гг., откуда она написала в марте 1609 г. лаконичное письмо с описанием тягот в осажденной крепости («с часу на час ожидаем смерти...», «да у нас же... моровая поветрия» и т. д.) и с просьбой написать ей «про московское житье». Позднее, в 1612 г., К. Б. была свидетельницей разорения Московского Новодевичьего монастыря, причиненного отрядом И. Заруцкого. Последние годы жизни К. Б. была инокиней Суздальского Покровского девичьего монастыря. Здесь она и умерла в 1622 г., а захоронена вместе с родителями и братом в Троице-Сергиевом монастыре.

Судьба К. Б. волновала современников; о ней еще при жизни слагались песни, известные, например, в записи 1619—1620 гг., сделанной для

Ричарда Джемса. Ей приписывается также искусное владение шитьем (рукоделием). Редкий образец эпистолярного жанра — письмо К. Б. — сохранился в собр. ЛОИИ.

Соч.: АИ, СПб., 1841, т. 2, № 182, с. 212—213.

Лит.: Костомаров Н. И. Ксения Борисовна Годунова. — ИВ, СПб., 1883, т. 13, Маясова Н. А. Литературный образ Ксении Годуновой и приписываемые ей произведения шитья. — ТОДРЛ, М.; Л., 1966, т. 22, с. 294—310.

О. А. Белоброва

Кузьма Ларионов (по прозвищу Косой) (ум. 1687) — донской старообрядец, автор «Листов» о близкой кончине мира и письма к родным и друзьям. К. был родом из г. Ельца, отец его — кузнец, елецкий житель Ларион. Родной брат К. был сожжен в Москве за раскол (ДАИ, СПб., 1872, т. 12, с. 127). Сам К. «Расколу научился, будучи в Соловецком монастыре». Около 1667 г. К. с женой уходит на Дон, где его духовным отцом становится старообрядческий поп Иван Анфимов. Около 1676 г. К. с семьей (в том числе с сестрой Василисой) и другими единомышленниками «сошел» на р. Медведицу, где основал поселение, в 1677 г. подвергнувшееся разгрому тамбовским воеводой П. А. Лопухиным: посланная команда «попленила женску полу и девок с двадцать человек», но К. и другим мужчинам удалось скрыться. Около 1679 г. К. появился в Москве, где у него, видимо, сохранились связи среди соловецкой староверческой колонии, и начал проповедовать свое учение о близком конце света, изложенное на «великих листах» (не сохранились).

Эсхатологические построения К. были основаны на традиционном толковании «звериного числа» (666), на 12-й главе пророчества Даниила и на «Откровении» *Мефодия Патарского* о приходе царя Михаила, под которым К. подразумевал второе пришествие Христа. Это учение показалось московским старообрядцам слишком опасным, и прежде всего потому, что К. претендовал на то, что он «последний день и час знает», вследствие чего они «предали раздранию суемудренное его писание и огнем все сожгли без остатку», а из Москвы на Дон, строителю старообрядческой Чирской пустыни Макарию, отправили предостерегающее послание о К., подписанное монахами *Ионой и Никифором* (ДАИ, т. 12, с. 133—134). Одновременно в свою бытность в Москве К. попытался забрать у думного дворянина Петра Аврамова принадлежавшую ему деву-татарку, но тот выдал его патриарху, который после безуспешных увещаний сослал К. в монастырь Николая Чудотворца на Перерву. Отсюда К. удалось бежать и вернуться на Медведицу.

Летом 1683 г. в Чирской пустыни, а затем в Черкасске и в других донских городах неизвестные люди стали зачитывать подложную грамоту царя Ивана Алексеевича с просьбой к казакам о защите от боярских притеснений и «письмо на круглом листу», посвященное объяснению событий стрелецкого восстания 1682 г. Схваченные распространители «воровских писем» назвали «подлисных воров», которые эти письма им «дали и обманули», — К. и беглого московского стрельца Костку, живущих при впадении р. Арчады в Медведицу. Обоих арестовали, но Костка взял всю вину на себя и «оправил» К. В Москве на пытках выяснилось, что письма Костке дал Басманной слободы тяглец Васька Симонов с товарищем своим Савкою Яковлевым Грешным (последний, схваченный в Нижнем Новгороде, признался, что подложную грамоту писал он). Всех троих казнили (ДАИ, СПб., 1867, т. 10, с. 430—433).

К. был освобожден. Вернувшись из Черкаска на Медведицу, он возобновил свою проповедь, собирая сторонников (к середине 80-х гг. XVII в. их набралось до двух тысяч человек) и поднимая поход на Москву. Учение К. восприняли в Черкасске атаман Самойла Лаврентьев, Кирей Матвеев и некоторые представители казачьей старшины. Вскоре его стали открыто пропагандировать попы Самойла и Феодосий. Летом:

1687 г. К. и его единомышленники (*Кузьма Сидоров*, Михайло Чеботарь, Демьян Косой, распол Семен Колодин, Семен Попилин и др.) объявили о сборе казаков для вооруженного похода на Москву. При этом К. утверждал, что «царь Михаил» находится у него в горах на Медведице (А. И. Клибанов склонен считать, что с Михаилом отождествлял себя сам К.), что до конца света осталось только пять лет и что он не боится «царей и войска и всей вселенной». Обеспокоенная казачья старшина послала казаков к К. с требованием приехать в Черкасск и объяснить причины подготавливаемого похода. В конце августа 1687 г. К. в сопровождении 600 вооруженных сторонников появился под Черкасском. Во дворе у Самойлы Лаврентьева К. изложил старшине свое учение и призвал идти на Москву, но поддержки не встретил. Начались переговоры; между черкасскими казаками и сторонниками К. стали вспыхивать ссоры. В это время из азовского похода внезапно вернулось войско во главе с атаманом Фролом Минаевым. К. был схвачен, закован в цепи и отослан в Москву. Самойла Лаврентьев и сторонники К. разбежались, часть из них схватили и привели к присяге, отказавшихся перебили. В Москве у К. отобрали неотправленное письмо на Медведицу, к родным и друзьям, написанное им в Черкасске, где он просил помолиться за него. К. несколько раз пытали, жгли огнем. 16 сентября 1687 г. его допрашивал сам В. В. Голицын. Замученный на пытках, К. скончался вскоре после 30 сентября.

Свое учение он изложил в расспросных речах (опубликованы в Приложении к книге В. Г. Дружинина на с. 273—275, 276—283). Имя К. попало в знаменитый старообрядческий мартиролог — «Виноград Российский» *Семена Денисова* (статья 17, «О Кузьме Донском», опубликована там же, с. 283—284).

Соч.: Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889, Прил., с. 276 (письмо К. к родным и друзьям).

Лит.: Аристов Н. Я. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871, с. 110—111; Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898, с. LXVIII, LXXXI, 35—36, 47—50; Никольский Н. М. История русской церкви. 2-е изд., пересмотр. и дополн. М.; Л., 1931, с. 164—171; Будовниц С. Словарь, с. 147, 159, 237 (автор смешивает К. с Кузьмой Сидоровым); Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962, кн. 7, с. 300—301, 429—430; Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969, с. 344—346; Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977, с. 114—122.

А. Т. Шашков

Кузьма Сидоров (ум. после 1689) — донской старообрядец, автор письма или обращения к донским казакам. К. родом из г. Воронежа, посадский человек. Около 1677 г. с женой и с детьми он поселился на р. Медведице, в 50 верстах от укрепленного городка своего единомышленника *Кузьмы Ларионова* (Косого). Вскоре его поселение стало одним из оплотов раскольников мятēja.

Летом 1687 г. в среде медведицких старообрядцев начались приготовления к походу на Москву, «отпавшую» «во антихристово царство». Донским казакам, приезжавшим «из ближних станиц проводить, какой у них на речке Медведице чинится сбор», было вручено обращение, написанное К. В нем говорилось, что, поскольку «Московское царство от веры православныя отступило», К. и его сторонники «дома свои пометали и с Руси побежали, покинули отцов и матерей», скрываясь от антихриста и ожидая второе пришествие Христа, которое наступит в ближайшее пятилетие и ознаменуется расплатой с нечестивым миром. Обращение К. пронизано хилиастическими представлениями, причем, в отличие от апокалиптической традиции, царство божие должно было установиться не на тысячу лет, а «во веки веков».

После ареста Кузьмы Косого и разгрома его сторонников, пришедших

к Черкасску, медведицкий городок К. еще долго держался, отбивая натиск отрядов атаманов Кутейникова и Аверкиева. Пал он только 30 мая 1689 г. Дальнейшая судьба К. неизвестна.

Соч.: Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889, Приложение, с. 271—273.

Лит.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898, с. 35—36, 47—58, 50; Никольский Н. М. История русской церкви. 2-е изд., пересмотр. и дополн. М.; Л., 1934, с. 169—171; Будовниц. Словарь, с. 147, 159, 237 (автор смешивает К. с Кузьмой Ларионовым Косым); Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962, кн. 7, с. 428—430; Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977, с. 116—118.

А. Т. Шашков

Лонгин (по данным М. В. Бражникова — в миру Иван) Шишелев либо Шишеловский (по прозвищу Корова) (ум. 1624) — уставщик Троице-Сергиевого монастыря, мастер-распевщик. Родом из Великого Устюга (в синодике ризницы № 2 1595 г. Троице-Сергиевой лавры сохранилось имя его отца — Тихон). Л. начал службу клириком в Московском Чудовом монастыре, о чем свидетельствует рукопись ГБЛ, ф. 304, № 428 (стихирарь с писцовой записью Л.), затем был головщиком, а позднее уставщиком в Троице-Сергиевой лавре. Год смерти Л. определяется по пергаменному синодику Троице-Сергиевой лавры № 41. Л. отличался буйным и неуживчивым характером, неоднократно вступал в конфликт с архимандритом Троице-Сергиевой лавры *Дионисием Зобниновским*, с церковными властями по вопросам богослужения, догматики, а также отстаивая свои убеждения в вопросах певческой практики. Дело дошло до того, что Л. по поводу исправления Требника выдвинул обвинение против Дионисия и его единомышленников на соборе 1618 г., который окончился осуждением и ссылкой Дионисия.

Известны пять певческих рукописей, в которых так или иначе упоминается имя Л.: ГБЛ, ф. 304, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 428 (конец XVI в.); ГБЛ, ф. 304, № 449 (конец XVI—начало XVII в.); ГБЛ, ф. 42, собр. МДА фонд., № 78/11 (начало XVII в.) — певческий сборник, Стихирарь в котором писан рукою Л.; ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 690/751 (конец XVI — 1-я половина XVII в.) — певческий сборник, где четыре стихиры помечены именем Л. (в четвертой крюковая строка не вписана); ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 647/904 (конец XVI в.) — певческий сборник избранного состава, часть песнопений которого принадлежит распеву Л.

Кроме того, известны списки с первого Устава московской печати 1610 г., «ответственным» редактором и издателем которого был Л. Весь тираж этого Устава указом патриарха *Филарета* 1633 г., т. е. уже после смерти Л., надлежало полностью изъять и уничтожить, потому что, как говорилось в указе, издание Л. появилось «без благословения... патриарха Гермогена» (обвинение неосновательное) и, кроме того, указывалось на допущенные ошибки и еретические уклонения.

По свидетельству некоторых источников, в частности *Жития Дионисия Зобниновского*, Л. был многогранно одарен, особенно в области музыкального искусства: «...имел от бога дарование паче человеческого естества: красен бо ему глас и светел бяше, и гремещ вельми, яко во дни его мало обретахуся подобни ему, и в хитрости пения и чтения первый бяше». Л. был незаурядным импровизатором: в том же *Житии* сказано, что он «на один стих разных распевов пять, или шесть, или десять полагал». Известно также, что у него было много учеников, в том числе его племянник Максим, которого он «научил пети на семнадцать напевов разными знаменами, а иные славные стихи переводов не токмо по пяти, по шести, по десяти и больше».

Лит.: Мансветов И. Д. Церковный устав, его образование и судьба в греко-славянской и русской церкви. М., 1885, с. 311—317; Музыкальная эстетика Древней Руси / Сост. А. С. Рогов. М., 1973, с. 66—68; Бражников М. В. Федор Крестынин Стихиры. М., 1974, с. 128; Гусейнова З. М. К вопросу об атрибуции памятников древнерусского певческого искусства. — В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 197—203.

Л. Ф. Морозов

Макарий (ум. 12 IX 1626) — митрополит новгородский и великолукский, автор грамот, предполагаемый составитель «Риторики». М. начал свою карьеру игуменом Тихвинского Успенского монастыря (1614—1617 гг.), затем был поставлен в архиепископы вологодские и великопермские (1617—1619 гг.), наконец, в митрополиты новгородские и великолукские (1619—1626 гг.). В этом сане М. умер и «положен бысть у Софии в притворе» (ПСРЛ, СПб., 1841, т. 3, с. 273). Будучи игуменом Тихвинского монастыря, М. сопровождал царских послов, ехавших для заключения Столбовского мира (ПСРЛ, т. 3, с. 304); в сане вологодского архиепископа он участвовал в 1619 г. в чине возведения в патриархи митрополита *Филарета* (ДАИ, СПб., 1846, т. 2, с. 209—221).

Известны следующие сочинения М.: 1) отписка белозерскому воеводе П. И. Чихачеву о присылке пороха и свинца в связи с ожидаемой осадой Тихвинского монастыря (1614 г.); 2) грамота в Корелу к православному духовенству, оказавшемуся на шведской территории (август 1619 г.); 3) окружная грамота игумену Тихвинского монастыря Вассиану в связи с бракосочетанием царя *Михаила Федоровича* с *Евдокией Стрешневой* (5 февраля 1626 г.).

В благословенной грамоте диакону Андронику (8 апреля 1617 г.) и ставленной грамоте диакону Онисифору (25 января 1618 г.) сохранились автографы М. (Акты юридические. СПб., 1838, с. 414—415; Курдюмов М. Г. Описание актов, хранящихся в архиве имп. Археографической комиссии. — ЛЗАК за 1904 г., СПб., 1907, вып. 17, с. 386).

Сохранился также ряд других чисто деловых документов, составленных в канцелярии М., — приказ о взыскании с софийских крестьян недоплаченных ими денег и хлеба от марта 1617 г. (Курдюмов М. Г. Описание актов, хранящихся в архиве имп. Археографической комиссии: Коллекция П. И. Савваитова. — ЛЗАК за 1914 г., Пг., 1915, вып. 27, с. 9—10) и многочисленные жалованные грамоты 1619—1626 гг. (Греков Б. Д. Описание актов, хранящихся в архиве имп. Археографической комиссии. — ЛЗАК за 1915 г., Пг., 1916, вып. 28, с. 120—122, 124—128, 156, 158). По благословению М. было написано *Житие Артемия Веркольского* (по наблюдениям Л. А. Дмитриева, вскоре после 1618 г.).

М. приписывается первый русский трактат по риторике («Книги суть риторики двои потонку в вопросах списаны...»), в первую очередь на основании записи в одном из наиболее ранних списков памятника: «Написана в лето 7131-го февраля в 8 день с книги пресвященнаго митрополита Макария богоспасаемых градов Великаго Новаграда и Великих Лук» (ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 874, л. 45 об.). Однако аргументы Д. С. Бабкина в пользу этой атрибуции оказываются либо не вполне точными, либо ошибочными: 1) исследователь спутал М. с другим *Макарием*, бывшим епископом вологодским и великопермским в 1571—1575 гг., — именно к нему относится свидетельство головщика Кирилло-Белозерского монастыря Ефрема о том, что Макарий «сам статью чел и людие учил» (причем речь идет не о курсе риторики, а об Уставе о соборной службе); 2) «географическая» аргументация, основанная на том, что все ранние списки «Риторики» сделаны в Новгороде, оказалась не вполне точной: самый ранний список марта 1620 г. (ГИМ, Синодальное собр., № 933), как выяснилось, не имеет отношения к новгородцу *Ивану Козыреву*, а приписка «Новгородский мещанин Феодор Васильев господин Фирсов» в списке 1622 г. (ГИМ, собр. Щукина,

№ 941) является поздней; 3) текстологический анализ показал, что списки 1620, 1622 и 1623 гг. (с именем М.) не могут восходить к одной «книге» М., поскольку каждый из них содержит новую редакцию памятника. Наконец, сопоставление почерков в ранних списках «Риторики» с почерками писцов макариевской канцелярии и автографами митрополита не позволяет говорить о каком-либо сходстве.

О происхождении «Риторики», приписываемой М., высказывались различные соображения: ее считали переводом с латинского языка (А. И. Соболевский), оригинальным русским сочинением (Д. С. Бабкин). Но большинство исследователей (А. Х. Востоков, А. Г. Филонов, В. П. Вомперский, Р. Лахман) предполагают, что «Риторика» М. представляет собой перевод «польской риторики, которая в свою очередь восходит к латинскому источнику» (Вомперский В. П. Русские риторики..., с. 22). Как удалось установить, латинским источником «Риторика» М. было сочинение Филиппа Меланхтона «*Elementorum rhetorices libri duo*» (1531 г.), неоднократно издававшееся в XVI в., причем русская «Риторика» похожа на сокращенную школьную переработку текста Меланхтона, повторяющую все основные определения и композицию сочинения в целом. Возможно, существовала и польская риторика — непосредственный оригинал русского текста.

Сейчас известны 34 списка «Риторика» М. с 1620 г. и до петровского времени (Д. С. Бабкин отмечал лишь 9). Можно предположить, что она была основным, если не единственным, школьным руководством по красноречию на русском языке вплоть до конца XVII в., когда появились риторики А. Х. Белобоцкого, Софрония Лихуды и др. «Риторика» получила распространение к северу от Москвы — местами создания и бытования списков являлись Новгород, Ярославль, Соловецкий монастырь, Каргополь, Коряжемский монастырь. Скорее всего, памятник исходит из Москвы, как показал анализ наиболее ранних списков. Конвой «Риторика» составляют школьные руководства XVII в. («Диалектика» Иоанна Дамаскина, грамматика, «Азбуковник» и т. д.). Тексту учебника были позднее предпосланы три предисловия. Это, во-первых, похвала риторике из «*Сказания о семи свободных мудростех*», неосновательно приписанная Д. С. Бабкиным Ивану Козыреву. Два других предисловия, написанные специально для данного сочинения, причем второе с рифмами в начальной части (1 — «Ознаменованье или приказнь риторики», аллегорическое изображение частей риторики; 2 — «Предисловие», нач.: «Аз есмь риторика доброглаголиваго и яснозрительнаго разумения...»), Д. С. Бабкин атрибутирует Феодору, чье имя читается в нескольких списках «Риторика» М. Выявляется текстуальная связь первого предисловия-похвалы с начальными статьями «Риторика». Наиболее ранняя редакция «Риторика» М. сохранилась в единственном списке от марта 1620 г., затем по тексту латинского или польского источника была сделана 1-я стилистическая редакция с правкой отдельных слов и, наконец, в январе 1622 г. была сделана 2-я пространная редакция, поясняющая трудные статьи текста. Имеются два черновика последней редакции, выполненные, видимо, учителем-дидакалом, работавшим с коллективом писцов: вначале писцы по главам переписывали текст, редактор-дидакал был рядом и делал пространные приписки на полях и в самом тексте (ГИМ, собр. Щукина, № 941), а затем составил конспект «Риторика», список переведенных греческих терминов и переписал ряд статей из первого черновика (ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 110/110, л. 350—368). Содержание и стиль пространных дополнений редактора позволяют высказать предположение, что он мог быть и автором первоначального перевода с латинского или польского оригинала. По мнению Д. С. Бабкина (к которому присоединился В. П. Вомперский), на основе «Риторика» М. в конце XVII в. был создан новый вариант учебника, составителем которого ученый считал М. И. Усачева.

«Риторика» М. состоит из двух книг («О изобретении дел», «О украшении слова») и содержит разветвленную и сложную систему терминов и практические рекомендации к построению различных речей. Подавляющее большинство терминов с этим памятником впервые вошло в русскую филологическую науку. «Риторика» издана Р. Лахман фототипически по списку В. М. Ундольского.

Соч.: ААЭ, СПб., 1836, т. 3, № 108, с. 147—149; № 169, с. 247—248; ДАИ, СПб., 1846, т. 2, № 30, с. 55—56; Вомперский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970, с. 184—187; Die Makarij-Rhetorik («Knigi sut' ritoriki dvoï po tonku v voprosach spisany...»). Von R. Lachmann. Rhetorica slavica, Bd I. Köln; Wien, 1980 (Slavistische Forschungen, Bd 27/1).

Лит.: Востоков. Описание, с. 238—239; Филонов А. Г. Русские учебники по теории прозаических сочинений. — ЖМНП, 1856, № 4, с. 9—24; Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стб. 36, 63, 731; Соболевский. Переводная литература, с. 118—120; Бабкин Д. С. Русская риторика начала XVII в. — ТОДРЛ, М.; Л., 1951, т. 8, с. 326—353; Вомперский В. П. Русские риторик XVII века. — Русская речь, 1969, № 2, с. 17—24; Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 250—251; Понырко Н. В. Учебники риторики на Выгу. — ТОДРЛ, Л., 1981, т. 36, с. 157; Буланина Т. В. Издание первой русской риторики. — РЛ, 1981, № 4, с. 234—237; Аннушкин В. И. 1) Композиция и терминология первой русской «Риторики». — В кн.: Риторика и стиль. М., 1984, с. 42—68; 2) О словесных разночтениях в ранних списках «Риторики» начала XVII века. — В кн.: Роль слова в стихе и прозе: (Материалы конференции). М., 1983, с. 8—9.

В. И. Аннушкин, Т. В. Буланина

Мардарий Хоников (Хоников) (2-я половина XVII в.) — монах, поэт, служащий Печатного двора в последней четверти XVII в. Он принадлежал к кругу хорошо образованной служилой московской интеллигенции, знал латынь и греческий, входил в корпорацию поэтов-профессионалов конца XVII в., отличительной особенностью которых является, как правило, монашеский чин, личные, родственные или служебные связи, близость ко двору. Происхождение М. нам неизвестно, скорее всего он, как и его сослуживцы, выходец из низов. По указу царя *Федора Алексеевича* и патриарха *Иоакима* он 11 декабря 1676 г. значится чтецом Печатного двора и книгохранителем библиотеки с окладом в 4 рубля, который в 1679 г. повышен до 10 рублей. Это, вероятно, связано с постройкой в 1679 г. для Типографской библиотеки нового здания, куда было перемещено все книжное собрание Печатного двора. При этом книгохранитель М. проделал большую работу по приведению библиотеки в порядок: скопированы опись 1677 г. и старые отчеты, изготовлены и наклеены на корешки ярлыки с названием рукописей и печатных изданий, книги закреплены за Типографской библиотекой пометой «Казенная». В сентябре 1680 г. М. назначен справщиком с окладом в 35 рублей, за ним же сохраняется должность библиотекаря с окладом в 6 руб. С 1682 по 1684 г. он только справщик и получает 40 рублей. В 1684 г. М. вместе с *Сильвестром Медведевым* и *Карионом Истоминым* был в числе справщиков, не допущенных к подготовке издания 12-томных служебных миней, а занимающихся текущей работой. В 1685 г. имя М. исчезает из документов.

М. — автор силлабических стихов на библейские сюжеты. Стихи написаны для гравюр библии Николая Пискатора, известной на Руси в издании 1650 г., но особенно распространенной в издании 1674 г. Частично это перевод латинских стихов, сопровождавших гравюры, частично собственное сочинение М. Так, нет латинских стихов к картишкам Апокалипсиса и ко многим сюжетам Нового завета; в этих случаях М. составлял вирши сам. Имя автора стихов и время их сочинения известны из обращения к читателю, представляющего собою акrostих: «Монах Мардарий Хоников Трудился», откуда почерпнуто было прозвище «Хоников» вместо «Хоников» — в акrostихе невозможно было начать строфу с буквы «Ы». В этом же обращении говорится, что «понутил» М. к работе некто

Афанасий Иванович Федосиев и окончена она была в 7187 (1679) г. Грандиозный труд М. состоит из 3824 одиннадцатисложных стихотворных строк, рифмованных попарно и, как правило, имеющих глагольную рифму. Под каждой картинкой помещено разное количество строк, от четырех до двадцати.

Произведение М. относится к культуре московского барокко. Особенность стихов в их тесной связи с иллюстрациями, довольно сложные сюжеты которых они разъясняют и истолковывают. Гравюры библии Пискаatora, созданные по картинам фламандских и голландских мастеров XVI в. в стиле итальянского ренессанса и готического барокко, были новым художественным явлением для русских книжников и тем не менее оказали большое влияние на последующее развитие иллюстрации и фресковой живописи. Заглавие библии Пискаatora, начинающееся словами «Theatrum Biblicum, hoc est historiae veteris et novi testamenti tabulis aeneis expressae», в русских рукописях переведено как «Зрелище сие есть книг божественных, ветхих и новых повестей священных». Произведение М. перекликается с целым рядом памятников 70—80-х гг. XVII в. — книгами стихов Симеона Полоцкого с их «театром вещей», «Зрелищем жития человеческого» — баснями Эзопа, переведенными А. Виниусом с иллюстрированного пражского издания «Theatrum mundi». Гравюры библии со стихами М. можно поставить рядом с пышно иллюстрированными книгами, созданными в Посольском приказе, — «Титулярником», «Книгой об избрании на царство Михаила Федоровича», «Василиологионом», «Хрисмологионом», «Книгой о сивиллах», «Книгой избраной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» (см. Николай Спафарий). Все эти книги объединяет их зрелищность, они рассчитаны на зрительное восприятие, что отражается в иллюстрациях, в тексте, в шрифтовом орнаменте. С другой стороны, познавательнo-дидактическая роль стихов предопределяла их конкретность, простоту, приводила к тому, что автор не применял отвлеченных понятий, не пользовался высокопарными оборотами.

Рукописей со стихами М. насчитывается не более десятка. Они существуют как подписи под гравюрами библии Пискаatora или собраны в сборники без иллюстраций. М. Соколов, первый исследователь стихов М., знал рукопись, ныне утраченную, петровского времени из частного собрания И. Н. Михайловского в Нежине. По-видимому, стихи М. в библии Пискаatora Устюжского собрания видел А. И. Шляпкин (Шляпкин А. И. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. — ПДП, 1898, т. 128, с. 1). А. И. Успенский опубликовал стихи М. по рукописи псковского происхождения из Рижского церковно-археологического музея. Списки стихов М. в библии Пискаatora см.: ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, доп. собр., № 370 (К₉) (экземпляр, принадлежавший патриарху Адриану); Гос. Публичная историческая библиотека, ОРК, № 178 (стихи к Ветхому завету); БАН, собр. Никольского, № 350, 351; Библиотека Академии художеств (Ленинград), Д. 607, 608 (стихи к Апокалипсису). Сборники без иллюстраций см.: БАН, 25.7.13; ГПБ, Q.XVII.210; ЛГУ, ОРК MsE II 67 — все начала XVIII в. См. также: ГБЛ, Музейное собр., № 705.

Соч.: Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. М., 1913, т. 1, с. 276—280, Прил., с. 1—51; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. 2-е изд. Л., 1970, с. 22, 179—183.

Лит.: Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881, кн. 3, с. 259—268, 277—281, 307—310, 319—323, 340, 353—355, 388—389, 527, № 811, 819, 840, 861, 876, 912, 996, 1317—1320; Мансветов И. Как у нас правилась церковные книги: Материал для истории книжной справы в XVII столетии. (По бумагам архива Типографской библиотеки в Москве). М., 1883, с. 28; Соколов М. Славянские стихи монаха Мардария Хоникова к лицевой библии Пискаatora. — Археологические известия и заметки, 1895, № 9—10 (отд. оттиск: М., 1895); Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899, с. 157, примеч. 2; с. 163—165,

примеч. 2; Успенский А. И. «Страсти Христовы» — иконы из иконостаса Смоленского собора Новодевичьего монастыря. — Московские церковные ведомости, 1901, № 36, с. 416—418; Браиловский С. Н. Один из пестрых XVII столетия. СПб., 1902, ч. 1, с. 30, 32, 33, 35; Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916, с. 16; ИРЛ I. М.; Л., 1948, т. 2, ч. 2, с. 361; Кудрявцев И. М. «Артаксерксово действо» — первая пьеса русского театра XVII в. — В кн.: Артаксерксово действо. М.; Л., 1957, с. 36—38; Панченко А. М. 1) О русском литературном быте рубежа XVII—XVIII вв. — ТОДРЛ, Л., 1969, т. 24, с. 267—271; 2) Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 116, 121—122, 138, 146, 150; Мартынов И. Ф., Кукушкина Е. Д. Забытые тексты русской силлабической поэзии XVII в. — В кн.: Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1975 г. М., 1976, с. 44—47; Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв.: (Греческие рукописи в России). М., 1977, с. 166—174; Белоброва О. А. К истории библиотеки патриарха Адриана. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 33, с. 411—412.

Г. А. Богуславский, М. Д. Каган

Марина (в миру Марфа Лукина) (1-я половина XVIII в.) — старица, выговская старообрядка, автор силлабического плача на смерть *Андрея Денисова*. О старице М. имеются сведения в «Истории Выговской пустыни» *Ивана Филиппова*. М. играла одну из видных ролей в Выго-Лексинском монастыре, куда, по словам Ивана Филиппова, «еще в первых letech прииде». Она была келейницей Андрея Денисова. После смерти Андрея Денисова, во время правительственного следствия над Выговской пустынью по доносу Круглого (1738—1744 гг.), М. ездила в Петербург с челобитием от выговцев к императрице. Это путешествие она предприняла по собственной инициативе, вопреки решению руководителей общежительства, колебавшихся, как поступить в этом случае. Старица «уехала из монастыря тайно, и в погоню были за ей посланы, чтоб уговаривать». «История пострадавших отец Филиппа и Терентия» (повествующая о событиях 1737—1742 гг. — об отделении от Выговского общежительства толка филипповцев и самосожжении их во главе со старцем Филиппом) называет М. «старицей-большухой».

Плач М. известен в двух вариантах — пространным и кратком. Краткий вариант образует акrostих «Печаль сокрушает мя». Пространный — добавляет к краткому еще 40 строк, но не продолжает акrostиха, он снабжен в разных списках разными вариантами заглавия: «Стих печаль поет постница Марина, отцеви плачь глашает зде едина», «Стих печальный поет постница Марина в печали», «Стих плачевный по Андрее Дионисиевиче». Перечень списков плача дан в книге В. Г. Дружинина.

Соч.: Понырко Н. В. Выговское силлабическое стихотворство. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 29, с. 278, 282—283.

Лит.: История Выговской старообрядческой пустыни / Изд. по рукописи Ивана Филиппова. СПб., 1862, с. 359, 386—388; Яковлев Г. Извещение праведное о расколе беспоповщины. — Братское слово, М., 1888, № 7, с. 473; Дружинин. Писании старообрядцев, с. 131—132; Демкова Н. С., Ярошенко Л. В. Малоизвестное старообрядческое сочинение середины XVIII в. «История пострадавших отец Филиппа и Терентия». — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972, с. 182.

Н. В. Понырко

Маркел (XVII в.) — чернец (или старец), писец Посольского приказа; в 1672 г. переписывал подносные экземпляры сочинений *Николая Спафария* и *Петра Долгого*: «Книга избранная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» (ГИМ, Синодальное собр., № 527) и «Хрисмологон» (ГИБ, Эрмитажное собр., № 27). По мнению И. А. Шляпкина и К. В. Харламповича, тот же М. в 1679—1680 гг. являлся архимандритом Свенского Успенского монастыря, в 1680—1681 гг. — епископом суздальским, с 1681 г. — митрополитом псковским, с 1690 г. — митрополитом казанским. Умер М. в 1698 г.

М. был хорошо образован, он знал латинский, французский, итальянский языки. К нему был расположен Петр I, который даже пытался вы-

двинуть в патриархи в 1690 г. не *Адриана*, а М. Противодействие этому оказал *Игнатий*, архимандрит Московского Новоспасского монастыря, обвинивший М. в ереси.

Лит.: ДАИ, СПб., 1857, т. 6, с. 190—199; Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стб. 287, 384, 656, 907; Шляпкии И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 г.). СПб., 1891, с. 167—168, 170, 270; Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914, с. 255—256, 433—434; «Артаксерсово действо»: Первая пьеса русского театра XVII в. / Подгот. текста, статья и коммент. И. М. Кудрявцева. М.; Л., 1957, с. 96—97, рис. 4; Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века). — В кн.: Книга. Исследования и материалы. М., 1963, сб. 8, с. 179—244.

О. А. Белоброва

Маркелл (XVI в.) — игумен Хутынского монастыря, автор *житий Саввы Сторожевского и новгородского епископа Никиты*. Отрывочные биографические сведения о М., ограничивающиеся несколькими годами, имеются в летописях и в его собственных произведениях. Известность его в середине XVI в., по всей видимости, была определена интересом к нему митрополита Макария как к писателю-агиографу. Сам М. сообщает, что он «повинуящися повелению» Макария написал *Житие Саввы Сторожевского* (не позднее 1552 г.), которое включили в Успенский и Царский списки *Великих Миней Четьих*. М. называет себя «многогрешным иноком», но был ли он в это время иноком Сторожевского монастыря, остается неизвестным, в *летописи Новгородской II* сделана неясная запись, по которой можно предположить его связь с Пафнутьево-Боровским монастырем (ПСРЛ, СПб., 1841, т. 3, с. 157, примеч. «и»). Вскоре он становится игуменом Новгородского Варлаамо-Хутынского монастыря (в 1551—1552 гг. игуменом был Гурий Коровин). Видимо, М. занял влиятельное положение при новгородском архиепископе Пимене. Вместе с ним в 1555 г. он участвовал в церковном поставлении архиепископа Гурия в Казань (ПСРЛ, СПб., 1914, т. 13, с. 250) и вместе с ним вернулся из Москвы в Новгород. Последнее известие о М. зафиксировано в летописи Новгородской II, где он ошибочно назван Мартирием (ПСРЛ, т. 3, с. 157). В 1557 г. М. оставил игуменство и поселился в Антониеве монастыре, где он прожил 6 месяцев и «сотворил» «житие Никите епископу новгородскому и канун», после чего уехал в Москву (там же, с. 158). О дальнейшей его судьбе ничего неизвестно.

Житие Саввы Сторожевского М. написал по поручению митрополита Макария, к которому с просьбой обратились монахи Сторожевского монастыря («умолену бывшию отцы обители оная»). На скудость полученных фактических сведений указывает в своем произведении сам автор: «Мы же о рождении и о въспитании его не обретохом, токмо о пребывании его во мнишестве изыскавше, въкратце написахом» (ВМЧ, декабрь, с. 68). Источниками и образцом для описания жизни Саввы в монашестве послужили *жития Сергия Радонежского* и ученика его *Никона*. Следует обратить внимание на включение в текст *Жития Саввы* рассказа о победе князя Георгия Дмитриевича Звенигородского над болгарскими татарами и о разорении Казани. Эта тема была злободневной в то время, когда создавалось *Житие*. *Житие* сопровождается чудесами, которые составлены были, видимо, со слов монахов монастыря. Описанные события в них начинаются со времени игуменства Дионисия (1490 г.), кончаются временем игуменства Арсения (1543—1549 гг.). Как уже упоминалось, *Житие* епископа Никиты М. написал в Антониеве монастыре, видимо в начале 1558 г. (во всяком случае до открытия его мощей 30 апреля 1558 г., так как об этом событии в *Житии* ничего не сказано). Как и в случае с *Житием Саввы Сторожевского*, М. обнаружил литературную осведомленность, хотя и не отличался творческой индивидуальностью.

Содержание написанного им Жития основано на Сказании *Поликарна*, помещенном в *Киево-Печерском патерике*. После известий о затворничестве Никиты в Житии рассказано об избрании его епископом новгородским и о его чудесах. Житие завершается похвальным словом святому. После редакции М. в XVI в. было написано еще три редакции Жития Никиты (авторы *Иосаф*, игумен Данилова монастыря, *Василий-Варлаам*, *Зиновий Отенский*).

Житие Никиты не опубликовано (рукопись ГИМ, собр. Барсова, № 114 (XVI в.) и ГПБ, собр. Софийское, № 1492 (XVI в.)). М. известен еще как знаток крюкового пения (Филарет. Обзор, с. 154—155).

Соч.: Житие Саввы Сторожевского; ВМЧ, декабрь. М., 1901, с. 67—84.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 248, 264—265; Макарий. История русской церкви. 2-е изд. СПб., 1881, т. 7, с. 429—431; Барсуков. Источники агиографии, с. 391, 476—477; Строев. Словарь, с. 208—209.

Р. П. Дмитриева

Мелетий (в миру Максим Герасимович Смотрицкий) (1577—1633) — белорусско-украинский писатель-полемист, видный ученый, общественно-политический и религиозный деятель. Родился в семье каменецкого писаря, позднее ректора Острожской коллегии, писателя-полемиста Герасима Даниловича Смотрицкого в местечке Смотрич на Подолье. Первоначальное образование получил под непосредственным руководством отца и грека Кирилла Лукариса, впоследствии константинопольского патриарха. После смерти отца для продолжения образования был послан князем Константином Константиновичем Острожским на философский факультет Виленской иезуитской академии, где учился в 1594—1600 гг. (по другим данным — в 1601—1604 гг.). С 1601 г., после *Лаврентия Зизания*, становится духовным наставником молодого белорусского князя Богдана Богдановича Соломерецкого. Вместе с ним отправился в Западную Европу для усовершенствования образования в Лейпцигском и Виттенбергском университетах, где тогда господствовали идеи Лютера, Кальвина, Цвингли. Посетил также города Вроцлав, Бюрдбург и др. Вернувшись в 1607 г. на родину, М. некоторое время провел в имении Соломерецкого около Минска, где, как свидетельствует Якоб Суша, пользовался огромным авторитетом у простого народа, который «стекался к нему как к оракулу». Около 1608 г. М. отправился в виленское православное братство при монастыре Святой Троицы, где в то время находился один из центров православной оппозиции наступающей контрреформации. Здесь он познакомился с одним из выдающихся деятелей белорусской культуры — писателем-полемистом, позже архимандритом Виленского монастыря Святого Духа Леонтием Карповичем, стал его верным соратником.

О начале литературной деятельности М. достоверных сведений пока не найдено. Многие дореволюционные и некоторые советские исследователи относят его к концу 90-х гг. XVI в. Первым печатным произведением М., которое дошло до нашего времени, является «Антиграфи» (1608 г.; здесь и далее указываются даты издания сочинений М.) — сочинение, направленное главным образом против книг Ипатия Поцея «Еретизм» и «Гармония», в которых униатский митрополит доказывал необходимость объединения православной и католической церквей. Полемизируя с Ипатием Поцеем по вопросам теологии, М. одновременно обогатил проблематику и тематику церковно-полемической публицистики, поднял ее на качественно новый уровень.

Через два года под вымышленным именем Теофила Ортолога в братской типографии была напечатана еще одна книга М. — «Фринос» («Лямент»), т. е. «Плач восточной церкви». Появление книги, указывавшей на мрачные перспективы церковной унии для русского народа в тот момент, когда король Речи Посполитой Сигизмунд III Ваза добивался избрания на московский престол королевича Владислава, нанесло тяже-

льный удар по планам польской магнатории. «Фринос» является одним из шедевров белорусско-украинской литературы барокко. М. от имени плачущей матери-церкви, символизирующей угнетенную родину, призывал к консолидации сил народов Белоруссии и Украины в борьбе с наступающим католицизмом. О высокой эрудиции М. свидетельствуют цитаты из Иеронима Пражского, Евфимия Флорского, Яна Жерсона, Себастьяна Мюнстера. М. показал себя отличным знатоком гуманистической литературы Западной Европы: во «Фриносе» широко цитируются произведения Петрарки, Монтуана, Гараизы. В сочинении М. имеются ссылки на 143 авторов. М. одним из первых перевел на польский язык сонет Петрарки «Папскому двору в Риме». Ответом на «Фринос» М. явились полемические произведения Петра Скарги («Предостережение на трены и плач Теофила Ортолога...», 1610 г.) и Ильи Мороховского («Парегория...», 1612 г.). Около 1615 г. М. написал на польском языке «Трактат об исхождении Святого Духа», а также «Палинодию». Оба произведения не были напечатаны, и до сих пор неизвестно, где находятся их рукописи.

Примерно с 1615 по 1617 г. М. находился в Киеве; в 1617 г. возвратился в Вильну, был учителем в местечке Еве (теперь Вевис) недалеко от Вильны, преподавал там «свободные науки» и славянский язык. В этом же году М. был пострижен Леонтием Карповичем. С 1618 по 1620 г. он был ректором в Киевской братской школе. Итогом педагогической деятельности М. была напечатанная в 1619 г. в Еве «Грамматика славенския правильное синтаagma». Эта книга обессмертила его имя как выдающегося ученого не только в славянском мире, но и во многих странах Западной Европы. М. впервые в истории славянской языковедческой науки дал исчерпывающие для того времени толкования основных четырех частей грамматики — орфографии, этимологии, синтаксиса и просодии. Созданием научно систематизированной грамматики М. нанес решительный удар по проводникам экспансионистских идей Ватикана, отрицавшим всякую возможность развития науки и литературы на славянском языке.

В писательской деятельности М. особенно плодотворными были годы 1620—1623. Во второй половине 1620 г. иерусалимский патриарх Феофан вновь учредил православную митрополию в Речи Посполитой. Православным митрополитом стал Иов Борецкий, а М. получил титул полоцкого архиепископа и епископа витебского и мстиславского. 2 ноября 1620 г. М. произнес в Вильне поминальное слово при погребении Карповича, изданное под названием «Казанье на честный погреб... господина Леонтия Карповича» (1620 г.). Кроме «Казанья на честный погреб» и грамматики М. принадлежат эпиграмма на герб Соломерецких и предисловие к Евангелию учительному патриарха Каллиста (1616 г.). Остальные произведения М. написаны на польском языке, изданы готическим шрифтом и изобилуют макаронизмами. Дважды, в апреле и июне 1621 г., М. издал «Оправдание невинности...», на которое униатский митрополит Иосиф Вельямин Руцкий ответил «Двойною виною» с «Дополнением». В том же году М. написана и издана «Защита оправдания», на которую униаты тотчас же ответили «Испытанием защиты». Со стороны М. следует «Обличение» (1622 г.). А. Селява своим «Антиэленхусом» закончил литературную полемику между двумя оппозиционными партиями начала 20-х гг. XVII в.

Одновременно М. принимал активное участие в общественно-политической жизни страны. Его послания с призывами к защите веры, народности расходились по всей территории Великого княжества Литовского. Послания М. 1621—1622 гг. сыграли немаловажную роль в народных выступлениях в Витебске, Могилеве, Полоцке. М. является также автором «Юстификации» (1623 г.) и соавтором «Супликации» (1623 г.), адресованных сенату и королю, — обе они явились своеобразным продолже-

нием известной речи на сейме 1620 г. Лаврентия Древинского в защиту православных Белоруссии и Украины.

12 ноября 1623 г., когда жители Витебска, доведенные до отчаяния античеловеческими действиями униатского архиепископа Иосафата Кунцевича, расправились с ним и бросили его тело в Двину, М. был объявлен главным виновником «пролитой крови Иосафата». Напуганный народными выступлениями, в конце 1623 г. он навсегда покинул Вильну.

С 1624 по 1625 г. М. находился на Ближнем Востоке. В 1627 г. он тайпо перешел в униатство, подтвердив это письмом к Александру Заславскому и посланиями в Рим. В это же время М. работал над «Апологией» (1628 г.), где он не только отрекался от своих доуниатских произведений, но и осудил деятельность Стефана Зизания, Христофора Филалета, клирика Острожского и других православных писателей-полемистов. Кроме «Апологии» в униатский период деятельности М. созданы «Протестация» (1628 г.), «Паренезис» (1629 г.), «Экзетезис» (1629 г.). Православный мир с возмущением встретил униатские произведения М., осудил их не только в публичных ответах — «Аполии апологии...» (1628 г.), «Антидотуме» Андрея Мужилковского (1629 г.), «Антапологии» Гелассия Дмплица (Евстафия Киселя, 1631 г.) и др., но и в личной переписке.

Человек «барочного» типа мышления, М. многое сделал для становления и развития стиля барокко в литературе Белоруссии и Украины. Его произведения, их стиль стали примером для Леонтия Карповича, Захария Копыстенского, Андрея Мужилковского и других писателей-полемистов. Творения М. цитировались, как самые авторитетные, наряду с произведениями Иоанна Златоуста. Более двух столетий «Грамматика» М. была одним из самых авторитетных учебников по славянскому языкознанию, с некоторыми изменениями она дважды (1648, 1721 гг.) издавалась в Москве. В Голландии Илья Копиевич издал выдержки из «Грамматики» М. под названием «Руководение в грамматику во славяно-российскую» (1706 г.). «Грамматика» М. оказала значительное влияние на создание грамматик Г.-В. Луддольфа (1696 г.), Ф. Максимовича (1723 г.), В. Адогурова (1731 г.). В XVIII—первой половине XIX в. «Грамматика» М. служила образцом для создания сербской, хорватской, румынской и болгарской грамматик. По преданию, М. В. Ломоносов назвал «Грамматику» М. наряду с «Арифметикой» Леонтия Магницкого «вратами своей учености». См.: Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, т. 1, с. 178—179; Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910, вып. 1, с. 31; Німчук В. В. Грамматика М. Смотрицького — перлина давнього мовознавства. — В кн.: Мелетій Смотрицький. Грамматика, с. 105.

Соч.: 'Αντιγραφὴ або Odpowiedź na script uszczypliwy .. któremu tytuł Heresiaе, Ignoranciae... Tak też y na książce... Harmonia... W Wilnie, 1608 (перепечатано: РИБ, Пр., 1903, т. 19, кн. 3, стб. 1149—1300); Ὁρθὴς τοῖς ἰερεῦσι Lament iedyney ś. Powszechny Apostolskiej Wschodniej Cerkwie, z objaśnieniem dogmat wiary. Pierwicy z greckiego na słowiński, a teraz z słowińskiego na polski przełożony przez Theophila Orthologa... W Wilnie, 1610; Грамматики славенския правильное сиптагма... Еве, 1619 (переиздания: Wilno, 1629; М., 1648, 1721; Rymnik, 1755; Німчук В. В. Мелетій Смотрицький. Грамматика. Київ, 1979 (с фототипическим воспроизведением 1-го издания 1619 г.)); Казань на честный погреб... отпа Леонтия Карповича... Вильно, 1620; Verificatia niewinności y omylnych po wszystkiey Litwie y Białey Rusi rozśianych, żywot y uczciwecnego narodu ruskiego o upad przuypawie zrzadzonych powin... Wilno, 1621 (перепечатано: Архив Юго-Западной России. Киев, 1887, ч. 1, т. 7, с. 279—334); Obrona Verificaciey od obrazu maiestatu krola iego milosci... W Wilnie, 1621 (перепечатано: Архив Юго-Западной России, ч. 1, т. 7, с. 345—442); Elenchus pism vszczypliwych... W Wilnie, 1622 (здесь же: Appendix na Examen Obrony Verificaciey; перепечатано: Архив Юго-Западной России, ч. 1, т. 7, с. 511—532); Iustificacia niewinności... [Kiiew], 1623 (перепечатано: Архив Юго-Западной России, ч. 1, т. 7, с. 511—532); Supplicacia do przeoswieconego y iasnie wielmożnego... senatu... s. 1, 1623; Protestatia przeciw soborowi w tym roku 1628... w Kiowie... obchodzonymu... Lwów, 1628; Apologia peregrinatiey do krajow wschodnych... We Lwowie, 1628 (перевод в кн.: Кирилло-Мефодиевский сборник. Leipzig; Paris, 1863, вып. 1);

Paraenesis, abo Napomnienie, od w Bogu wielebnego Meletiusza Smotryskiego... W Krakowie, 1629; Exethesis abo Expostulatia, to iest rosprowa miedzy Apologią y Antidotem o ostanek błędow haerezy y kłamstw Zyzaniowych, Philaletowych, Orthologowych y Klerykowych uczyniona. We Lwowie, 1629.

Лит.: Kortiscius—Widok Woyciech. Potyczki wygraney zawodu dopiedzqnego wiary dotrzymaney od przewielebnego w Christusie iego mości oycza Meletiusa Smotryckiego. Wilna, 1634; Susza Jakob. Saulus et Paulus Ruthenae unionis sanguine beate Josaphat transformatus, sive Meletius Smotriscius. Romae, 1666; Bruxelles, 1864; Филарет. Обзор, с. 184—186; Еленевский К. Мелетий Смотрицкий. — ПО, 1864, № 6—8, с. 111—150, 272—298, 422—454; Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Киев, 1883, т. 1, с. 80—240; Засадкевич Н. Мелетий Смотрицкий как филолог. Одесса, 1883; Осинский А. С. Мелетий Смотрицкий, архиепископ полоцкий. Киев, 1912; Прокошина Е. С. Мелетий Смотрицкий. Минск, 1966.

В. Г. Короткий

Митуса — певец или сказитель-поэт первой половины XIII в. В рассказе Галицко-Волынской летописи (см. *летопись Ипатьевская*) о междоусобной борьбе начала 40-х гг. XIII в. за галицкий стол Даниила Романовича и его брата Василька с племянником Ростиславом (сыном Михаила Черниговского, который был женат на сестре Даниила и Василька) есть такой эпизод. Сторонником Ростислава был перемышльский епископ, в Перемышле находился во время этих событий и союзник Ростислава — рязанский боярин Константин. Выбив из Галича Ростислава, Даниил послал войско под предводительством дворского Андрея на Перемышль. Боярин Константин бежал со своими силами из города. Дворский Даниила Андрей занял Перемышль и обрушил свой гнев на перемышльского епископа и его свиту. Он «слуги его (епископа, — Л. Д.) разъграби гордые, и тулы их бобровые раздра и прилбичѣе (прилобья шлемов) ихъ волчьѣе и боръсуковые раздраны быша. Словутного (знаменитого) пѣвца Митусу, древле (когда-то, раньше, до этого) за гордость не восхотѣста служити князю Данилу, раздраного, акы связаного приведоша (ограбленного привели как узника)» (ПСРЛ, СПб., 1908, т. 2, стб. 794).

Это сообщение летописи давно заинтересовало исследователей, однако до сих пор вопрос о том, как следует толковать в данном контексте термин «певец», по существу, остается открытым. Кто имеется в виду — писатель, сказитель-поэт типа *Бояна* или же певец в современном значении этого слова? Многие исследователи не сомневаются, что речь здесь идет о писателе-поэте. Л. В. Черепнин, рассматривая вопрос об источниках Галицко-Волынской летописи, считает, что борьбе Даниила за Галицкое княжение с местным боярством была посвящена специальная повесть, которую Черепнин условно называет Второй галицкой повестью и определяет ее как острый памфлет. Повесть эта, по его мнению, была составлена между 1238—1245 гг. и представляла собой «публицистическое произведение, выпшедшее из княжеского окружения... О том, что Даниил действительно ставил перед собой задачу литературной полемики со своими политическими противниками, достаточно говорит его расправа после взятия Перемышля в 1243—44 гг. с певцом Митусом, не пожелавшим поставить свою лиру на службу княжеских интересов» (Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого, с. 251).

В. Т. Пашуто считал М. придворным поэтом перемышльского епископа (см.: Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, с. 227). Однако еще в 1861 г. М. А. Максимович писал: «Не знаю, кому первому из русских ученых принадлежит мнение, давно принятое многими, что словутный певец Митуса, упоминаемый Волынской летописью под 1241 годом, был песнотворец, подобно Бояну и певцу Игоря Святославича (т. е. автора «Слова о полку Игореве», — Л. Д.). Но из сказания Волынской летописи напрасно, мне кажется, выведено такое заключение; скорее следовало принять, что упомянутый Митуса (т. е. Дмитрий, — Л. Д.) был знаменитый в свое время церковный пе-

вец, принадлежавший к певчим владыки перемышльского, но не хотевший прежде поступить в певчие князя Даниила Романовича» (Максимович М. А. Собр. соч., т. 1, с. 129).

Останавливаясь на этимологии имени Митуса, один из исследователей писал, что это имя «образовалось от нарицательного, а не от „Димитрий“... „мытуса“ — суетливый, непоседа, егоза» (Крымский А. Е. Филология и погодинская гипотеза. Киев, 1904, с. 45). Этимология имени Митуса дала основание Н. П. Сидорову связать это имя с термином «митуспевание», которым обозначалось антифонное пение в церкви на два клироса. Проанализировав характер записи о М. в летописи, рассмотрев все существующие на этот счет гипотезы, Н. П. Сидоров приходит к выводу, что «в лице „словутного певца“ Митусы мы имеем не поэта, слагателя славных песен, а придворного, может быть, владычного певца. Вопрос о стремлении Даниила привлечь к себе знаменитого («словутного») певца получит, пожалуй, большую ясность, если мы вспомним, что Даниил строит новый, свой собственный город Холм (основан в конце 30-х годов XIII в., т. е. перед 1241 годом), куда переносит центр религиозной жизни и где строит для этого храм» (Сидоров Н. П. К вопросу об авторах..., с. 174).

Историки церковного пения (В. Металлов) считают М. церковным певцом, ряд филологов (И. В. Ягич, И. И. Срезневский) оставляют вопрос открытым; возможно, что М. был поэтом, писателем, но столь же вероятно видеть в нем церковного певца. Писатель А. К. Югов, сторонник галицко-волинского происхождения «Слова о полку Игореве», считал, что М. был автором «Слова» (см. Автор «Слова о полку Игореве»). Скольких быдудеских аргументов в пользу своей гипотезы Югов не привел. Не случайно Б. А. Рыбаков по поводу статьи А. К. Югова замечает: «Статья изобилует историческими ошибками и написана неубедительно» (Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 394). Аргументированное опровержение гипотезы Югова дано в статье Н. П. Сидорова.

Лит.: Максимович М. А. Заметка о словутном певце Митусе. — Основа, 1861, июнь (перепечатано: Максимович М. А. Собр. соч. Киев, 1876, т. 1, с. 129—130); Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. — ИЗ, 1941, № 12, с. 228—253; Югов А. К. Историческое разыскание об авторе «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве. Пер. и коммент. А. Югова. Л., 1945, с. 171—179 (перепечатано в кн.: Слово о полку Игореве. Пер., коммент. и статьи А. Югова. М., 1970, с. 205—213); Сидоров Н. П. К вопросу об авторах «Слова о полку Игореве». — В кн.: Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950, с. 164—174.

Л. А. Дмитриев

Невежин Иван Андроников (XVI—начало XVII в.) — русский типограф, мастер печатного дела. Впервые имя Н. упомянуто в послесловии к Часовнику (27 VII 1598), изданному его отцом *Андроником Тимофеевым Невежей*. Видимо, уже в конце 90-х гг. XVI в. Н. является активным помощником отца, а затем после 1602 г. становится во главе типографии. В 1603—1611 гг. он выпустил в Москве семь изданий: Триодь цветную (30 VIII 1604), Апостол (18 III 1606), Триодь постную (28 II 1607), минеи на сентябрь (31 XII 1607), октябрь (23 IX 1609), ноябрь (17 IX 1610) и декабрь (1610/1611) (издание неоконченное).

Положение руководителя обязывало Н. заботиться не только об административной стороне книгоиздательского процесса, но и о технической: принимать деятельное участие в самой подготовке текста к изданию, заниматься редакционно-эдиторскими вопросами, созданием прообраза (макета) будущей книги, изготовлением шрифтов, заставок, концовок и других орнаментальных материалов. Можно с достаточной определенностью утверждать, что он является автором или одним из авторов послесловий и предисловий к своим изданиям, отдельные из которых,

например послесловие к сентябрьской минее, могут рассматриваться и как своеобразные трактаты эстетико-философского плана, раскрывающие перед читателями позицию автора, вводящие их в мастерскую «творцов красоты слова». Известно 6 послесловий и одно предисловие, автором которых мог быть Н. Не исключена возможность, что он принимал участие в составлении и редактировании книг годового круга служебных миней, из которых им были напечатаны только книги первой четверти года и частично минея на декабрь. Судя по размаху работы, подготовка к печати этого объемного, многотомного издания — первого в истории не только русской, но и всей кирилловской книжности — явилась значительным культурным предприятием своего времени. Тексты миней не только сверялись и правились по многим спискам, но в их корпус вводились и новые литературные памятники — русские по своему происхождению (например, Служба Сергию Радонежскому и др.).

Учитывая все это, а также интернациональное значение русской книжности, в том числе и печатной, широко расходившейся по славянским землям и на Балканах, Н. имел право вполне осознанно рассматривать свою миссию русского типографа как проводника «луча света всемирного просвещения» (см.: Минея на сентябрь. М., 1607, л. 327). Работа по изданию миней приостановилась в 1610/1611 г. В дальнейшем к их выпуску обратились уже на Московском печатном дворе, спустя почти 10 лет, однако и тогда полный годовой круг миней напечатан не был. Последний раз имя Н. встречается в послесловии к ноябрьской минее 1610 г., где сообщалось, что она «напечатана мастерством и труды многогрешного Ивана Андроникова сына Невежина и прочих сработников». О дальнейшей судьбе мастера ничего не известно.

Соч.: предисловие и послесловия к изданиям Н. перепечатаны в кн.: Строев П.

1) Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстого. М., 1829, с. 96—104, 104—106, 113—115, 115—120; 2) Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке... Ивана Никитича Царского. М., 1836, с. 41—42, 44—46, 46—47.

Лит.: Зернова А. С. 1) Орнаментака книг московской печати XVI—XVII веков. М., 1952, с. 16—17; 2) Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVIII веках: Сводный каталог. М., 1958, с. 21—24.

Ю. А. Лыбынцев

Нектарий (в миру Николай Павлович Теляшин) (1586—1667) — архиепископ сибирский и тобольский, автор поучений и послания, библиофил. Н. происходил из крестьян Осташковского уезда. Семья его была тесно связана с духовенством этого края: почти все ее члены к старости уходили в монастырь, а брат Н. Лев до пострижения был священником Осташковской Воскресенской церкви (1624 г.), а затем протопопом соборной церкви г. Ржева (около 1638 г.). Н. пришел в Нилово-Столбенскую пустынь в 13-летнем возрасте (1599 г.) и был связан с ней всю свою жизнь. Здесь он получил духовное образование под руководством иеромонаха *Германа*, составившего первые записки о житии Нила Столбенского (Ключевский. Древнерусские жития, с. 313), а также, возможно, *Арсения Глухого*, жившего в Ниловой пустыни в начале XVII в.; здесь Н. выучил греческий и латинский языки, риторику, философию.

После смерти *Германа* (1614 г.) Н. сменил его на посту игумена и выполнял эти обязанности до 1663 г., прервав их лишь на четырехлетний срок своего пребывания на сибирской кафедре (1636—1640 гг.). Именно Н. укрепил экономическое и общественное положение монастыря, превратив его в одну из самых богатых общин середины XVII в. Им была фактически создана и библиотека Нилово-Столбенской пустыни (при *Германе* монастырь располагал лишь самой необходимой служебной литературой): по его распоряжению приобретаются Апостол и Пятикнижие Моисея, он собственноручно переписывает сочинения Симеона Нового Богослова и Святцы и создает Синодик Нилово-Столбенской пустыни.

Несомненно, что и другие книги, появившиеся в монастыре в первой половине века, были приобретены с ведома, если не по прямому распоряжению, образованного игумена. В настоящее время известно около 30 четких книг, определенно находившихся при Н. в монастырской библиотеке. Среди них памятники житийной литературы, а также сочинения видных духовных писателей — Никиты Стифата, Феодора Студита, Симеона Нового Богослова. Особое место занимает *Житие Нила Столбенского*, которое переписывается неоднократно, возможно на продажу: известно, что при Н. монастырь продавал богомольцам письменные каноны Нилу Столбенскому (Успенский В. Историческое описание... , с. 129). При жизни Н. и, возможно, при его участии создается новая редакция Жития Нила Столбенского, отличающаяся риторичностью и распространением за счет общих мест (Ключевский. Древнерусские жития, с. 314).

Положение Н. как главы известного монастыря ставит его в определенные отношения со многими видными деятелями общественной жизни и культуры XVII в. Существует легенда о том, что именно Н. предсказал *Михаилу Федоровичу* рождение наследника, после чего был приглашен в крестные отцы будущего царя *Алексея Михайловича* и через некоторое время получил освободившуюся кафедру сибирского архиепископа (Абрамов Н. Нектарий... , с. 69). Даже если эта легенда не имеет под собой оснований, можно утверждать, что Н. был довольно тесно связан с домом Романовых: среди покровителей и вкладчиков его монастыря были близкие родственники царя Михаила — бояре Иван Никитич Романов и Борис Михайлович Лыков, князь И. М. Катыврев-Ростовский; определенные отношения существовали у Н. с монахами Троице-Сергиева монастыря, в частности с Дионисием *Зобниновым*, который вложил в Нилову пустынь книгу *Патерик Скитский*, «боевые» часы на колокольню и 17 икон деисуса (Успенский В. 1) Преосвященный Нектарий... , с. 13—24; 2) Историческое описание... , с. 24). Ниловой пустыни покровительствовал патриарх *Никон*. Особое уважение к Н. проявилось при его погребении в январе 1667 г.: его отпевал патриарх антиохийский Макарий с собором русских и греческих святителей, а царь пешком провожал гроб за Москву. В период своего пребывания в Сибири Н. содействовал как экономическому, так и идеологическому укреплению недавно организованной кафедры. При нем было утверждено официальное церковное помяновение Ермака и дружины, созданы первые сказания о местных святынях (*Сказание о явлении и чудесах Абацацкой иконы Богородицы*), начата летописная работа при Тобольском архиерейском доме (Есиповская летопись — см. *Есипов Савва*). В Тобольске Н. создает и собственноручно украшает Синодик Нилово-Столбенской пустыни, представляющий заметное явление в книжном искусстве первой половины XVII в.

Собственно литературное творчество Н. невелико по объему. До нас дошли два его поучения к братии Нилово-Столбенской пустыни («Увещение Нектария, архиепископа сибирского и тобольского, игумену Ниловой пустыни Дорофею и всей братии» — в составе переписанного им Синодика — и «Заповедь архиепископа Нектария о трезвости и об общежитии, 7174 года апреля 2 дня») и послание «Великому господину Ивану Михайловичу» (адресат послания неизвестен, скорее всего им был князь И. М. Катыврев-Ростовский). Все эти сочинения отличаются простотой содержания и языка. В поучениях братии речь идет об общих принципах монастырской жизни — о необходимости молитвы («Увещение») и запрещении пить вино («Заповедь»); здесь Н. лаконичен и директивен, давая четкие рецепты поведения, без каких-либо риторических украшений. Вне монастыря, по-видимому, эти поучения не распространялись — только «Увещение» сохранилось, помимо авторской рукописи, в позднейшей копии Синодика (ИРЛИ, Причудское собр., № 66, 1887 г.); «Заповедь» известна лишь по публикации В. Успенского. В свою очередь послание

«господину Ивану Михайловичу», содержащее просьбу похлопотать о возвращении автора из Сибири в Нилову пустынь, рисует подчеркнутую мрачную и суровую картину жизни в монастыре, причем литературная гиперболизация сочетается с яркими картинками монастырского быта. Автор свободно переходит от бытовых картин к поучению и назиданию, умело строя обширные риторические периоды и подчиняя их законам ритмической прозы. Послание сохранилось в трех списках и представляло для современников, судя по конвою, не только деловой, но и чисто литературный интерес; текст послания был использован А. Н. Толстым в романе «Петр Первый» (Толстой А. Н. Полн. собр. соч. М., 1946, т. 9, с. 380—381).

Соч.: Черты монастырского быта в XVII в.: Письмо архиепископа Сибирского Нектария и шутовская челобитная колязинских монахов. — Русский архив, 1873, № 9, стб. 1770—1782; Успенский В. Историческое описание Ниловой Столобенской пустыни, Тверской епархии, Осташковского уезда. Тверь, 1876, с. 148—149, 167—169 («Заповедь»).

Лит.: Абрамов Н. Нектарий, третий архиепископ сибирский и тобольский. 1636—1640 гг. — Странник, 1866, № 2, с. 65—87; Успенский В. Преосвященный Нектарий, второй настоятель Ниловой Столобенской пустыни, бывший архиепископ сибирский и тобольский. 1587—1667. Тверь, 1882; Будинский П. Н. Сибирские архиепископы Макарий, Нектарий, Герасим (1625—1650 гг.). Харьков, 1891, с. 28—46; Ромодановская Е. К. 1) Сибирский архиепископ Нектарий и пропаганда православной идеологии. — Изв. Сибирского отделения АН СССР, 1967, № 6. Серия обществ. наук, вып. 2, с. 99—105; 2) Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973, с. 55—65.

Е. К. Ромодановская

Нестор Искандер (XV в.) — предполагаемый автор *«Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г.»*. В послесловии к тексту Повести в одном из известных нам ее списков (ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 773, XVI в.) содержится имя ее автора — Н. И. Он сообщает о себе, что «измлады» был пленен и «обрезан», «много время пострадах в ратных хождениях», был очевидцем и участником осады и взятия Константинополя, при этом ежедневно записывал «творимая деяния вне града от турков», а после взятия города собрал сведения «от достоверных и великих мужей», и все это, «вкратце» изложив, передал христианам «на возлommeинание преужасному сему и предивному изволению божию».

Исследователи по-разному отнеслись к достоверности этого авторского признания. Одни не сомневаются, что автором повести был Н. И. (И. И. Срезневский, архимандрит Леонид), другие полагают, что в нынешнем ее виде повесть представляет собой обработку записей Н. И. иным книжником (Г. П. Бельченко, Н. А. Смирнов, М. О. Скрипиль). Наконец, А. И. Соболевский и М. Н. Сперанский вообще сомневаются в достоверности сведений послесловия. С одной стороны, повесть обнаруживает бесспорное стилистическое единство, препятствующее обоснованному расчленению ее на текст Н. И. и его редактора. С другой стороны, этот единый текст отличает большое литературное мастерство, хорошее знание источников; он написан традиционным для древнерусских книжников слогом. Трудно предположить, что всеми этими качествами мог обладать турецкий пленник, с молодых лет отторгнутый от славянской книжной культуры. Малоубедительна и версия о греческом происхождении повести. Скорее всего автором является опытный и талантливый древнерусский книжник, оказавшийся в Константинополе во время осады или же хорошо информированный о всех ее перипетиях. В его распоряжении мог оказаться и какой-то документ, составленный Н. И., но он был в таком случае использован не текстуально, а лишь как источник сведений. Однако вычленив «текст» Н. И. в этом случае окажется почти невозможным. Возможно однако, что послесловие — это литературная мистификация (подобная послесловию *Казанской истории*), призванная придать повествованию большую убедительность.

Лит.: Срезневский И. И. Повесть о Царьграде. СПб., 1855 (отд. отт. из «Ученых записок II отд-ния имп. Акад. наук», СПб., 1854, кн. 1); Повесть о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 году) Нестора Искандера XV века / Сообщил архимандрит Леонид. СПб., 1886 (ПДПИ, № 62); Дестунис Г. Новоизданный список повести о Царьграде. — ЖМНП, 1887, февраль, с. 373—374; Соболевский. Переводная литература, с. 13; Бельченко Г. П. К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда. — В кн.: Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 507—513; Смирнов Н. А. Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. — ВВ, М., 1953, т. 7, с. 55—56; Скрипиль М. О. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера. — ТОДРЛ, М.; Л., 1954, т. 10, с. 166—170, 182—183; Сперанский М. Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков. — Там же, с. 138—151.

О. В. Творогов

Нечаев Стефан Трофимович (ум. 13 V 1667) — галицкий юродивый, автор прощальных писем. Сын местного купца, рано умершего. В юности Н. ушел из дому, стал юродствовать, потом, пожалев мать, вернулся, женился и прижил ребенка. Но тяга к юродству оказалась столь сильной, что он бросил семью и опять «преложися в юродство», на этот раз до смерти. Н. удостоился пышных похорон в Богоявленской церкви Галича, на которых были архимандриты местных монастырей, протопоп соборного храма, галицкий воевода, дворяне и дети боярские. В Богоявленской церкви была местночтимая икона юродивого Стефана.

Сохранилось прощальное письмо Н., которое он, «как пошел юродствовать, оставил на утешение матери своей Евдокии да жене своей Акилине». Письмо входит в подборку документов, которую в списке второй половины XVIII в. обнаружила в 1974 г. Н. В. Поньрко. Подборка кроме прощального письма содержит короткую записку Н. дяде Гавриле Самсоновичу с просьбой не оставить осиротевшую семью и надпись на «действительном образе» юродивого в Богоявленской церкви. Составитель подборки, добавивший от себя несколько этикетных фраз, — без сомнения галичанин и младший современник Н. Письмо построено как диалог, в котором мать вопрошает своего сына, пеняет ему, что бросил семью, а тот объясняет свое решение: он будет юродствовать «не простоты ради», т. е. не от скудости ума, а из презрения к мирским благам («аще бы люб мне мир сей, и аз подвизахся бы о вещех его»). Уходя в юродство, человек одновременно уходит из культуры, рвет с ней все связи. Письмо Н. — как бы прощальный завет умирающего (он настойчиво называет себя мертвецом), а мать голосит над ним, как над покойником. Это письмо — единственный в своем роде текст. Однако можно допустить, что сочинение «прощальных писем» перед уходом в юродство было этикетным моментом: о таком же письме матери и жене упоминается в *Житии Арсения*, новгородского юродивого XVI в. (БАН, Устюжское собр., № 55, л. 12). Галицкая подборка текстов свидетельствует о том, что Н. рассчитывал не только на прямых адресатов, но и на широкую читательскую аудиторию. В таком случае «прощальные письма» юродивых суть не документы, но особый жанр древнерусской литературы.

Соч.: Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976, с. 183—191.

А. М. Панченко

Одоёвский Никита Иванович (около 1601—1689) — князь, глава Комиссии по составлению Уложения 1649 г., автор писем. По жене своей, Евдокии Федоровне, урожденной Шереметьевой, приходился родственником царю *Алексею Михайловичу* (Евдокия Федоровна была внучатой сестрой царя, см.: Долгоруков П. В. Русский родословный сборник. СПб., 1840, кн. 1, с. 21, 25). С раннего возраста О. подвизался на царской службе; в 1618 г. был в звании стольника, боярский сан получил

в 1640 г. при царе *Михаиле Федоровиче*; в день венчания Алексея Михайловича на царство был пожалован в ближние бояре.

Один из первых бояр по местническому старшинству (на соборе 1682 г., собранном по поводу уничтожения местничества, О. занимал первое место), он участвовал почти во всех важных делах своего времени: приводил к присяге новому царю Алексею Михайловичу боярскую думу и жителей Москвы, занимался составлением Уложения 1649 г., выступал в роли воеводы и дипломата во время войны с Польшей, участвовал в соборе 1666 г., низложившем патриарха *Никона*. Несколько раз О. исполнял должность воеводы — в Ржеве (1633 г.), Астрахани (1640—1643 гг.), Ливнах (1646—1647 гг.), Казани (1651—1653 гг.), имел звание астраханского (1655 г.) и владимирского (1677 г.) наместника, был первым судьей в Казанском и Сибирском приказах (с 1643 г.), стоял во главе приказов Большой казны, Земского, Рейтарского (с 1688 г.), Аптекарского (1676 г.), Судного (1681 г.), Разрядной палаты (около 1681 г.). Во время поездок царя Алексея Михайловича по монастырям и подмосковным селам управлял Москвой. (Библиографию источников, в которых упоминается О., см. в статье Е. Лихача: РБС. Обезьянников — Очкин. СПб., 1905, с. 167).

Дипломатическая деятельность О. началась в 1644 г., когда он вместе с князем Ю. А. Сицким вел переговоры с приехавшим в Москву датским королевичем Вольдемаром относительно свадебного договора королевича с царевной Ириной Михайловной. Затем он вел дипломатические переговоры в Москве с польским посланником Альбрехтом Пражмовским (1650 г.) и шведскими послами (1655—1656 гг.). Летом 1656 г. О. занимался дипломатическими переговорами в Вильне, целью которых было избрание на польский престол царя Алексея Михайловича. В 1658, 1660, 1662, 1664 гг. возглавлял посольства в Литву, в 1674 г. вел переговоры с польскими представителями в Андрусово.

Иностранцы ценили образованность и дипломатический талант О. Один из поляков, живший в Москве по какому-то дипломатическому поручению и оставивший описание характеров вельмож и знатных людей царствования Алексея Михайловича, охарактеризовал О. так: «...он имеет основательные познания в славянском языке и некоторые сведения из истории польской... Одного Одоевского можно полагать основателем тридцатилетнего мира» (см.: Северный архив, 1825, № 20, ч. 17, с. 296).

В 1648 г. О. был поставлен царем во главе Комиссии по составлению проекта Уложения 1649 г., важнейшего законодательного памятника России, служившего в течение почти 200 лет в качестве действующего законодательства. Члены Комиссии (кроме О. в нее входили князья С. В. Прозоровский и Ф. Ф. Волконский, дьяки Гаврила Леонтьев и *Федор Грибоедов*) обнаружили большие знания в византийско-русской правовой литературе, были хорошо знакомы, с одной стороны, со Священным писанием, с другой — с приказной практикой. В качестве источников Уложения ими использованы: Кормчая книга, Литовский статут, русские судебники, указы царей и великих князей, боярские приговоры. Для характеристики высокой эрудиции Комиссии важно обратить внимание на то, что проект обширного законодательного памятника был подготовлен за два с половиной месяца (в дальнейшем в составлении Уложения, кроме комиссии, принимали немалое участие и члены земского собора). В сравнении с прежними русскими законодательными памятниками Уложение значительно систематичнее их, а содержание его гораздо полнее.

В деле патриарха *Никона* О. играл особую роль. Когда в 1663 г. в Воскресенский монастырь, избранный удалившимся с патриаршества Никоном своей резиденцией, была послана царем особая комиссия, во главе нее был поставлен О. О. имел врага в лице *Никона* со времен создания Уложения, запретившего духовенству приобретать вотчины и утвердившего новый, Монастырский приказ, сильно ограничивший судеб-

ные привилегии духовенства. Сохранилось написанное Никоном «Возражение... против вопросов боярина Симеона Стрешнева», в котором Никон подверг разбору Уложение. Ополчаясь против ненавистного ему Монастырского приказа, Никон адресовался не к царю, не к Стрешневу, не к Паисию Лигариду, но к О. как создателю Уложения, обзывая его «богборцем», «окаянным», «суемудрым» (см.: Мнения патриарха Никона об Уложении и проч.: (Из ответов боярину Стрешневу). — Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. СПб., 1861, т. 2, с. 423—498; Ундольский В. М. Отзыв патриарха Никона об Уложении царя Алексея Михайловича. — Русский архив, 1886, кн. 2, № 8, с. 605—620). Назначенный в следственную комиссию, О. вел следствие с враждебностью к Никону и донес в Москву, что Никон ожидает только собора и вселенских патриархов, чтобы «отчесть от христианства великого государя» (см. отписку из Воскресенского монастыря царю Алексею Михайловичу боярина князя О., окольного Родиона Стрешнева и дьяка Алмаза Иванова). И в дальнейшей своей деятельности О. представлял враждебную Никону сторону. В декабре 1664 г., когда Никон внезапно явился в Москву, О. был послан к нему для переговоров и настоятельно требовал, чтобы он снова удалился в Воскресенский монастырь. На соборе 1666 г. он требовал низложения Никона и присутствовал при обряде совлечения с него сана. При дворе царя Федора Алексеевича и в правление царевны Софьи О. сохранял почетное положение, но был уже стар для того, чтобы оказывать большое влияние на дела. Петр I, будучи ребенком, называл его своим дяшкой (Долгоруков П. В. Русский родословный сборник. СПб., 1840, кн. 1, с. 25). Погребен О. в Троице-Сергиевой лавре под западным притвором Троицкого собора (см.: Николаева Т. В. Надгробные плиты под западным притвором Троицкого собора. — Сообщения Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника, Загорск, 1958, № 2, с. 101).

Связь О. если не с литературой, то с письменностью обусловлена как его работой в Комиссии по составлению Уложения и дошедшей до нас коллективной отпиской о следствии над Никонem в Воскресенском монастыре, так и двумя сохранившимися письмами царю Алексею Михайловичу. Царь Алексей Михайлович, без сомнения, вел с О. большую переписку, из которой уцелело 2 письма, писанные оба в Казань, где О. в 1651—1653 гг. нес воеводскую службу (письма царя Алексея Михайловича к О. опубликованы: Собрание писем царя Алексея Михайловича / Изд. П. Бартенева. М., 1856, с. 217—237; Переписка царя Алексея Михайловича с боярином князем Никитой Ивановичем Одоевским. — Москвитянин, 1851, кн. 2, № 2, с. 199—202; Письмо царя Алексея Михайловича князю Н. И. Одоевскому по поводу смерти его сына князя Федора Никитича / Изд. С. А. Белокурова. — ЧОИДР, 1902, кн. 2, Смесь, с. 33—34). Оба ответных письма О. на послания царя также сохранились. Первое из них писано в ответ на извещение о перенесении в Москву мощей митрополита Филиппа, второе — на утешение в горе, вызванном смертью старшего сына О., комнатного стольника, князя Михаила; оба письма представляют собой выражение благодарности на царское милостивое слово.

В письмах О. уживаются рядом традиционный для жанра посланий русских подданных к своему царю уничижительный, намеренно сниженный стиль («А сынишку, государь, моего Мишку, велел погресть у старого моего дворишка... до меня, холопа твоего») с образцами высокого книжного красноречия («О благочестивые и великие государи цари, отец и сын! Се вам, государям, похвала и слава не от человек, но от бога. Пожеже славящих его прославляет вас, великих государей, и обогатил паче оных царей земных. Сие, государь, богатство паче злата, топазия. Где, государь, слышать, не во мнимых христианских государствах, чтоб слепые воочесились, хромы ходили и болящие различными недуги исцеля-

лись? Токмо вам, благочестивым государем, подаровал бог сию славу, честь!»). Это письма интеллигентного и образованного боярина, вполне владевшего эпистолярным жанром и хорошо знакомого с высокой книжностью.

Кроме писем к царю до нас дошла переписка О. с Галицкой вотчиной. Но в ней мы имеем дело с образцами жанра сугубо деловой письменности (см. книгу Ю. Арсеньева). Как человека, связанного с литературной средой своего времени, характеризует О. то, что один из первых авторов парождавшейся в России стихотворной школы силлабиков, Савватий, был принят в его доме в качестве приходящего учителя юного князя Михаила Никитича. Именно к отроку Михаилу Никитичу Одоевскому обращены два стихотворных наставления Савватия: «Прещение вкратце о лености и нерадении всякому, бываемому во учении» (с акростихом «Князю Михаилу Никитичю чернец Саватии радоватися») и «Азбука отпускная тебе, моему ученику» (см.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973, с. 64). Поэты приказной школы искали себе покровителей, одним из них был боярин О.

Сохранилась рукопись (ГПБ, F.I.100, сборник XVI в., содержащий Устав лавры св. Саввы, Устав иерусалимский, Типикон, чины разных церковных обрядов), данная О. в его вотчину, со следующей записью: «В 26 день дал сию книгу, глаголемую Устав, в вотчину свою в Бежецкой верх, в село Сулегу боярин князь Никита Иванович Одоевской во веки неподвижно» (в рукописи есть также скрепа князя Ивана Никитича Одоевского Меньшого).

Соч.: СГГД, М., 1828, т. 4, № 35, с. 126—131 (отписка о следствии над Никоном); Переписка царя Алексея Михайловича с боярином князем Никитой Ивановичем Одоевским. — Москвитянин, 1851, кн. 2, № 2, с. 202—204; № 14, с. 146—151.

Лит.: Берх В. Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1831, ч. 1, с. 31, 40, 45, 58, 209—210, 257; Строев В. Историко-юридическое исследование Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 году. СПб., 1833, с. 14—15, 18—20, 122—123; Малиновский А. Ф. Исторические доказательства о древнем желании польского народа присоединиться к России. — Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М., 1833, ч. 6, с. 63—70, 245—253; Субботин Н. Дело патриарха Никона. М., 1862, с. 59—67; Загоскин Н. П. Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и земский собор 1648—1649 года. Казань, 1879, с. 16, 28—52, 74—75; Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884, ч. 2, с. 57—80, 366, 609—635; Зерцалов А. Н. Новые данные о земском соборе 1648—1649 гг. — ЧОИДР, 1887, кн. 3, отд. 4, с. 9, 59—61; Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. М., 1894, ч. 1, с. 23; М., 1897, ч. 3, с. 7, 130, 133, 134, 136, 138, 147, 152, 314, 315; Арсеньев Ю. Близкий боярин князь Никита Иванович Одоевский и его переписка с Галицкой вотчиной. М., 1903; Смирнов П. П. 1) О начале Уложения и земского собора 1648—1649 гг. — ЖМНП, 1913, сентябрь, с. 36—66; 2) Несколько документов к истории соборного Уложения и земского собора 1648—1649 гг. М., 1913, с. 1—7.

Н. В. Понырко

Орь (1-я половина XII в.) — половецкий певец-поэт. Галицко-Волинская летопись (см. *Летопись Ипатьевская*) начинается повестью о Романе Мстиславиче Галицком (1170—1205). Собственно о Романе здесь говорится лишь в первой и последней фразах. Основное содержание повести — рассказ о *Владимире Мономахе* и половецких князьях *Отроке* и *Сырчане*. Напуганный силой и могуществом Владимира Мономаха, Отрок убежал «во обезы» (в земли одного из племен Северного Кавказа). Сырчан остался в придонских степях. Когда Владимир Мономах умер, Сырчан послал «гудца» О. к Отроку. Сырчан поручает своему послу сообщить Отроку о смерти Владимира Мономаха и сказать ему, чтобы он вернулся «в землю свою». Сырчан говорит О.: «Молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половецкия. Оже ти не восхочеть (если же после этого не захочет возвращаться, — Л. Д.), дай ему поухати зелья, именемь евпань». Когда О. увидел, что уговоры и половецкие песни не возымели никакого действия на Отрока, он дал понюхать Отроку траву

его родных степей (евшан — ковыль); тогда Отрок, заплакав, сказал: «Да лучше есть на своей землѣ костью лечи, и не ли (нежели, — Л. Д.) на чуже славу быти». Отрок вернулся «во свою землю». Заканчивается эта поэтическая легенда не до конца понятой до сих пор фразой: «От него (Отрока, — Л. Д.) родившюся Кончаку, иже снесе Сулу пѣшь ходя, котель нося на плечеву».

Легенда, переданная Галицко-Волынской летописью, восходит к половецкому эпосу. Помимо самодовлеющей ценности этой летописной повести (сюжет ее лег в основу стихотворения А. Н. Майкова «Емшан»), она представляет значительный интерес тем, что в ней назван по имени «гудец» О. «Гудец» — музыкант, человек, играющий на гудке — музыкальном инструменте типа скрипки. Однако в данном контексте значение этого термина шире — оно означает, что О. был певцом и, вероятнее всего, и автором исполняемых им под аккомпанемент гудка песен (следует напомнить, что «горазным (т. е. искусным) гудцом» назван в «Задонщине» Боян). Таким образом, упоминание в летописи имени О. является летописным подтверждением существования эпических певцов-поэтов типа Бояна в XI—XII вв. Исследователи давно обратили внимание на близость повести Галицко-Волынской летописи о Романе Галицком к поэтике «Слова о полку Игореве». В. Ф. Миллер высказывал предположение, что, «быть может, эта повесть была частью известного нам „Слова“, вышла из-под пера того же автора и некоторые черты ее по реминисценции занесены летописцем» (Миллер Вс. Взгляд..., с. 141). Отмечая ненужность этого предположения Миллера, И. Н. Жданов вместе с тем подчеркивал «несомненное» «сходство слога рассказа о Романе и „Слова о полку Игореве“» (Жданов Ив. Русский былевой эпос: Исследование и материалы. СПб., 1885, с. 434). Л. В. Черепнин писал, что повесть о Романе «всем своим поэтическим содержанием родственна „Слову о полку Игореве“» (Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. — ИЗ, 1941, № 12, с. 239). А. Н. Робинсон, считающий «Слово о полку Игореве» героическим эпосом, созданным во время воспеваемых в нем событий, «с генеалогической проекцией в прошлое и опорой на творчество Бояна» (Робинсон А. Н. Литература Древней Руси..., с. 310), видит типологическое сходство между «Словом» и повестью о Романе Галицко-Волынской летописи. О., по его определению, — певец-вассал половецкого князя Сырчана, младший современник Бояна.

Соч.: ПСРЛ, СПб., 1843, т. 2 (Ипатьевская летопись), с. 155; 2-е изд. СПб., 1908, с. 716 (фототипическое переиздание: М., 1962); Древнерусские летописи / Пер. и коммент. В. Панова. М.; Л., 1936, с. 246; ПЛДР: XIII век. М., 1981, с. 236—237.

Лит.: Миллер Вс. Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877, с. 137—142; Гудзий Н. К. Галицко-Волынская летопись. — В кн.: ИРЛ I. М.; Л., 1945, т. 2, ч. 4, с. 26—27; Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII вв.: Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980, с. 261—273.

Л. А. Дмитриев

Памфил (XV—начало XVI в.) — игумен Псковского Елеазаровского монастыря, автор послания псковским наместникам о праздновании дня Рождества Иоанна Предтечи. Основные биографические сведения содержатся в древней редакции *Жития Евфросина Псковского*, написанного в то время, когда игуменом Елеазаровского монастыря был П. Незвестный автор *Жития Евфросина* сообщает, что П. происходил из семьи, в которой четыре брата (Игнатий, Харлампий, П., Мартирий) и отец стали постриженниками Елеазаровского монастыря. Первым игуменом монастыря и духовником Евфросина был старший брат П. Игнатий, после него — Харлампий, затем, уже после смерти Евфросина (1481 г.), — П. Точное время игуменства П. не установлено. Во второй редакции *Жития Евфросина*, написанной в 1547 г., ее автор, псковский агиограф Василий, говорит, что беседовал в Елеазаровском монастыре с иноком

Маркелом, постриженным в монахи при игумене П. 50 лет тому назад; следовательно, в 1497 г. игуменом Елеазаровского монастыря был П.

Послание игумена П. наместнику великого князя в Пскове содержит единственное в древнерусской литературе подробное описание купальных обрядов. Древний языческий праздник в честь Купалы совпал с днем Рождества Иоанна Предтечи. Возмущенный тем, что Рождество великого Иоанна Предтечи встречают по-прежнему бесовскими играми, чародейством и «блудом», П. обращается к псковскому наместнику и напоминает ему об обязанности искоренять остатки языческих обрядов. Послание имеет две редакции — Краткую и Летописную. Летописная редакция помещена под 1505 г. в *летописи Псковской I* (встречается и в сборниках, например ГПБ, собр. Погодина, № 1571, л. 67—69 об.); Краткая редакция читается в сборниках (ГПБ, собр. Погодина, № 1572; ГПБ, Q.XVII.50). Считается, что обе редакции принадлежат П. Первым было написано Послание в Краткой редакции, однако оно не выполнило своей задачи — псковские наместники не приняли мер по борьбе с остатками языческих обрядов. Тогда П. пишет второе Послание (Летописная редакция). Описание купальных игрищ в обеих редакциях почти дословно совпадает, в Летописной редакции оно сопровождается примерами и цитатами из Священного писания, придающими весомость и обоснованность словам П. о тяжких последствиях подобных обычаев и о необходимости искоренять их. В разных списках Летописной редакции Послания великим князем называется то Иван Васильевич, то Василий Иванович, без имени употребляется форма множественного числа «государей великих князей наместнику». Это указывает, что Послание написано в последние годы жизни Ивана III (1502—1505 гг.), когда его сын *Василий Иванович* был объявлен соправителем с титулом великого князя. Составитель Псковской I летописи поместил Послание под 1505 г. и адресовал его наместнику Дмитрию Владимировичу Ростовскому, жившему в Пскове с 1504 по 1507 г. (в Послании Летописной редакции, когда она находится вне состава летописи, нет заголовка с датой и именем наместника). Датировка Послания в Псковской I летописи принимается всеми исследователями. Краткая редакция Послания была адресована, вероятно, предшественнику Дмитрия Владимировича и написана до 1504 г. При упоминании великого князя в ней также употребляется форма множественного числа, других датирующих данных в тексте Послания Краткой редакции нет.

Соч.: ДАИ, СПб., 1846, т. 1, № 22; ЧОИДР, 1846, № 4 (заседание 27 апреля 1846 г.), с. 59—62; ПСРЛ, СПб., 1848, т. 4, с. 278—281; Руководство для сельских пастырей, 1860, № 17, с. 439—443 (перевод на русский язык Летописной редакции Послания); М а л и н и н В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: Историко-литературное исследование. Киев, 1901, Прил., с. 1—6; Псковские летописи / Пригот. к печати А. Насонов. М.; Л., 1941, вып. 1, с. 90—91.

Лит.: Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в псковской земле. М., 1908, с. 485—486; Л и х а ч е в Д. С. Литература времени образования национального Русского государства (1460—1530-е гг.). — В кн.: ИРЛ I. М.; Л., 1945, т. 2, ч. 1, с. 409.

В. И. Охотникова

Пахомий (2-я половина XVII в.—до 1767) — келейник и ученик *Корнилия Выговского* и автор его *жития* («Повести душеполезной о житии и жизни преподобного отца нашего Корнилия, иже на Выге реце»). П. сделался последователем Корнилия в последние годы жизни старообрядческого святого, когда тот скитался по Северу в олонецких пределах на Выгу. После смерти Корнилия П. остался в Выговской пустыни, где и написал *Житие* (между 1723 и 1727 гг.). В жизни П. был период, когда он попробовал порвать с пустынноческой жизнью, «вышел в мир», но вскоре вновь возвратился в Выговское общежительство (см. добавочную статью при 2-й редакции *Жития* «О возвращении по обещанию и о прешествии реки»).

Житие писалось П. во многом со слов самого Корнилия (что сказывается в частом внедрении в повествование прямой речи от лица Корнилия и в смещении повествования от первого и третьего лица) и имеет значение первоисточника. Как современник многих русских патриархов и десяти царей, от *Ивана Грозного* до Петра I, Корнилий был свидетелем, а иногда и участником крупнейших событий XVII в., главным среди которых с точки зрения автора-старообрядца была причастность к основанию Выговского общежительства. Житие изобилует именами людей, оставивших след в русской истории. Как в старообрядческом сочинении, в нем отразилось отношение к целому ряду обрядовых и догматических проблем, волновавших старообрядческий мир в первое время его существования. Сочинение П. — типичное раннее старообрядческое житие, которое можно поставить в один ряд с такими памятниками, как *Повесть о боярыне Морозовой*, *Житие Иоанна Неронова*. Их роднят такие черты, как историзм, повествовательность, публицистический характер. Язык Жития тяготеет к книжному, но сохраняет при этом просторечный характер, народный склад, напоминающий местами «вяканье» протопопа Аввакума. По-аввакумовски ярко отдельные сцены Жития, как, например, та, где описывается столкновение дьякона Корнилия с никонианским духовенством в Ниловой пустыни (отстаивая старый чин богослужения, Корнилий ударяет никонианского попа разожженным кадилом по голове), или та, что повествует о том, как некая «уединенная вдова» погуждала запоздалого путника-Корнилия, остановившегося у нее на ночлег, «на дело блудное».

Пахомиево житие, написанное в 20-е гг. относительно простым языком и достаточно богатое бытовыми деталями, было вскоре (в 1731 г.) переработано выговским писателем *Трифоном Петровым* в украшенное житие согласно с принципами выговской литературной школы. Однако, как показывает рукописная традиция, наиболее популярной в XVIII—XX вв. оставалась редакция П., число списков которой значительно превосходит редакцию Трифона Петрова.

Соч.: Брежневский Д. Н. Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции (тексты). — В кн.: Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985, с. 62—107.

Лит.: Дружинин В. Г. О житии Корнилия Выговского, написанном Пахомием. — ЖМНП, 1884, сентябрь, с. 1—12; Брежневский Д. Н. 1) Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 33, с. 127—141; 2) Житие Корнилия Выговского Пахомиевской редакции и его литературная история. — ТОДРЛ, Л., 1983, т. 37, с. 269—285.

Н. В. Поньрко

Петр (ум. 1326) — митрополит всея Руси, автор поучений. Известно, что он был уроженцем Волыни, отца его звали Феодором, мать Марией, в 7 лет он был отдан учиться грамоте, в 12 лет постригся в монахи, служил,нося воду и дрова, в монастырской поварне, выучился по собственному желанию «иконному письмени и бысть иконник чюден», написал образы Христа, Богородицы, пророков, апостолов, мучеников, святых. На р. Рати на Волыни (между Львовом и Бельзом) П. основал собственный монастырь. Когда этот монастырь посетил во время своего путешествия в Константинополь митрополит *Максим*, П. подарил ему написанный им образ Богородицы. После смерти митрополита Максима, с 1299 г. проживавшего во Владимире, один из тамошних игуменов, Геронтий, по-видимому, по инициативе великого князя Михаила Ярославича Тверского, отправился, взяв эту икону, в Константинополь для поставления в митрополиты. Но прежде его туда прибыл П., посланный галицким великим князем Юрием Львовичем, недовольным переносом места пребывания митрополита из Киева во Владимир и желавшим раздела русской митрополии. Патриарх Афанасий, за несколько лет до этого (в 1303 г.) давший Галиции отдельного митрополита, теперь (в мае—июне 1308 г.)

рукоположил П. в митрополиты всей Руси, а привезенную Геронтием икону передал П., ее автору.

В 1309 г. П. прибыл во Владимир и, несмотря на то что был встречен в северо-восточной Руси враждебно, «нача учити заблудшая крестьяны, ослабевшаа нужда ради поганных иноверец», обходя Волынскую, Киевскую и Суздальскую земли. 5 июня 1309 г. он рукоположил новгородского архиепископа Давида. В 1310 г. П. был в Брянске, убеждал князя Святослава, изгнавшего оттуда своего племянника Василия, вернуть ему город или поделиться с ним княжением, но тщетно, и пережил там, укрывшись в церкви, набег ордынцев, с помощью которых Василий вернул себе город и убил Святослава. В 1311 г. П. рукоположил ростовского епископа *Прохора*. В этом же году в Переяславле Залесском состоялся собор, явившийся результатом какой-то жалобы, поданной на П. тверским епископом Андреем, по происхождению сыном литовского князя Герденя. На этом соборе в присутствии детей великого князя, Дмитрия и Александра Михайловичей Тверских, П. сумел доказать свою правоту, возможно при поддержке московского и ростово-суздальских князей. Доносчика П. простил.

Вскоре после Переяславского собора Дмитрий Михайлович Тверской пошел ратью на Юрия Даниловича Московского, в ответ на что П. отлучил его от церкви. Тверской же епископ Андрей послал в Константинополь к новому патриарху Нифонту монаха по имени Акиндия, а тот, вернувшись, написал великому князю Михаилу Ярославичу резкое по тону послание, в котором сообщил, что патриарший собор всякое взимание платы за поставление священников считает преступлением. Князь написал патриарху Нифонту, тот ответил, веля прислать П. для рассмотрения его дела в Константинополь (этот ответ сохранился). Но в 1315 г. патриарх Нифонт был низвергнут, и П. в Константинополь не пошел.

В прении П. победил и проклял некоего еретика Сеита (судя по имени, бывшего у мусульман духовным лицом). В 1312 г. П. лишил сана сарайского епископа Измаила. В следующем году с великим князем Михаилом Ярославичем он ходил в Орду по случаю восшествия на престол хана Узбека. В 1315 г. получил от этого хана ярлык, написанный, как ясно из его содержания, по записке, составленной им в 1313 г. в Орде. Этим ярлыком подвластные митрополиту лица освобождались от княжеского суда.

При П. в 1316—1317 г., в правление императора Андроника II, патриарх Иоанн Глика по просьбе литовского князя Гедемина разделил русскую митрополию, поставив для Литвы отдельного митрополита Феофила с кафедрой в Новогрудке (просуществовала эта митрополия недолго). По-видимому, враждебность Михаила Ярославича Тверского была причиной того, что П. нашел поддержку у его соперника в борьбе за великое княжение владимирское — Юрия Даниловича Московского и стал сначала останавливаться во время своих обходов Руси в Москве, а затем практически перенес туда из Владимира кафедру митрополитов всея Руси. Весной 1325 г. в Москве он рукоположил новгородского архиепископа *Моисея* и похоронил убитого в Орде князя Юрия Даниловича. Его преемнику Ивану Даниловичу Калите он выразил пожелание, чтобы тот воздвиг в Москве храм в честь Успения Богородицы. Князь его заложил в августе 1326 г., а П. своими руками сделал в нем себе гроб.

Из описанной в *Житии Петра митрополита* последней литургии П. ясно, что он прежде имени своего князя поминал в молитвах «благоверных царей», в каковых одни ученые видят золотоордынских ханов, другие — византийских императоров. Перед смертью П. дал московскому старейшине Протасию «влагалище» с деньгами на устройство недостроенной церкви «и на поминание своеа памяти», а также выбрал некоего архимандрита Феодора как наследника своей кафедры (в Константинополе с этим выбором не считались).

Умер П. с 20 на 21 декабря 1326 г. Канонизирован как святой сначала на Владимирском соборе 1327 г., где ростовский епископ Прохор прочел записанные по инициативе Ивана Даниловича Калиты посмертные чудеса П., затем в 1339 г. в Константинополе. Таким образом, П. стал первым московским епископом и первым московским святым. В конце XIV в. при митрополите *Киприане* (авторе второй редакции его жития) П. уже выступал как небесный покровитель города Москвы, в особенности как защитник от нападений «поганных».

Сохранилось шесть связанных с именем П. посланий. Одно из них представляет собой Окружное послание по поводу наступления Великого поста, или «Поучение игуменом, попом и диаконом». В нем говорится о значении священного сана и налагаемых им обязанностей по отношению к себе и к другим. В этом оно схоже с «Поучением к попом» митрополита *Кирилла II*, но короче того и более просто по стилю. Каждая мысль подтверждается в нем словами Писания. Автор убеждает здесь духовных лиц быть кроткими и смиренными, удерживаться от непристойных дел, страстей, пьянства и смехотворства, регулярно читать подобающие книги, заботиться о духовной пастве, учить своих духовных детей избегать блуда, пьянства, занятий колдовством и ростовщичеством. Сам автор убеждает читателей или слушателей проводить пост в строгом воздержании, трезвости и покаянии, приобщаться святых даров, почитать родителей, крестить не обливанием, а троекратным погружением, строго запрещает поединки, победителей в которых приравнивает к душегубцам; учит стоять в церкви со страхом и слушать чтение и пение, «а хто говорит в церкви, то шепчет диавол во уши ваши», и т. д.

Второе поучение, «игуменом, и попом, и диаконом, и ко мнихом, и ко всем православным христианом», в единственном известном списке (ГИМ, Синодальное собр., № 222, Кормчая, XVI в.), приписано митрополиту Киприану, но так как московский собор 1503 г., решавший вопрос о вдовых священниках, ссылаясь на это поучение как на принадлежащее митрополиту П., а кроме того определения Стоглавого собора (см. *Стоглав*) содержат отрывок из этого поучения под заглавием «Поучение иже во святых отца нашего Петра митрополита всея Руси», больше оснований считать его принадлежащим П. Автор этого поучения говорит, что он молится, чтобы те, к кому он обращается, были «душею чисты и телом добри, здрави, с женами и детьми»; он напоминает: «...многожды писах вам, к священником и мнихом, како пребывати», «Писах многожды о сем к вам: аще у попа умрет жена, да идет в монастырь, имеет священство свое; аще имеет в слабости пребывати и любити мирскыя сласти, да не поет», т. е. вдовый священник должен оставить служение. Далее говорится о том, что «люди Христовы, язык свят, новое достоиние», должны иметь страх божий, ходить в церковь и приносить туда дары «на очищение грехов своих», любить священников, любить и чтить монахов, жалеть вдов, сирот, пленных и заключенных, помогать им по силе.

Третье «Поучение Петра митрополита всея Руси» по обращению — «к епископом, и попом, и архимандритом, и игуменом, и дяконом, и ко всем православным крестьяном» — схоже с первыми двумя и тоже посвящено тому, «како ходити по закону крестьянскому». Прежде всего автор учит «лишаться» пьянства и лишних пиров, побуждать духовных детей приходить в церковь, «плакаться о своих гресех», принимать святые дары «с году на год». А если случится человек, который этого не делает, «недароимец», он учит: «на пиру, или в братчину приде, и вы, попове, шлите их вон, а с ними ни пейте, ни яшьте, ни хлеба Богородицына не давайте: то есть не крестьянин недароимец, — дара Христова не приемлет. Лучше бы не родитися тем». Блудников автор поучения называет «супротивниками вере Христове», пишет, что дети должны чтить «родимаго отца и мать», и тогда «долголетни» будут; «а лая отцу или матери, или бьет, той умрет злою лютою смертию». Третий брак запре-

щает («...а от правила церковного отлучити, а с женою третьей разлучити»), за исключением тех случаев, когда муж «буде добре мал, а детей не будет от них от первого брака или второго». Учит бороться со сквернословием, не принимать «лихих баб» и не слушать и не рассказывать «басней», не заниматься ворожбой. Венчать велит после обедни, причем девица должна быть не моложе 13 лет; крестить погружением, причем если ребенок мужского пола, подобает быть одному куму, если женского — одной куме. Попам запрещает торговать и давать серебро в рост; монахам — жить в одном монастыре с монахинями. Тем, кто идет «на поле» (т. е. на дуэль), велит причастия не давать, убитого там не хоронить, а бросить псам, убившего же, (как и в первом поучении) называет душегубцем. Имея в виду, по-видимому, отношения церкви со светской властью, говорит, что «кто церковь божию или слугу церковного приобидить, а того бог приобидить. А который иерей святую литургию священствовал, тогда царя честней...». В рукописях встречаются и отрывки из этого поучения, также с именем П.

Четвертое «Поучение Петра митрополита» начинается с убеждения «отца... епискупа ли, священника слушати во всем», а затем идет цитация-пересказ текста (нач.: «Аще в гресех состаревся, человек положит завет свой к богу, моляся...»), который встречается в рукописях отдельно (ср.: Изборник 1076 г., л. 217; ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № XII, начало XV в., л. 322 об.). Заканчивается это поучение рассуждением о евангельских словах Христа относительно блаженных.

Под названием «Поучение Петра митрополита, егда препре тферьскаго владыку Андрея во сборе» встречается текст, первая часть которого представляет собой действительно поучение (к ней, видимо, и относится название), а вторая — похвальное слово митрополиту П. В поучении говорится, что мы призваны «в вечную жизнь», но не должны обманываться, «яко бесмертны ся мняще, предавшись похотем жития сего»; делами сатаны называются здесь идолослужение, клевета, гнев, зависть, ярость, ненависть, разбой, воровство, обьедение, пьянство, обида, пение, бесовские плясания, хуления, срамословие, волхование, детогубление, гордость, ложь, «клятвопреступление, иже клятися именем Божиим во лжю». Конец этой части: «...и внидем, радующиеся в бесконечную радость, и в бессмертный живот, и в неизреченную красоту»; начало Похвалы П.: «...ея ж желая святыи святители Христов Петр митрополит и подвигну жития сего сласти попрали...».

Наконец, шестым можно назвать небольшое, по словам Е. Голубинского, «загадочное поучение» под названием «Поучение Петра митрополита ко князю великому Димитрию и к смерти его, и к братии его, и к епискупу, и к бояром, и ко старым, и ко младым, и ко всем христианом». Оно начинается словами: «Дети, были есте от бога в казни»; далее говорится, что того, кто не обращает внимания на наказания, «предаст бог такового мучителем и (в) болющую казнь»; затем следует обращение: «Дети, не давайтесь в безстрашие!» — и намек на то, что случилось при великом князе и его смерти: «Старии добре помнять, како было при великом князе и при смерти его, да и вспоминают младым». В заключение молодые призываются к «великому послушанию». Упоминание неизвестной нам грамоты П. содержит грамоты митрополитов Феогноста и Алексея на Черный Яр, бывший предметом спора между рязанским и сарайским епископами. Возможно, снятие в 1312 г. сана с сарайского епископа Измаила как-то было связано с этой грамотой.

Соч.: 1-е поучение: Горский А. В. Святой Петр, митрополит Киевский и всея России. — В кн.: Прибавления к ТСО, М., 1884, ч. 2, с. 73—84. 2-е поучение: РИБ, СПб., 1880, т. 6, № 17, стб. 159—164. 3-е поучение: ПЛ, СПб., 1862, вып. 4, с. 186—188. 4-е и 5-е поучения: Никольский Н. Материалы для истории древнерусской духовной письменности, I—II. «Поучение Петра митрополита». — ХЧ, СПб., 1909, июнь—июль, с. 1109—1115. 6-е поучение: Голубинский. История церкви. М., 1900, т. 2, 1-я пол., с. 119—120, примеч. 4.

Лит.: Макарий, митрополит. История русской церкви. СПб., 1886, т. 4, кн. 1, з. 312—317; Кучкин В. А. Сказание о смерти митрополита Петра. — ТОДРЛ, М.; Л., 1962, т. 18, с. 59—70.

Г. М. Прохоров

Петр Бориславич (XII в.) — боярин великого князя киевского Изяслава Мстиславича, один из предполагаемых авторов «Слова о полку Игореве» (см. Автор «Слова о полку Игореве»). После смерти Изяслава Мстиславича (в 1154 г.) П. Б. находился на службе у его сына Мстислава. В 1170 г. он поссорился с Мстиславом и перешел к другому сыну Изяслава — Давиду. В 1152 г. П. Б. выступал как посол Изяслава Мстиславича перед галицким князем Владимиром (Владимирко) Володаричем. Можно предполагать, что П. Б. происходил из знатного боярского рода — в летописи *Ипатьевской* под 1152 г. упоминается «Бориславль двор» (видимо, отца Петра Бориславича) как хорошо известный киевлянам. В *Ипатьевской* летописи называется имя брата П. Б. — Нестора Бориславича. В летописи *Никоновской* «сестричем» (племянником по сестре), а у В. Н. Татищева братом П. Б. назван епископ ростовский Феодор (Феодорец). Татищев называет П. Б. киевским тысяцким. Этими данными и ограничиваются все биографические сведения о П. Б.

В *Ипатьевской* летописи под 1152 г. подробно рассказывается о посольстве Петра Бориславича от Изяслава Мстиславича к галицкому князю Владимиру, потерпевшему поражение в борьбе с Изяславом и союзником последнего, венгерским королем Гейзой II. По просьбе Гейзы Изяслав соглашается пощадить Владимира Галицкого, и к последнему направляется посольство (в него входили вельможи венгерского короля и боярин Изяслава П. Б.), которое должно было потребовать от галицкого князя выполнения всех предъявленных ему требований. Владимир целует крест святого Стефана, венгерской святыни, в том, что он сдержит свое слово. Однако, как и говорили с самого начала Изяслав Мстиславич и его сын Мстислав, Владимир не выполняет взятых на себя обязательств (он обманывал послов, уже целуя крест: притворялся изнемогающим от ран, хотя ранен не был). П. Б. вторично едет послом к Владимиру от Изяслава. «Это последнее посольство Петра Бориславича описано особенно подробно, насыщено такими деталями, которые не оставляют сомнения в том, что автором повести о взаимоотношениях Изяслава и Владимира был сам Петр Бориславич» (Лихачев Д. С. Русские летописи..., с. 235). Д. С. Лихачев включает эту повесть П. Б. в особый вид летописных повестей о княжеских преступлениях. Рассказ П. Б. представляет интерес не только с точки зрения отражения в нем целого ряда важных исторических подробностей, но и как произведение литературное: реальные в своей основе события переданы не как перечисление голых фактов, а как эпизоды единого повествования, тесно взаимосвязанные, развивающиеся и усложняющиеся и в психологическом и в сюжетном отношении. Читатель с напряженным вниманием следит за развитием описываемых событий. Перед нами, таким образом, не просто посольский отчет, а рассчитанное на эмоциональное восприятие повествование.

Впервые предположение о том, что автором летописного рассказа о посольстве к Владимиру Галицкому был сам посол — П. Б., высказал в 1878 г. И. П. Хрущев. Он относил рассказ этот к отдельным, самостоятельным сказаниям «светского характера», написанным приближенными людьми» (Хрущев И. П. О древнерусских исторических повестях..., с. 176) великого князя киевского Изяслава Мстиславича. Хрущев положения эти выдвигал в споре с К. Н. Бестужевым-Рюминым, который за десять лет до того, в 1868 г., анализируя состав *Ипатьевской* летописи, высказал предположение, что «княжение Изяслава Мстиславича, быть может вместе с событиями, непосредственно следующими за его смертью, описаны одним лицом» (Бестужев-Рюмин К. Н. О составе..., с. 104). Возможно при этом, полагал К. Н. Бестужев-Рюмин, что дошедшее в со-

ставе Ипатьевской летописи описание является лишь «частью подробной летописи» (там же, с. 103), которая писалась «современником, сторонником и, вероятно, даже соратником» Изяслава Мстиславича (там же, с. 79).

Дальнейшее развитие предположения о летописце Изяславе Мстиславиче и о боярине П. Б. получили в работах Б. А. Рыбакова. Рассмотрев все дополнительные сведения «Истории Росссийской» В. Н. Татищева по сравнению с известными летописями, Б. А. Рыбаков пришел к заключению, что упоминаемая Татищевым «Раскольниковья летопись» — не сохранившийся до нас летописный памятник XII в. Он пишет: «Раскольниковий манускрипт Татищева, содержащий 85 % всех дополнений XII в., представлял собой полную, еще не подвергшуюся сокращению Киевскую летопись двух поколений „Мстиславова племени“: Изяслава Мстиславича и двух внуков Мстислава — Мстислава Изяславича и Рюрика Ростиславича. Летопись на протяжении полувека настолько устойчиво сохраняет единый стиль, единую политическую концепцию и широту кругозора, что должна быть обязательно сочтена произведением одного человека» (Рыбаков Б. А. Русские летописцы. ., с. 276). Этим человеком, по мнению Б. А. Рыбакова, был боярин П. Б., занимавший высокие государственные посты при перечисленных князьях, опытный воин и воевода, проживший долгую жизнь и в течение полувека (с 40-х до 90-х гг.) ведший летописные записи. Исследователь так характеризует этого летописца-боярина: «В отличие от большинства летописцев того времени, этот автор... был далек от церкви. В его ясном и точном языке не было церковной витиеватости, в его философии отсутствовал провиденциализм. Светский писатель, полководец и дипломат, он обладал еще одной чертой, выгодно выделявшей его из общей массы средневековых летописцев, — он выражал свои, а не княжеские мысли, он не был придворным подневольным летописцем и мог временами, не нарушая феодальной верности, подняться до мудрого осуждения торопливых и необдуманных действий своего князя» (там же, с. 307). Как считает Б. А. Рыбаков, П. Б. был выразителем интересов киевского боярства, а в целом ряде положений (княжеские междоусобицы, борьба с половцами) интересы эти совпадали с общенародными. И политическая позиция П. Б., и его социальное положение, и особенности его литературного творчества, воссозданные Б. А. Рыбаковым, приводят его к заключению, что П. Б. — «один из замечательнейших людей XII столетия, патриот, всегда призывавший к борьбе с половцами, сторонник мира, враг усобиц, талантливый историк и публицист» (там же, с. 392) — был автором и «Слова о полку Игореве». Как считает Б. А. Рыбаков, предполагаемого автора «Слова о полку Игореве» и П. Б. объединяют совпадение времени и места жизни, социальный статус (принадлежность к старшей дружине, к боярству), одинаковые симпатии и антипатии, одинаковое отношение к киевскому великому князю Святославу Всеволодовичу, одинаковая политическая программа.

В свое время В. П. Адрианова-Перетц обратила внимание на то, что в повести об Изяславе Мстиславиче, как она определяет первоначальную основу летописного повествования за 1146—1154 гг. Ипатьевской летописи, «обращающая на себя внимание отдельные выражения, напоминающие манеру Слова о полку Игореве» (История русской литературы, т. 1. Литература XI—начала XIII века. М.; Л., 1941, с. 314). В. Ю. Франчук, исследовав лексические и синтаксические особенности тех частей Ипатьевской летописи, которые Б. А. Рыбаков считает принадлежащими «летописи Мстиславова племени», т. е. летописи П. Б., пришла к выводу о том, что в ряде случаев характерные именно для этих частей Ипатьевской летописи лексические обороты и синтаксические конструкции сходны с подобными в «Слове о полку Игореве».

Имя П. Б. реально. С полной уверенностью можно говорить о том, что он занимался литературной деятельностью и был незаурядным писа-

телем своего времени (об этом мы знаем из рассказа о посольстве к Владимиру Галицкому). Поэтому гипотеза о существовании особой летописи, составленной П. Б., вполне вероятна, так же как вполне вероятно и то, что летопись эта была связана с киевским великим князем Мстиславом Изяславичем и его потомками. Эти гипотезы основываются на данных реально сохранившихся летописных текстов. О том же, что представлял собой «Раскольничий манускрипт» Татищева, мы ничего не знаем, а главное — мы не можем быть уверены в том, что дополнительные сведения Татищева — это именно сведения предполагаемого полного летописного текста П. Б., а не добавления и осмысления самого Татищева. Поэтому и образ П. Б. как летописца и представление о написанной им летописи носят гипотетический характер. Если П. Б. действительно был таким человеком, каким его рисует Б. А. Рыбаков, если действительно его авторству принадлежал такой летописный свод, который воссоздается исследователем, то предположение о том, что он мог быть и автором «Слова», допустимо. Но не является ли образ П. Б., воссозданный Б. А. Рыбаковым, идеальным воплощением наших современных представлений о том, каким должен был быть автор «Слова о полку Игореве»? Не случайно поэтому предисловие к своему исследованию Б. А. Рыбаков заканчивает следующими словами: «Был ли этот летописец (П. Б., — Л. Д.) автором „Слова о полку Игореве“ или только современным ему двойником, во всем подобным ему, решить нельзя. Да и сам облик этого летописца, составленный из разнородных источников, может вызвать много сомнений и возражений» (Рыбаков Б. А. Русские летописцы. . ., с. 6).

Соч.: ПСРЛ, СПб., 1843, т. 2 (Ипатьевская летопись); 2-е изд. СПб., 1908 (фото-типическое переиздание: М., 1962).

Лит.: Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1964, т. 3; Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868; Хрущев И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI—XII столетие. Киев, 1878; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 230—241; Рыбаков Б. А. 1) Боярин-летописец XII в. — История СССР, 1959, № 5, с. 56—79; 2) Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; 3) Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972; Франчук В. Ю. Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»? (Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи). — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 31, с. 77—92.

Л. А. Дмитриев

Подольский Антоний (XVII в.) — писатель и полемист. В 10—20-х гг. XVII в. в московских приказах служил подьячий П., причисленный в 1614/15—1616/17 гг. к штату Денежного стола Разряда, с хорошим окладом жалования в 33 рубля. Из 47 подьячих Разряда он считался одним из первых (в общем списке его имя стоит на восьмом месте). В 1622 г. П. был послан валовым писцом на Двину. Последние известия о нем относятся к 1627 г., когда его послали в Козельск «к селитренному делу» (с тем же окладом). В марте 1629 г. «селитренным вареньем» занимался там уже другой подьячий, Первой Михайлов.

Тогда же, в 10—20-х гг., в Москве подвизался писатель П. Когда приехавший из Польши и тотчас возведенный на патриарший престол Филарет Романов оправдал и освободил из заточения Дионисия Зобниновского и других справщиков Требника, П. написал сочинение «о просветительном огне», до сей поры не разысканное. Содержание его мы знаем из ответа Ивана Наседки. П. защищал в нем пресловутую прибавку «и огнем» в богоявленской водоосвятительной молитве, против которой выступали Дионисий, Наседка и их сотрудники. П. в этом сочинении оперировал спекулятивными рассуждениями о «божественном огне» и ссылался на русский обряд погружения в воду зажженных свечей, который сохранился в русской церкви до времен патриарха Никона.

В рукописной традиции известно три «слова» П. (все они изданы): «Слово о многопотошном и прелестном пьянстве» (1619—1620 гг.), «Слово о царствии небеснем, богом дарованнем и вечнем, и о славе святых, составлено от божественных писаний» (1625—1626 гг.), «Слово о разслабленном и немужественном и изуменном страховании, написано к некоему другу». П. принадлежит также предисловие к *Хронографу Русскому* (ГБЛ, собр. Ундольского, № 727). Кроме того, В. М. Ундольский, А. Н. Попов и А. И. Соболевский атрибутировали ему стихотворное «Послание к некоему» (около 630 стихов), которое находится в рукописи собр. Ундольского, № 526. Эта атрибуция основывается на единственном и весьма шатком основании — на том, что «Послание к некоему» следует в рукописи непосредственно за «словами», надписанными именем П. и бесспорно ему принадлежащими. Таким образом, мы имеем дело с произвольной догадкой, хотя пренебрегать ею не следует: по версификации и стилю «Послание к некоему» напоминает «двоестрочные согласия» Ивана Наседки, а П. был в тесных, хотя и непряizenных литературных отношениях с этим справщиком и ключарем Успенского собора. Зато совершенно невероятным представляется мнение А. И. Соболевского, согласно которому П. был также автором стихотворного предисловия к *Повести о разорении Московского государства* (1654 г.). Не случайно это предположение вызвало резкую критику Л. Н. Майкова.

Писатель П. часто упоминается в общих работах и энциклопедических пособиях прошлого столетия, включая РБС. Обычно в них излагается следующий биографический стереотип: П. был украинским иноком, переселившимся из Подолия в Москву в первые годы царствования *Михаила Федоровича*. Каковы основания этого стереотипа? Действительно, есть списки «слов» П., в которых автор назван «смирненным иноком» (ГПБ, Софийское собр., № 1428, середины XVIII в., л. 323). Но это поздние списки. Что касается ранних, то заглавия в них, несомненно восходящие к авторским, упоминают лишь о «смирненном (или недостойном)» П. (ср.: ГПБ, Соловецкое собр., № 899/1009, второй четверти XVII в., л. 322; ГПБ, собр. Погодина, № 1952, середины XVII в., л. 27). «Смирненным» и «недостойным» пристало именовать себя не только духовному лицу, но и мирянину. В таком случае слово «инок» могло быть вставкой переписчика. Важно, что ни в полемике Ивана Наседки, ни в собственных сочинениях П. нет никаких намеков на его сан. Социальное положение этого писателя, по-видимому, станет ясным после расшифровки аббревиатур, которыми он обычно сопровождал заглавия своих «слов», типа: а п и в г и. Пока ясно только то, что первые две буквы обозначают имя и фамилию. Что касается украинского происхождения П., то его выводят лишь из прозвища. Между тем еще Л. Н. Майков резонно заметил, что это прозвище не обязательно связывать с Подольской землей. Носитель такого прозвища мог быть родом из какого-нибудь села Подола, например из вотчины Данилова монастыря, которая со временем стала городом Подольском Московской губернии. Необходимо отметить, что в «словах» П. нет ни украинизмов, ни белорусизмов, как и варваризмов вообще. «Слова» написаны на типичном для московских книжников первой половины XVII в. церковнославянском языке. Нет никаких противопоказаний для отождествления подьячего П. и писателя П. (такое отождествление предложено А. А. Покровским). Специфика русской литературной жизни 10—20-х гг. XVII в. свидетельствует в его пользу. Именно в это время в Москве появляется «приказная школа» поэтов. Большинство ее участников — подьячие и дьяки. Она группируется вокруг Печатного двора, а писатель П., как явствует из полемики с Наседкой, весьма интересовался его деятельностью. С Печатным двором у П. могли быть и служебные связи: одно время он служил под началом дьяка Ефима Григорьевича Телепнева, который с марта 1622 г. ведал Приказом печатного книжного дела. В администрации П., по-видимому, не был случайным

человеком. Известны два его современника с тем же редким для Руси «реклом», тоже подьячие. Скорее всего, это одна приказная семья.

Полемическое сочинение Ивана Наседки дает некоторый материал для характеристики П. Наседка шипет, что П. хвастался, будто лучше всех в России знает грамматику и диалектику; что он проповедовал свои мысли о «просветительном огне» публично, на Пожаре (на Красной площади, где располагался главный «московский торг»), беседуя о богословских предметах «в торгу с риторами с колачниками, с витеями с пирожниками»; что у него было много учеников среди простонародья. Наседка насмехается над «пьяными устами» и «пьяными глазами» П., признаваясь, впрочем, что и сам не чужд хмельного питья: «Не сатана ты выучил мудрствовать, но родной брат и тебе и мне, утопленный в сусле хмель». Это обвинение находит подтверждение в «Слове о многопотопном и прелестном пьянстве» самого П., где, в частности, звучат автобиографические ноты: «И где ты учиню, о подобный мне пьянице, в человецех или в прочих безсловесных животных?»; «Любимицы мои, иже сим недугом, яко же аз, страждущии...».

«Слова» П. носят отвлеченный характер. В них нет никаких реалий, никаких примет места и времени. Два первых, о пьянстве и царствии небесном, — это по жанру именно «слова», т. е. проповеди. Таким образом, П. — наряду с *Иваном Нероновым* — был одним из первых русских литераторов, возрождавших личную проповедь, притом без оглядки на украинско-белорусскую ораторскую практику. Судя по этим «словам», П. не зря хвастался знанием грамматики и диалектики (он имел в виду, конечно, православно-славянскую традицию, *Иоанна Дамаскина* и «осмочастное слово»). П. — блестящий ритор, мастер «извития словес». Он способен блеснуть фразой, содержащей 56 (!) уподоблений пьянства. Он понимает, что постоянная амплификация утомляет слушателя и читателя, и поэтому заботится о ритмическом и стилистическом разнообразии. Третье «слово» — это послание неизвестному адресату, другу автора, потерявшему душевное равновесие и впадшему в «изуменное страхование». П. старается утешить этого «скорбного главою» человека, противопоставляя «изуменному и немужественному страхованию» единственно допустимый для христианина «страх божий»: «Почто воск еси, а не адамант, почто труп еси, а не меч, бегун, а не воин храбрый, хвастие, а не секира, лежащий, а не стоящий, свет во тму прелагая, еже бога не боятися, а тму во свет, еже стени боятися?». Этот фрагмент, этот риторический вопрос наглядно демонстрирует недюжинное дарование П.

Московские литераторы XVII в. помнили его и ценили его талант. В 60-х гг. известный справщик Печатного двора *Никифор Семенов* собственноручно переписывает «Слово о пьянстве». Автор знаменитого «Оглавления книг, кто их сложил» включил П. в свою роспись под № 14 и привел заглавия двух его первых «слов».

Соч.: Древняя русская проповедь против пьянства. — ПС, 1862, ч. 1, с. 283—288, 369—385 («Слово о многопотопном и прелестном пьянстве», по рукописи ГПБ, Соловецкое собр., № 899/1009); Памятники древнерусской духовной письменности. — ПС, 1864, ч. 1, с. 108—126, 227—246 («Слово о царствии небесном», по той же рукописи); Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869, вып. 2, с. 245—252 (издано предисловие П. к Хронографу, по рукописи ГБЛ, собр. Ундольского, № 727, с рассуждениями об авторе предисловия на с. 242—244); Петухов Е. В. Из истории русской литературы XVII века: Сочинение о царствии небесном и о воспитании чад. СПб., 1893, с. 23—56 (ПДПИ, вып. 9³); Орлов А. С. Домострой по Коншинскому списку и подобным, кн. 2-я. — ЧОИДР, 1911, кн. 1, отд. 2, с. 103—112 («Слово о разслабленном и немужественном и изуменном страховании, написано к некоему другу», по рукописи ГИМ, собр. Забелина, № 641).

Лит.: Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838, № 39, с. 87; Исправление богослужебных книг при патриархе Филарете. — ПС, 1862, ч. 2, с. 57—64; Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского М., 1870, № 526, 727; Соболевский А. И. 1) Из истории русской литературы XVII века. — Библиограф, 1891, № 3—4, с. 57—60; 2) К истории русских стихов. — Библиограф, 1891, № 7—8, с. 102—106; Майков Л. Н. 1) О начале русских вирш. —

ЖМНП, 1891, июнь, с. 443—453; 2) К истории о начале русских вирш: (Ответ профессору А. И. Соболевскому). — Библиограф, 1891, № 9—10, с. 113—118; Приходо-расходные книги московских приказов. М., 1912, кн. 1, стб. 527, 569, 777, 780, 785, 792, 793, 795, 797, 798 (РИБ, т. 28); Покровский А. А. К биографии Антония Подольского. — ЧОИДР, 1912, кн. 2, отд. 3, с. 33—38; Перетц В. Н. Отчет об экскурсиях семинария русской филологии в С.-Петербург. — Киевские университетские известия, 1912, № 7, с. 93—95 (о занятиях Б. А. Ларина произведениями П.); Щеглова С. О. Давні українські вірші про пияцтво. — В кн.: Науковий збірник ленінградського товариства дослідників української історії, письменства, та мови. Київ, 1929, т. 2, с. 81—82; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 416.

А. М. Панченко

Семен Денисов Вторушин (1682—1740) — один из основателей Выговского старообрядческого общежительства и второй (после *Андрея Денисова*) его настоятель, автор «Винограда Российского», «Истории об отцах и страдальцах соловецких» и др. В общежительство С. переселился под влиянием старшего брата Андрея Денисова, переманившего туда вскоре после основания монастыря всю свою семью (отца и сестру с двумя братьями). Несмотря на заслуги на поприще настоятельства, С. осознавался в старообрядческой среде как проповедник, ритор по преимуществу (ср. характеристику основателей монастыря в «Истории Выговской пустыни» *Ивана Филиппова*: «Даниил — златое правило Христовы кротости, Петр — устава церковного бодрое око, Андрей — мудрости многоценное сокровище и Симеон — сладковещательная ластовица и немолчная богословия уста»).

В 1713 г. С. был арестован новгородским митрополитом *Иовом*. Более четырех лет он провел в заточении, сопротивляясь усилиям митрополита отвратить своего узника от старообрядчества. Иов возил С. в Петербург для увещания в Синоде, но успеха не имел. В заточении были написаны первые произведения С. — три послания митрополиту Иову в защиту старой веры. Согласно старообрядческому преданию, отвечать на послания было поручено *Иоанникию Лихуду*, находившемуся тогда в Новгороде. Пребывание в Новгороде явилось значительным импульсом к литературным упражнениям С. Митрополит Иов, Иоанний Лихуд принадлежали к известному писательскому кругу, отодвинутому петровской эпохой на задний план. С. имел длительную возможность личного общения и полемики с ними. В 1713 г. в Новгороде находился *Карион Истомин*. Учитывая его опыт и пристрастие к раскольничьим делам, а также близость к Иову и Иоанникию (Карион был учеником Лихудов в Москве), можно предположить, что и он не остался в стороне от увещания упрямого «раскольника». Таким образом, С. во время новгородского заточения познакомился с целой группой писателей, принадлежащих школе XVII в.

Оказавшись на свободе (выговцы организовали его побег), С. захотел уединиться и заняться словесными науками. «Провел в келье шесть лет сидя, книги читая и Риторики с Москвы получая, и в тех упражнялся самоукой, время оно препровождая в охоте и тицании книжном», — писал Иван Филиппов об этом периоде жизни С. Первым учителем С. в словесности был брат Андрей. Вскоре С. сам сделался учителем. До нас дошли учебные выговские рукописи (сборник упражнений по риторике — ГПБ, О.ХV.51 и Грамматика — БАН, собр. Дружинина, № 299 (345)), вышедшие из мастерской С. и его учеников. В школе братьев Денисовых штудировали все общерусские риторики, известные к началу XVIII в. В 30-е гг. XVIII в. на их основе С. вместе с *Мануилом Петровым* создал оригинальную выговскую Риторику-свод. В 1730 г., после смерти Андрея Денисова, С. сделался настоятелем общежительства и пребывал им до своей кончины в 1740 г.

В годы управления С. монастырем Выговское общежительство находилось под следствием со стороны церковных и светских властей (с 1732 по 1738 г. — по доносу дьячка Толвуйского погоста Петра Халтурина, с 1738

по 1744 г. — по доносу бывшего выговского общежителя Ивана Круглого). По церковному ведомству выговцы обвинялись в обращении в старообрядчество окрестного населения, по гражданскому — в «немолении» за царя и царствующую фамилию. Последнее дело велось Тайной канцелярией. В общежительство была послана следственная комиссия во главе с ассессором О. Т. Квашниным-Самариным. С. был арестован. Выговцы вынуждены были принять моление за царя. В 1740 г. дело Тайной канцелярии закончилось благоприятно для пустынножителей. Но С. вышел из-под ареста больным и вскоре скончался.

С. написал более 100 сочинений. Он помогал Андрею Денисову в написании «Поморских ответов». Помимо произведений деловой письменности (Уставы, соборные уложения), ему принадлежат многочисленные торжественные и проповеднические слова и послания, надгробные слова. Центральные произведения С. — «Виноград Российский», собрание мартириев старообрядческих мучеников (1730—1733 гг.), и «История об отцах и страдальцах соловецких», повествующая об осаде Соловецкого монастыря в 1667—1674 гг., — сделались самым популярным чтением в старообрядчестве всех толков вплоть до XX в. «Виноград Российский» стал источником более поздней выговской литературы, компилятивной по своему характеру; заимствования из него обнаруживаются в анонимных выговских *житиях Кирилла Сунарецкого*, инока *Епифания*, *Повести о боярыне Морозовой*, в «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова и других произведениях. Помимо прозаических жанров С. подвизался в силлабическом стихотворчестве. Его стихи представлены многочисленными неравносложными виршами к главам «Винограда Российского» и силлабическим отрывком из «Истории об отцах и страдальцах соловецких». Подробный перечень сочинений С. и их списков дан в книге В. Г. Дружинина.

Соч.: Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1863, т. 2, Приложения и материалы, с. 1—55 («История об отцах и страдальцах соловецких»); Виноград Российский. М., 1906; Sullivan J. and Drage C. L. Poems in Unpublished Manuscript of the Vinograd Rossiiskii. — Oxford Slavonic Papers, 1968, vol. I, p. 27—48 (стихи к «Винограду Российскому»).

Лит.: Б [ровкович] Александр. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. [Б. м.], 1861, с. 64—165; Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861, т. 1, с. 303—310; История Выговской старообрядческой пустыни / Изд. по рукописи Ивана Филиппова. СПб., 1862, с. 144—152, 219—222, 396—398, 417—418, 470—479 и др.; Барсов Н. И. Братья Андрей и Семен Денисовы: Эпизод из истории русского раскола. — ПО, 1865, май, с. 20—48; июнь, с. 221—242; август, с. 404—423; сентябрь, с. 55—91; октябрь, с. 232—247; ноябрь, с. 412—438; декабрь, с. 514—528; Барсов Е. В. 1) Семен Денисов Вторушин, предводитель русского раскола XVIII века. — Труды КДА, 1866, февраль, с. 174—230; июнь, с. 168—230; июль, с. 285—304; декабрь, с. 570—588; 2) Уложение братьев Денисовых. — В кн.: Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868—1869 гг. Петрозаводск, 1869, с. 85—116; 3) Четьи миеи братьев Денисовых. — В кн.: Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917, с. 663—708; Пыпин А. Н. Сводный старообрядческий Синодик: Второе издание Синодика по четырем рукописям XVIII—XIX вв. СПб., 1883, с. 30; Смирнов П. С. 1) Лексинская беспоповщинская пустынь в первое время ее существования. — ХЧ, 1910, февраль, с. 145—172; март, с. 310—333; 2) Выговская беспоповщинская пустынь в первое время ее существования. — ХЧ, 1910, май—июнь, с. 638—674; июль—август, с. 910—934; Дружинин В. Г. 1) Писания старообрядцев, с. 133—159 (перечень сочинений С. и их списков); 159—161 (перечень сочинений о С. и их списков); 2) Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911; 3) Несколько автографов писателей старообрядцев. СПб., 1915, с. 7—9, табл. VIII—XIX; 4) Поморские палеографы начала XVIII столетия. — ЛЗАК, 1921, вып. 31, с. 1—66; Поньрко Н. В. Учебники риторики на Выгу. — ТОДРЛ, Л., 1981, т. 36, с. 154—162; Юхименко Е. М. «Виноград Российский» С. Денисова: (текстологический анализ). — В кн.: Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1985, с. 249—266.

Н. В. Поньрко

Серапион (ум. 1275) — епископ владимирский, проповедник и писатель. Сведения о жизни и деятельности С. крайне скудны. В летописи имеются лишь два сообщения о нем. Под 1274 г. говорится: «Того же

лета прииде ис Киева митрополит Кирил и приведе с собою архимандрита печерьскаго Серапиона, и постави его епископом Володимерю, Суждалю и Новугороду Нижнему» (Московский летописный свод конца XV в. — ПСРЛ, М.; Л., 1949, т. 25, с. 151). Тот же текст читается в *летописи Воскресенской*, сходный — в *летописи Никоновской*. В летописном своде 1479 г. сообщается несколько иначе: «Прииде из Киева митрополит Кирил и постави епископа Володимерю и Суздалю, привед с собою печерскаго игумена Серапиона» (ПСРЛ, М.; Л., 1963, т. 28, с. 61; тот же текст читается в летописном своде 1518 г.). Под следующим, 1275 г. в Московском летописном своде говорится: «В то же лето преставися епископ Володимерьски Серапион, бе же учителен зело в божественном писании, положен же бысть в церкви святыа Богородица во Владимирѣ» (ПСРЛ, т. 25, с. 151). В своде 1497 г. иначе: «Преставися епископ володимерский Серапион и положен в церкви Пречистыа Златоверхия, бе же зело учителен и книжен» (ПСРЛ, т. 28, с. 61; аналогичный текст в своде 1518 г.). В *летописце Владимирском* в сообщении о поставлении С. упомянуты только Ростов и Владимир, а в сообщении о его смерти отсутствует характеристика «книжности» епископа (ПСРЛ, М., 1965, т. 30, с. 95). Кроме того, еще Е. Болховитинову удалось установить, что до поставления во Владимир С. игуменствовал с 1249 по 1274 г.

Несмотря на скупость летописной оценки «книжности» С., в науке утвердилось мнение о принадлежности ему пяти поучений. Четыре из них надписаны именем С. в одном из древнейших четых сборников — «Златой цепи» XIV в. (ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 11). Эти поучения следующие:

1) «Слово преподобнаго отца нашего Серапиона» (нач.: «Слышасте, братие, самого господа, глаголюща в евангелии: И в последняя лета будет знаменья...»). Под заглавием «Слово святаго Иоанна Златоустаго о казнях божиих и о ратех» эта статья входит в *Измарагд* 1-й редакции, являясь его 37-й главой (см. списки: ГБЛ, собр. Румянцева, № 186; собр. Троице-Сергиевой лавры, № 204 и ГПБ, F.I.233). Эта статья входит в сборник ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 40/1117, представляющий собой, по наблюдениям В. А. Яковлева (см.: Яковлев В. А. К литературной истории древнерусских сборников: Опыт исследования «Измарагда». Одесса, 1893, с. 278—281), переделку той же редакции *Измарагда*. Читается это же слово и в сборниках: ГПБ, F.I.915 и Q.I.312; ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 768 и 794 (в первом из них с заглавием «Поучение о потрясении, да отступим от зла и избудем гнева божия»); ГИМ, собр. Уварова, № 77/307 и 740/309; в сборнике Владимирского обл. музея, № 5636/18 и «Златой цепи» из собрания Новгородского исторического музея, № 10960.

2) «Поучение преподобнаго Серапиона» (нач.: «Многу печаль в сердци своем вижу...»). Помимо Троицкой «Златой цепи» читается в *Златоусте* во вторник 1-й недели поста, где оно озаглавлено «Поучение Иоанна Златоустаго, да престанем от грех наших», а также в сборниках.

3) «Слово святаго преподобнаго Сирапиона (так!)». Помимо Троицкой «Златой цепи» читается в «Златой цепи» Новгородского музея, в сборниках и регулярно в *Измарагде* 2-й редакции, где под заглавием «Слово святаго Ефрема о казнях божиих и о ратех» (нач.: «Удивимся, братие, и почудимся человеколюбию и милости бога нашего...») оно составляет главу 148.

4) «Поучение преподобнаго Серапиона» (нач.: «Мал час порадовахся о вас, чада, видя вашу любовь...»). Было известно лишь по списку Троицкой «Златой цепи». В. А. Колобанов обнаружил второй список Поучения в «Златой цепи» Новгородского музея.

5) «Слово блаженнаго Серапиона о маловерии» (нач.: «Печаль многу имам в сердци от вас, чада. Никако же не премените от злобы...»).

Известно пока в составе одного лишь Паисиевского сборника XV в. (ГПБ, собр. Кирилло-Белозерское, № 4/1081).

В первом из названных слов С. призывает свою паству к покаянию, напоминая ей о грозных божественных «наказаниях» — землетрясении и нашествии иноплемеников. Е. В. Петухов полагал, что речь идет о землетрясении 1230 г., описанном в летописях, и поэтому данное поучение написано С. вскоре после события. Что же касается упоминания в нем «ратей многих» и вражеского нашествия, то исследователь считал его позднейшей вставкой. В. А. Колобанов допускает, что поучение написано уже после монголо-татарского нашествия и что имеется в виду другое землетрясение (например, 1258 г., упомянутое в Густынской летописи). Он отмечает, что в ряде списков поучения его предлагается читать не в мае, когда свершилось землетрясение 1230 г., а «октября в 26 день», в «воспоминание страшного трясения». Второе и третье слова С. развивают ту же тему — призыв к покаянию перед лицом постигших страну бед. Несмотря на церковно-учительный характер, все три названных слова С. являются выразительными свидетелями настроений русского общества в тяжкие годы вражеского нашествия: уже к «40 лет приближается томление и мука», говорит С., «исчезла крепость» князей и воевод, в плену соотечественники, поросли сорной травой разоренные села, русское богатство стало «корыстью» врагов, и вся земля «иноплемеником в достояние быть». При этом С. сурово обличает своих соплеменников, не упускающих случая «пограбить» чужое имение, вслед за автором «Слова о полку Игореве» выступая против феодальных междоусобиц. Четвертое и пятое слова С. посвящены более частным вопросам: проповедник выступает против языческих обычаев, против веры в колдовство, осуждает жестокую расправу над людьми, обвиняемыми в «волхвовании». Поучениям С. присущи высокие художественные достоинства; изысканное мастерство церковного риторика соединяется в них с необыкновенной простотой и ясностью языка. Исследователи отмечали влияние слов С. на другие литературные памятники: на *«Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского»*, на *Повесть о Псковском взятии*, на окружное послание патриарха Иоасафа (1636 г.).

Сложно установить характер участия С. в соборе 1273 или 1274 г., одним из вопросов которого было поставление С. епископом владимирским. Я. Н. Щапов указывал на невыясненность многих обстоятельств проведения собора: когда именно и где он был созван, кто были его участниками и т. д. (см.: Щапов Я. Н. Византизм и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978, с. 181—184). В. А. Колобанов, основываясь на стилистическом и языковом сходстве, считал, что С. принадлежит «Почение к попом», входящее в состав кормчих книг вместе с постановлениями собора.

Соч.: Прибавления к ТСО, СПб., 1843, т. 1, с. 97—111, 193—205; Шевырев С. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М., 1850, ч. 2, с. 36—38; ПС, 1858, т. 2, с. 472—484; Петухов Е. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888; «Слова» Серапиона Владимирского. — ПЛДР: XIII век. М., 1981, с. 440—455.

Лит.: Болховитинов Е. Описание Киево-Печерской лавры с присовокуплением разных грамот и выписок... Киев, 1831, с. 138; Аристов Н. Я. Заметка о поучениях епископа Серапиона. — Труды 3-го Археологического съезда. Киев, 1878, т. 2, с. 47—48; Филарет. Обзор, с. 63—64; Gorlin M. Serapion de Vladimir, prédicateur de Kiev. — Revue des études slaves, Paris, 1948, t. 24, p. 21—28; Гудзий Н. К. Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского. — ИОЛН, 1952, т. 11, вып. 5, с. 450—456; Колобанов В. А. 1) К вопросу о датировке первого «Слова» Серапиона Владимирского. — Учен. зап. Владимирского пед. ин-та, 1958, вып. 4, с. 250—258; 2) О Серапионе Владимирском как возможном авторе «Почения к попом». — ТОДРЛ, М., Л., 1958, т. 14, с. 159—162; 3) К вопросу об участии Серапиона Владимирского в соборных «деяниях» 1274 г. — ТОДРЛ, М., Л., 1960, т. 16, с. 442—445; 4) Обличение княжеских междоусобиц в поучениях Сера-

иона Владимирского. — ТОДРЛ, М.; Л., 1961, т. 17, с. 329—333; 5) Общественно-литературная деятельность Серапиона Владимирского. Автореф. канд. дис. Ленинград; Владимир, 1962.

О. В. Творогов

Сергий (в миру Семен Иванович Крашенинников) (около 1635—после 1700) — старообрядец, автор второй челобитной царям Ивану и Петру Алексеевичам. С. родился в семье нижегородского посадского человека Ивана Крашенинникова, еще подростком сблизился с семьей протопопа *Аввакума*, бывшего тогда попом в Лопатицах, стал его духовным сыном и другом *Ефимия*, младшего брата *Аввакума*. Впоследствии в своем *Житии* *Аввакум* будет вспоминать о том, как 14-летний С. помогал ему «изгонять бесов» из *Ефимия* (*Житие протопопа Аввакума*, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960, с. 111—112).

В 1650—первой половине 1670-х гг. С. живет еще в нижегородских пределах, однако часто бывает в Москве. Здесь на правах духовного сына протопопа *Аввакума* он близко сходитесь с членами московской старообрядческой общины: *Ф. П. Морозовой*, *Е. П. Урусовой*, *Ксенией Ивановой*, *Маремьяной Федоровной*, *Александрой Григорьевной* (инокиней *Маланьей*), сыном дьякона *Федора* *Иванова* *Максимом*, священниками *Козьмой* и *Стефаном* и др. С. состоит в активной переписке с заключенным в пустозерской темнице *Аввакумом*, привозит ему деньги. Известны три письма *Аввакума*, адресованные на его светское имя (два из них, 2-е и 3-е, были посланы вместе с «Книгой толкований и правоучений»), послание «игумену» С. (называя С. «игуменом», *Аввакум*, видимо, имел в виду авторитет его в общине) и несколько писем, направленных С. наряду с другими членами московской общины; С. является также адресатом «Книги обличений, или Евангелия вечного», где *Аввакум* «себе и самого и Сергия вообразил в тех письмах в лицах», и, возможно, С. посвящена вторая часть *Жития* инока *Епифания*, соузника *Аввакума* (*Робинсон А. Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания: Исследования и тексты*. М., 1963, с. 123—124). Письма самого С. не сохранились. В 1675 г. известный расколуучитель, бывший игумен *Беседного Никольского монастыря* близ *Тихвина* *Досифей* постриг С. в монахи *Троицкого монастыря* в *Олонецком уезде*. Здесь С. прожил «с полгода, и из того монастыря вышел, ходя по разным пустыням» (*Материалы для истории раскола...*, т. 4, с. 299). В 1677 г. он, вероятно, был арестован на посаде г. *Белева* и помещен в оковах в *Преображенский монастырь*, откуда ему удалось бежать «в нощи и с железами» (*Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе...*, с. XXXI, примеч. 42).

В начале 1682 г. с благословения *Аввакума* (*Житие протопопа Аввакума...*, с. 291—292) С. «пришел в Москву по жребию и посланию игумена *Досифея* бить челом государям» об исправлении веры (*Материалы для истории раскола...*, т. 4, с. 299). Его пребывание в столице совпало с началом стрелецкого восстания. События мая—июля 1682 г. выдвинули «нового *Илию*, ревнителя по отеческих преданий и догматах, благоговейный инока, во учении и твердого адаманта», как характеризует С. автор «Истории о вере и челобитной о стрельцах» *Савва Романов*, на одно из первых мест. С благословения С. и, видимо, при его участии в конце мая 1682 г. составляется 1-я челобитная о вере «от лица всех полков и чернослободцев». Один из ее списков был подан «в Верх», а другой, за подписью 9 полков и пушкарей, положили, «запечатав», «в *Титове полку*». Тогда же С. составляет на имя царей *Ивана* и *Петра* 2-ю «большую челобитную от лица всех православных христиан, на 20 столпцах писана». Эта челобитная, посвященная обличению «еретических» новшеств, введенных патриархом *Никоном*, основанная на знаменитой 5-й *Соловецкой челобитной* 1667 г. и излагавшая аргументы в защиту старых обрядов, зачитывалась 5 июля 1682 г. во время диспута о вере в *Грановитой па-*

лате. На диспуте вместе с *Никитой Добрыниным* («Пустосвятом»), Саввой Романовым и др. присутствовал и С.

Вскоре после поражения движения старообрядцев С. был схвачен, допрошен в Крестовой палате и отправлен в заточение в Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, откуда в 1684 г. переведен в земляную тюрьму Рязанского Солотчинского монастыря без права пользоваться чернилами и бумагой. Однако С. удалось бежать. Он скрывается в нижегородских керженских скитах, приобретает здесь большой авторитет и прозвище «страдальца». В этот период С. выступает ревностным поборником самосожжений, ссылается при этом на письма Аввакума и занимается их широким распространением (Лопарев Х. М. Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжений 1691 г. СПб., 1895, с. 15, 18—20, 89, 110, 114 (ПДПИ, вып. 108)), особенно в конце 1680-х—начале 1690-х гг., когда он обитает в скиту старца Онуфрия. Под влиянием С. сам Онуфрий и его последователи («зельный любитель и рачитель» аввакумовских сочинений Поликарп Петров, Измаил, Иван Грачев и др.) также начинают распространять писания Аввакума, почитать их «паче Евангелия» и даже изображать протопопа на иконах. Это привело к собору 19 августа 1693 г., организованному Ф. И. Токмачевым, побоищу между сторонниками и противниками аввакумовской «ереси» и последующим раздором на Керженце (Материалы для истории раскола... М., 1887, т. 8, с. 224, 238—242, 260, 294, 336—337, 346). Наконец на соборе 28 ноября 1708 г. (по другим сведениям — в 1709 г.; у А. И. Журавлева неверно — 1699 г.) Онуфрий отказался от аввакумовских писем, которые решено было вернуть их владельцу С. В 1710 г. С. принимал участие в полемике против диаконовщины и подписал жалобу на диаконов (по поводу каждения и формы креста), отправленную на Ветку к попу Феодосию. По сообщению Г. В. Есипова, инок-схимник Сергей состоял в переписке с ветковскими старообрядцами даже в 1717 г., но наш ли это С. — неясно.

Имя «страдальца» С., видимо, долго было популярно на Керженце: «нижегородца» С. упоминает в предисловии к «Працице духовной» (СПб., 1721) искоренитель керженского раскола епископ Питирим; присутствовавший в 1719 г. на «разглагольствовании» Питирима с дяконовцами *Семен Денисов* (Дружинин В. Г. Поморские палеографы начала XVIII столетия. Пг., 1924, с. 59) впоследствии поместил в Краткой редакции *Повести о боярыне Морозовой* эпизод о чудесном пострижении Морозовой в Боровской тюрьме, якобы рассказанный кому-то «страдальцем» С. (Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исслед. А. И. Мазунина. Л., 1979, с. 204).

Соч.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1878, т. 4, с. 299—342 (челобитная С. и его показания в Крестовой палате).

Лит.: Журавлев А. И. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках... 2-е изд. СПб., 1795, ч. 3, с. 2—7; Записки русских людей: События времен Петра Великого. СПб., 1844, с. 38—40; Макарий [Булгаков]. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1855, с. 220—226, 288—291; Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858, т. 1, с. 284—287; Александр Б. [Бровкович]. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861, ч. 2, с. 38—64, 121—181; История о вере и челобитная о стрельцах Саввы Ромалова. — В кн.: Летописи Тихонова. М., 1863, т. 5, с. 111—148; Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия: Извлеченные из Преображенского приказа и Тайной канцелярии / Изд. Д. Е. Кожанякова. СПб., 1863, т. 2, с. 223, 229—231, 255, 258—259, 261—262; Сильвестра Медведева созерцание краткое лет 7190, 7191 и 7192, в них же что содеяно во гражданстве. — ЧОИДР, 1894, кн. 4, с. 76—92; Смирнов П. С. 1) Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898, с. XXIX—XXXI, примеч. 42; с. LII—LIII, LVII—LVIII, 63, 69—70, 77, 111—112, 124, 129, 236—237; 2) Из истории раскола первой половины XVIII века: По неизданным памятникам. СПб., 1908, с. 111—113; 3) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909,

с. 40, 268, 270, 275, 324—325, 327—328; Дружинин. Писания старообрядцев, с. 248; Будовниц. Словарь, с. 286, 364; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962, кн. 7, с. 278—290; Малышев В. И. История «иконного» изображения протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, М.; Л., 1966, т. 22, с. 382—401; Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969, с. 210—235; Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978, с. 84—85, 112—113.

А. Т. Пашков

Симон Азарьин (в миру Савва Леонтьев, сын Азарьин, по прозвищу Булат) (ум. 1665) — с 1624 г. монах Троице-Сергиева монастыря, писатель, владделец обширной библиотеки. До пострижения в монахи С. был слугой (доверенным лицом) княжны Ирины Мстиславской. К служилому сословию относились и братья С. — Иван (государев стремянной конюх) и Михаил (слуга боярина И. Н. Романова). С. был 6 лет келейником троцкого архимандрита *Дионисия Зобниновского*, который придавал большое значение книгописанию и пополнению монастырской библиотеки. В 1630—1631 гг. С. был казначеем келейной казны патриарха *Филарета* в Москве, в 1632—1633 гг. — строителем Троицкого монастыря в Алатыре. По возвращении в Троице-Сергиев монастырь С. стал его казначеем (1634—1645 гг.), а позднее келарем (1645—1653 гг.). Хозяйственную и административную деятельность С. сочетал с литературным трудом.

В 1640-е гг. С. создал новую редакцию *Жития Сергия Радонежского* — «Книгу о новоявленных чудесах чудотворца», неполный текст которой был издан в Москве в 1646 г. Новизна некоторых чудес у гроба Сергия вызвала отказ печатников включить их в книгу, и потребовалось вмешательство патриарха и царя, чтобы в «Службы и жития Сергия и Никона» вошло «чудо о кладезе», напечатанное на добавочных листах. После издания этого сочинения, включившего 35 чудес, С. продолжал вести записи новых исцелений и видений, общим числом 76, по 1654 г. Около 1653 г. он написал обширное предисловие, в котором прославлял Троице-Сергиев монастырь. Здесь же С. изложил необычную историю напечатания своего труда. Характерно признание автором высокого авторитета Сергия Радонежского и его обители в борьбе против монголо-татар, в походе на Казань и во время польско-литовской интервенции начала XVII в. В «новоявленных» чудесах фигурируют реальные исторические лица: Козьма Минин, Иван Наседка, пан Лисовский, окольничий Ф. В. Волынский, кн. Семен Шаховской и др. Еще в XVIII в. это сочинение С. легло в основу двух житийных икон Сергия Радонежского (Ярославский музей и Музей им. Андрея Рублева в Москве).

А. Н. Попов (1881 г.) первым заметил идейное и стилистическое сходство «Книги о новоявленных чудесах Сергия Радонежского» с «Повестью о разорении Московского государства», известной в двух списках (ГБЛ, собр. МДА, № 203 и 204). Эти патриотические сочинения связаны с эпохой Смутного времени, с его героикой и прославлением покровителей русского воинства. Однако по неизвестным причинам Повесть не получила распространения.

Между 1646—1654 гг. С. составил *Житие Дионисия Зобниновского*. Текст *Жития* неоднократно публиковался в XIX в. по случайным спискам; Н. М. Уваровой к 1975 г. обнаружено всего 18 списков, некоторые из них с значительными разночтениями. До сих пор *Житие* Дионисия остается недостаточно изученным. При составлении *Жития* С. обращался к известиям, полученным от Ивана Наседки. По идейному содержанию *Житие* Дионисия находится в круге сочинений, утверждающих культ Сергия Радонежского и Троице-Сергиевой лавры. Примечательны главы *Жития*, освещающие период восстановления монастыря-крепости после осады 1608—1610 гг.; широко известно то место *Жития*, где характеризуется архимандрит Дионисий как покровитель искусств и ремесел. В це-

лом этому сочинению присущи традиционные черты агиографического жанра XVII в. С. был одним из составителей предисловий к Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря 1638/39 г. и к «Копийным книгам» 1641 г. В этих предисловиях мотивируется право церкви на землевладение.

В 1654 г. С. был подвергнут опале (может быть, это определило дальнейшую популярность некоторых его сочинений) и с 1655 по 1657 г. был в ссылке в Кириллове монастыре. Последние 8 лет жизни С. провел в Троицкой лавре, на покое. Незадолго до смерти, в 1665 г., более 100 книг его личной келейной библиотеки были подготовлены к вкладу в монастырь: на каждой была сделана вкладная запись с датой. Для розыска книг С. благоприятную роль сыграла обнаруженная в ЦГАДА опись его библиотеки 1701 г. (найлены более 50 рукописей и старопечатные издания). В составе библиотеки С. богослужебные и противоеретические книги, произведения исторические и литературные, учебные пособия, в том числе на греческом, польском и немецком языках.

Соч.: Службы и жития Сергия и Никона, М., 1646; Служба и житие Сергия Радонежского. Клины, 1786; Смирнов С. О предисловии к житию преп. Сергия, писанном келарем Симоном Азарьиным. — ВОИДР, М., 1851, кн. 10, Смесь, с. 1—13; Книга о чудесах преп. Сергия. Творение Симона Азарьиного / Сообщил С. Ф. Платонов. СПб., 1888 (ПДПИ, вып. 70); Повесть о разорении Московского государства и всея Российския земли, како и отчего и откуду начало изыде тех бед и напастей / Изд. А. Н. Попов. — ЧОИДР, 1881, кн. 2, с. 1—51; Канон преп. отцу нашему Дионисию, архимандриту Сергиевской лавры, Радонежскому чудотворцу, с присовокуплением жития его. М., 1808 (то же: М., 1816; М., 1817; М., 1824; М., 1834; М., 1855).

Лит.: Арсений, иеромонах. Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей Троице-Сергиевой лавры. СПб., 1863, с. 24—25; Ключевский И. Древнерусские жития, с. 350—352; Скворцов Д. Дионисий Зобнинский. Тверь, 1890, с. 29—30 и др.; Платонов С. Ф. 1) Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913; 2) Москва и Запад в XVI—XVII веках. Л., 1925, с. 83—94; Никольский Н. К. К истории наказания писателей в XVII веке. — В кн.: Библиографическая летопись. СПб., 1914, с. 126—128; Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI и XVII веках. М., 1958, с. 64; Филатов В. В. Икона с изображением сюжетов из истории Русского государства. — ТОДРЛ, М.; Л., 1966, т. 22, с. 277—293; Уварова Н. М. 1) О составе библиотеки Симона Азарьиного: (К постановке вопроса). — В кн.: Проблемы жанра и стиля в русской литературе: Сборник Трудов Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. М., 1973, с. 28—32; 2) Симон Азарьин как писатель середины XVII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975; Клитина Е. Н. Симон Азарьин: (Новые данные по малоизученным источникам). — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 34, с. 298—312; Болотцева И. П. «Сказание о Мамаевом побоище» на иконе «Сергий Радонежский с житием» XVII века. — В кн.: Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980, с. 120—123.

О. А. Белоброва, Е. Н. Клитина

Софья Алексеевна (17 IX 1657—4 VII 1704) — царевна, автор писем В. В. Голицыну и виршей к его портрету. Дочь царя *Алексея Михайловича* и М. И. Милославской, С. А. была правительницей России в 1682—1689 гг. Образованнейшая женщина своего времени. По свидетельству современников, была очень умна, начитанна, проникательна, энергична и честолюбива. В юности С. А. воспитывалась при дворе царя Алексея Михайловича *Симеоном Полоцким*, была его усердной ученицей и восприняла передовые для того времени идеи сближения России с Западом. Принимала участие в сценических представлениях дворцового театра в пьесах Симеона Полоцкого. Предприняла неслыханную для Руси попытку покинуть «терем» и активно участвовать в государственной политике и борьбе придворных партий.

После смерти брата, царя *Федора Алексеевича*, С. А. воспользовалась стрелецким восстанием в Москве (май 1682 г.) и фактически возглавила правительство при малолетних Иване и Петре Алексеевичах. Опираясь на боярскую партию Милославских, на канцлера князя В. В. Голицына, боярина Ф. Л. Шакловитого, правительство С. А. провело несколько

важных акций: был несколько ослаблен сыск беглых крестьян, проведены уступки посадам, заключены важные для России мирные договоры со Швецией (1683 г.), с Польшей («вечный мир» 1686 г.), осуществлены походы В. В. Голицына в Крым (1687, 1689 гг.). В 1682 г. С. А. активно участвовала в «прениях о вере» в Грановитой палате Кремля. В 1687 г. С. А. санкционировала открытие первого высшего всесословного учебного заведения в Москве — Эллино-греческой академии на основе школы при Богоявленском монастыре (впоследствии Славяно-греко-латинская академия). В 1689 г. борьба за обладание престолом между Нарышкиными и Милославскими завершилась победой группировки, поддерживающей Петра Алексеевича. Правительство С. А. пало, она была заключена в Новодевичий монастырь, где в 1698 г. под именем Сусанны пострижена в монахини; здесь она и скончалась.

О литературном творчестве С. А. известно очень мало. Предполагают, что она, вероятно, была автором не сохранившейся до нас трагедии «Обручение святыя Екатерины», ставившейся в 1680-х гг. во дворце. Н. М. Карамзин писал о С. А. в «Пантеоне российских авторов» (М., 1820, т. 7, с. 293): «Мы читали в рукописи одну из ее драм, и думаем, что царица могла бы сравняться с лучшими писательницами всех времен, если бы просвещенный вкус управлял ее воображением». Имеются глухие упоминания о том, что С. А. писала стихи, но более или менее достоверно можно говорить лишь о виршах к портрету В. В. Голицына (1689 г.). Известны (опубликованы впервые Н. Г. Устряловым) два письма С. А. к В. В. Голицыну во время его крымских походов. Письма любовного содержания написаны цифровой тайнописью. Одна из ее рукописей — роскошно украшенное лицевое Евангелие, изготовленное в подарок В. В. Голицыну, — находится в Древлехранилище Пушкинского Дома (Карельское собрание, № 241). С. А. посвящали свои панегиристические вирши *Сильвестр Медведев* и *Карион Истомир*.

Соч.: Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858, т. 1, с. 382—384, прил. X; Семевский М. Современные портреты Софии Алексеевны и В. В. Голицына. 1689. — Русское слово, СПб., 1859, № 12, с. 411—458.

Лит.: Шмурло Е. Падение царвны Софьи. — ЖМНП, СПб., 1896, январь, с. 38—95; Помяловский М. София Алексеевна. — РБС, «Смеловский—Суворина». СПб., 1909, с. 126—144.

Г. В. Маркелов

Татищев Михаил Юрьевич (1620—1701) — боярин, поэт, примыкавший к приказной школе. Сын стольника Юрия Игнатьевича Татищева. Начав службу стряпчим, Т. 12 июля 1639 г. был пожалован в стольники и пребывал в этом чине сорок пять лет, выполняя различные военные, административные и дипломатические поручения. В 1641—1647 гг. он (с перерывами) служит в Туле, Мценске, Ливнах в полках под началом князей Я. К. Черкасского, Г. С. Куракина, И. А. Трубецкого. Затем он оказывается при молодом царе *Алексее Михайловиче* (27 января 1648 г., назавтра после свадьбы царя с Марией Ильиничной Милославской, Т. за царским столом в Грановитой палате «пить носил перед бояры в большой стол»). В 50—60-х гг. он то при дворе, то на ратной службе, то в посольствах. В 1672 г. Т. впервые был послан на воеводство (сначала в Арзамас, а четыре года спустя в Ростов).

Думных чинов Т. достиг только в пожилом возрасте, причем не за какие-либо исключительные заслуги, а по той причине, что породнился с царствующим домом. Дочь Т. Анна была второй женой боярина Александра-Федора Петровича Салтыкова (ум. 1702). Их дочь Прасковья Федоровна, внучка Т., 9 января 1684 г. стала женой царя Ивана Алексеевича. Родственники новой царицы получили разные повышения, в том числе и Т., который 24 августа того же года был пожалован в думные дворяне, а через 5 дней — в окольничие. В это время Т. оказыва-

ется в ближайшем окружении царя Ивана, постоянно сопровождает его в «походы» в Троице-Сергиев, Воскресенский Новоиерусалимский и другие монастыри. По-видимому, отношения Т. с правительством царевны *Софьи Алексеевны* не отличались особой близостью, и в 1688 г. он был послан первым воеводой на Двину, где и пробыл до середины декабря 1690 г., пережив вдали от столицы дворцовый переворот 1689 г. Тотчас по возвращении в Москву, 2 февраля 1691 г., Т. был пожалован в бояре, став, таким образом, единственным из всех Татищевых, кто достиг в XVII в. этого высшего думного чина.

В истории русской поэзии Т. известен как автор пространного «относительно силлабического» послания (103 стиха с парной рифмой, последний стих холостой). Это послание адресовано государю (акrostих: «Великий государ, благочестивый цар, пощади холопа своего Михалка Татищева, вели, государ, быти при своих царских светлых очах»); число букв в акrostишной фразе равно 106; оно на три превышает число стихов послания — по той причине, что в трех случаях — в стихах 27, 76, 98 — в акrostишную фразу включаются не одна, а две (первая и вторая) буквы стихотворной строки). В момент составления послания Т. служил где-то в провинции. Он просит царя вернуть его в Москву, убеждает не слушать неких клеветников, «на ны суетного слуха и лести не приимати», дерзает напомнить адресату, что тот некогда дал Т. слово вернуть его ко двору:

О всех же на тебя, государя единого, упование возлагаю,
еже твое царское древнее обещание к собе поминаю.
Государское царское ваше слово непременно бывает,
о нем же кто на бога надежду свою выну возлагает.

Все это дает некоторые основания для датировки эпистолии Т. и для отождествления адресата. Таковым скорее всего был царь *Михаил Федорович* (во-первых, нам известны адресованные ему «относительно силлабические» послания поэтов приказной школы, в то время как царь *Алексей* адресатом таковых эпистолий не был; во-вторых, уже в самом начале царствования *Алексея Михайловича* мы находим Т. «при царских светлых очах»; значит, царю *Алексею* он не мог напоминать о «древнем обещании»). В таком случае эпистолию Т. следует датировать первой половиной 40-х гг., когда он служил в Туле, Мценске и Ливнах. Именно к этому периоду относятся известные нам местные споры Т., иногда кончавшиеся для него плачевно (так, он был «выдан головой» князю *Д. М. Пожарскому*). Для Т. было естественно бранить тех, «кто неистинну в царския... ушеса влагает, речей хулных кто глаголати на нас... не срамятся».

Круг приказных стихотворцев составляли прежде всего администраторы, дьяки и подьячие, а также духовные лица. Т. — это аристократ, хотя из второстепенного рода. Однако поэтические занятия для аристократа 40-х гг. не кажутся чем-то из ряда вон выходящим. К приказной школе на склоне лет примкнул князь *С. И. Шаховской*. Справщик *Савватий* в 40-х гг. обучал писать «относительно силлабические» стихи князя *М. Н. Одоевского* (умер молодым в 1653 г.). В связи с этим небезынтересно, что Т. в 1655 г. служил под Дубровкой в полку князя *Н. И. Одоевского*, отца ученика *Савватия*.

По технике эпистолия Т. типична для приказной школы: прозаический акrostих, обязательная парная рифма, большей частью грамматическая, даже тавтологическая, и лишь изредка богатая и разнородная (кручины—пучины; богу—много; саны—на ны). Впрочем, акrostишные принципы у Т. индивидуальны (нечто подобное встречаем лишь в альбомном стихотворении *А. С. Романчукова*). Первые четыре слова в акrostихе Т. представляют собой краткую титулярную формулу. Первой букве каждого из четырех слов в эпистолии соответствуют однокоренные слова: «великий» — «великих», «государ» — «государем», «благочестивый» —

«благочестия», «цар» — «царское». Разумеется, из однокоренных слов легче всего брать буквы для акростиха. Однако в дальнейшем, закончив титулатуру, Т. уже так не работает, соответствие акростиха и слов, начинающих строки эпистолы, его уже не интересует («пощади» — «присит», «холопа» — «хочет» и т. п.). Следовательно, Т. особо стремился выделить титулатуру, как бы «удвоить» ее. По-видимому, стихотворством Т. увлекался только в молодые годы. От зрелого периода его жизни никаких сочинений до нас не дошло.

Соч.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 246—247 (по рукописи ГИМ, собр. Барсова, № 470, л. 23—26).

Лит.: Татищев С. С. Род Татищевых. СПб., 1900; РБС, «Суворова—Ткачев». СПб., 1912, с. 357—358.

А. М. Панченко

Тимофей Михайлович (XVI в.) — составитель «Книжки — собрание вещей нужнейших». Сведений о жизни Т. М. мало. Известно лишь то, что он был слугой Михаила Гарабурды и что 5 марта 1578 г. *Иван Федоров* поручил ему взыскать долг с виленского мещанина Якова Максимовича. Возможно, что он преподавал в острожской школе и участвовал в редактировании Острожской библии. Его отождествляют с Тимофеем Анничем — «дьяком школы русской острожской», вложившим в 1584 г. в Дерманский монастырь печатное виленское Евангелие 1575 г.

«Книжка — собраніе вещей нужнѣйшихъ въкратцѣ скорога ради обрѣтѣнія въ книзе Новаго завѣта, по словесемъ азбуки», представляющая алфавитно-предметный указатель к Псалтири и Новому завету, издана Иваном Федоровым в 1580 г. в Остроге. Впервые «Книжка...» была описана в 1818 г. Ныне известна в 15 экземплярах, находящихся в ГБЛ, ГПБ, ГИМ, Научной библиотеке МГУ, в Государственной научной библиотеке АН УССР во Львове, в Горьковской областной библиотеке, в Ярославско-Ростовском музее-заповеднике, Народной библиотеке в Варшаве и Национальном музее в Кракове. «Книжка...» открывается титульным листом, заключенным в рамку из наборного орнамента. Далее следуют 52 листа с фолиацией, проставленной вверху справа. «Книжка...» — первый в истории восточнославянской библиографии и документалистики алфавитно-предметный указатель, в котором собраны фразы и словосочетания из Псалтири и Нового завета с отсылками к главам, зачалам, кафизмам текста. Фразы размещены в алфавите ключевых слов. Вместе с тем «Книжка...» — первый в истории нашей литературы сборник афоризмов и крылатых слов. В ней выделены и опубликованы такие крылатые слова, как например «Блажени нищии духом, яко тех есть царство небесное», «Око за око», «Сребролюбие корень всем злым есть» и др.

Лит.: Немировский Е. Л. Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров. М., 1974, с. 124—129; Ісаевич Я. Д. Перше науково-інформаційне видання. — Друг читача, Київ, 1974, 21 лют.

Е. Л. Немировский

Трифон Петров (1660 (?)—1766) — один из руководителей Выговского старообрядческого общежития и ведущий писатель выговской школы. Биографические сведения о Т. сообщены его учеником и келейником, обратившимся в 1748 г. к официальной церкви, *Григорием Яковлевым* (см.: Бывшего беспоповца Григория Яковлева извещение праведное о расколе беспоповщины / Изд. Н. Субботиным. М., 1888, с. 78—79, 109—110); см. также отдельные замечания о Т.: История Выговской старообрядческой пустыни / Издана по рукописи Ивана Филиппова. СПб., 1862, с. 141, 172, 213, 214, 216, 471—472.

Т. родился в селе Космозеро будущей Олонецкой губернии. Отец его был священником, и Т. прислуживал ему во время богослужения (что

впоследствии позволило ему сделаться уставщиком Выговского общежитства). По мирскому выбору Т. был взят в Олонец «ради управления должности всякой», здесь он пребывал «немалое время». В Олонце Т. начал втайне общаться с отдельными представителями Выговского общежитства и диспутировать с ними, «яко церковник сый, о расколе их». Споры (под конец они велись уже на Выгу, куда Т. пришел, будучи 40-летним человеком) привели к тому, что Т. перешел в старообрядчество, «зане склонен на то бе издавна»: склонность к старообрядчеству сложилась в нем под влиянием матери. В общежитстве Т. был перекрыщен, приняв имя Иван. Крестным отцом его был *Петр Прокопьев*. Вскоре Т. сделался уставщиком монастыря, заняв место умершего Петра Прокопьева, и «бысть излиха во всем... ревнитель и учитель», вместе с *Данилой Видулиным* и братьями *Андреем* и *Семеном Денисовыми* входил в число «старших соборных». После смерти настоятеля Андрея Денисова (ум. 1730) между Т. и новым настоятелем Семеном Денисовым возник какой-то конфликт, о котором Григорий Яковлев говорит глухо: «междоусобная распря и вражда над некими уставленьями житейскими и церковными». Т. покинул общежитство и поселился отдельно, возможно в одном из скитов. Конфликт, очевидно, был не принципиальный. *Иван Филиппов* сообщает о том, что на смертном одре Семен Денисов (ум. 1740) надеялся передать настоятельство Т. и обращался к пустынножителям: «...ныне молитесь вы Трифона Петровича, где его возможно сыскати, со слезами... И сам его любовь вельми молил и просил, такожде и вы просите всем собором». И написали к нему соборное молебное письмо с плачем... И он в том отказал, что вместо Семена Денисьевича в сие бедственное время не изволил вступить и отречься. А помогать со стороны, сколько может советом... не отречься». Во время правительственного следствия на Выгу комиссии Квашнина-Самарина (1738—1744 гг.) Т. уехал в Сибирь и пребывал там под покровительством заводчиков Демидовых в обществе выговского эmissара в Сибири Гаврилы Семенова. В общежитстве Т. вернулся после отъезда оттуда комиссии, очевидно уже после смерти преемника Семена Денисова — *Ивана Филиппова* (ум. 1744), по просьбе нового настоятеля *Мануила Петрова*. В 1748 г. он был уже на Выгу, «предначальствуя... яко главный и старший».

Как писатель Т. был воспитанником Андрея Денисова, у которого обучался грамматике и риторике. Во время составления «Поморских ответов» Т. был одним из помощников Андрея Денисова в сборе материала и в написании отдельных ответов. Т. — автор двух житий: *Жития Корнилия Выговского* (1731 г.) и *Жития Варлаамия Керетского* (1733 г.). Оба жития Т. являются обработками более ранних произведений: редакции Жития Корнилия Выговского, написанной *Пахомием* между 1723 и 1727 гг., и первоначальной редакции Жития Варлаамия Керетского, созданной в XVII в. Первоначально, покуда не было опубликовано «Извещение» Григория Яковлева, 2-ю редакцию Жития Корнилия Выговского приписывали Семену Денисову. Но П. С. Смирнов указал на ошибочность этой атрибуции, обратившись к прямому свидетельству Григория Яковлева. Григорий Яковлев назвал в своем доносе среди сочинений Т. также Житие Варлаамия Керетского. Его текст до последнего времени не был известен. Сейчас обнаружен список (2-й половины XVIII в.) Жития Варлаамия Керетского, который следует атрибутировать Т.: ГБЛ, собр. Егорова, № 1571, л. 297—309 («Слово историческое о житии преподобного Варлаама, иже вскрай Соловецкого моря, в месте, нарицаемом Кереть, просиявшего. Списано в лето мироздания 7241»). Житие Корнилия Выговского, принадлежащее Т., в определенном смысле является центральным житием выговской агиографии. Оно повлияло на формирование традиций житийного жанра в выговской литературной школе, противостоящих традициям раннего старообрядчества. Пышность и укра-

шенность, обильное употребление приемов риторики, сглаженные повествовательность и публицистичность — вот чем отличается Житие, созданное Т., от первоначальной редакции, написанной Пахомием (тем же отличается его редакция Жития Варлаамия Керетского от жития, созданного в XVII в.). Все прочие жития, создаваемые на Выгу, вплоть до конца XVIII в., будут иметь эти же особенности. К Житию Т. как к образцу в целом и непосредственно к его тексту будут обращаться как к источнику авторы таких житий, как *Житие Кирилла Сунарецкого* и *Житие Епифания*.

Кроме житий, Т. принадлежит ряд торжественных слов, написанных также по правилам изучавшейся на Выгу риторики: надгробное слово Даниле Викулову (на текст «Не хочу вас неведети, братие, о усопших, да не скорбите, яко и прочии, не имущие упования»), надгробное слово Андрею Денисову (на текст «Блажени мертвии, умирающие о госпде отныне»), поздравительное слово Семену Денисову по случаю его тезоименитства, слово на день богоявления. Т. написал также ряд сочинений по обрядово-догматическим вопросам: «Следование правил о крещении и священстве», «Разсуждение о форме креста Христова» и др. Григорий Яковлев назвал еще несколько произведений Т., сейчас неизвестных. Среди них «Слово похвальное о самосожженцах, иже в Сибири сторевших со лжеучителем Иваном шестьсот душ за неприязнство свое ко императорскому величеству при Екатерине Алексеевне» (ср.: Покровский Н. Н. Следственное дело и выговская повесть о тарских событиях 1722 г. — В кн.: Рукописная традиция XVI—XIX вв. на Востоке России. Новосибирск, 1983, с. 62). Сочинения Т. не опубликованы. Перечень сочинений и их списков дан в книге В. Г. Дружинина.

Лит.: Б [р ов к о в и ч] Александр. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861, ч. 1, с. 166; Пыпин А. Н. Сводный старообрядческий Синодик: Второе издание Синодика по четырем рукописям XVIII—XIX вв. СПб., 1883, с. 31, 41; Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898, с. CXIV—CXVI; Срезневский В. И. Из истории поморского согласия. 1. Лексинский летописец. — В кн.: Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / Под ред. В. Бонч-Бруевича. СПб., 1908, вып. 1, с. 283; Дружинин. Писания старообрядцев, с. 227—230; Поньрко Н. В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в Выговской старообрядческой литературе. — ТОДРЛ, М.; Л., т. 29, 1974, с. 154—169; Брещинский Д. Н. Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 33, с. 127—141.

Н. В. Поньрко

Тучков Василий Михайлович (ум. 13 II 1548) — автор одной из редакций *Жития Михаила Клопского*. Сын боярина Михаила Васильевича Тучкова, который в 30-е гг. XVI в. входил в число приближенных к великому князю *Василию III* лиц, Т. также был связан с великокняжеским двором, но выдающихся служебных мест не занимал. В 20-е гг. XVI в. Т. был близок к *Максиму Греку*. Келейник Максима Грека Афанасий в следственном деле Ивана Берсена и Федора Жареного, связанном с судом над Максимом Греком в 1525 г., назвал Т. в числе тех лиц, которые часто бывали в келье Максима Грека и «говаривали с Максимом книгами и спиралися меж собою о книжном» (ААЭ, СПб., 1863, т. 1, № 172, с. 141). Максим Грек обучал Т. греческому языку. Т. адресовано три послания Максима Грека: 1) «Сказание об Альде Мануччи», 2) сопроводительное послание к переводам статей об Оригене, Иове, Аврааме и Мелхиседеке, 3) «Поучение к некоей знатной особе». Для Т. Максим Грек перевел целый ряд статей из Лексикона Свиды. Возможно, что Т. адресовано «Послание к начальствующим правоверно о исправлении», которое заканчивается словами: «Малыми писях к тебе, добрейший Василие, благородного корепи благородное прозябание; вем бо, яко многими ученеси и разумен зело и немногих требуещи к воспоминанию словес, мо-

гущих привести на свершение всякия правды рачителя ея и теплаго ревнителя, яков еси ты» (Максим Грек. Соч. Казань, 1860, ч. 2, с. 347).

Тесная дружба и книжно-научные интересы связывали Т. с Максимом Греком до 1525 г. Как стало известно из Сибирского судного списка Максима Грека, обнаруженного в 1968 г. (см.: Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Изд. подгот. Н. Н. Покровский. М., 1971), во время суда над Максимом Греком со свидетельскими показаниями против него выступали М. В. Тучков и его сын — Т. На основании текста Судного списка С. О. Шмидт приходит к заключению, что большую роль в доносителстве на Максима Грека сыграл отец Т.; последний же выступал с показаниями против своего учителя под давлением отца и вышестоящих властей. На основании того, что в 1544—1545 гг. по повелению Т. была переписана рукопись перевода Максима Грека толкований Иоанна Златоуста на Евангелие Иоанна, С. О. Шмидт считает, что для Т. имя его учителя оставалось авторитетным и в последующие после судов над Максимом Греком годы. Д. М. Буланин полагает, что эти данные не являются достаточными для наших суждений о характере отношений Т. к Максиму Греку после судов над последним.

О высокой образованности и книжности Т. мы судим не только на основании косвенных данных, но и на основании его литературной деятельности. Т. является автором третьей редакции (так называемой Тучковской) Жития Михаила Клопского (характеристику литературных особенностей Тучковской редакции этого Жития см. в статье «Житие Михаила Клопского»). Написать новую редакцию Жития Михаила Клопского Т., когда он находился в 1537 г. в Новгороде, предложил новгородский архиепископ *Макарий* (будущий митрополит всея Руси). Таким образом, литературные способности и возможности Т. были хорошо известны его современникам.

О начитанности, литературно-книжном мастерстве Т. свидетельствуют и его собственные высказывания в написанном им произведении. Во вступлении к Житию Михаила Клопского Т. выказывает прекрасное знание библейской истории, древнерусских легенд и местных преданий (он начинает свое вступление от сотворения мира, останавливается на легенде о приходе на Русь апостола Андрея, пересказывает новгородское предание, связанное с именем апостола Андрея, о происхождении местности Грузино); писатель мастерски владеет всеми риторическими приемами агиографического жанра.

В рассказе об одном из чудес Т. показывает свою осведомленность не только в церковной книжности. Желая подчеркнуть величие деяний героя своего повествования, Т. проводит параллель между чудесами, совершаемыми Михаилом Клопским, и подвигами античных героев: «Слышах бо некогда книгу прочитаему Тройскаго пленения, в ней же многия похвалы плетены еллином от Омира же и Овидия, и аще убо единыя ради буйственныя храбрости толиких похвал сподобишася, яко незглаженне памяти их долговременством преходных лет, но аще и храбр Еркул, но и нечестия глубине погружашася, и тварь паче творца почиташе. Тако же и Аххил и Тройскаго царя Приама сынове вси еллини суще и от еллин похваляеми, толики прелестныя сея славы сподобишася, кольми паче мы должни похваляти же и почитати святых».

Современники высоко оценили литературный труд Т., о чем свидетельствует следующая летописная запись, посвященная Тучковской редакции Жития Михаила Клопского: «И прежде бо написано бысть (Житие Михаила Клопского. — Л. Д.), но непрестанно и неявленно, сиречь велми просто, понеже бо егда сего святого Михаила явление бысть, и житие и чудеса, тогда человеци в Новеграде еще быша не велми искусни божественнаго писания. Сей же вышепереченный Василий, по благословению пресвященнаго архиепископа Макария, ветхая поновы и распространи явление, житие и чудеса преподобнаго, и все по чину постави и

велики чудно изложи; и аще кто прочет сам узрит, како ветхая попови и колми чудно изложи». При этом летописец не скрывает своего удивления, что столь премудрое книжное произведение написал светский человек, близкий к царю: «И како не удивимся божия благодати, понеже от самодержавнаго царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и его матери, благочестивой великой княгини Елены, от многоценных их и царския палаты сей храбрый воин, прежеписанный Василей, светлое око и всегда во царских домах живой и мягкая нося, и подружие законно имея, и селика разумия от господа сподобися!» (ПСРЛ, СПб., 1853, т. 6, с. 301).

Возможно, перу Т. принадлежат и еще какие-то сочинения, неизвестные нам. Филарет, не указывая источников, пишет, что Т. носил в иночестве имя *Илии* и кроме *Жития* Михаила Клопского написал канон ему, в 1539 г. написал *Житие* мученика Георгия Болгарского (Нового), а также одну из редакций *Жития Александра Невского* и службу Александру Невскому. В обоснование этих положений Филарет дает ссылки на «Описание ... рукописей Румянцевского музеума» А. Х. Востокова. Однако никаких данных, которые позволяли бы отождествлять имя псковского монаха Ильи с Т., ни Филаретом, ни А. Х. Востоковым не приводится.

Соч.: ПЛ, СПб., 1862, вып. 4, с. 36—51; ВМЧ, январь, тетрадь 2, дни 6—11. М., 1914, стб. 730—740 (только начало текста *Жития*); *Повесть о житии Михаила Клопского* / Подгот. текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958, с. 89—167.

Лит.: Филарет. Обзор, с. 153; Васенко П. Г. *Житие св. Михаила Клопского* в редакции 1537-го года и печатное его издание. — ИОРЯС, 1903, т. 8, кн. 3, с. 44—58; Иконников В. С. Максим Грек и его время. 2-е изд. Киев, 1915, с. 577; Смирнов И. И. Мятаж Андрея Старицкого 1537 года. — ИЗ, 1955, № 50, с. 291—296; Шмидт С. О. Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курбский). — В кн.: Исследования по социально-политической истории России: Сборник статей памяти Бориса Александровича Романова. Л., 1971, с. 129—141; Буланин Д. М. Лексикон Свиды в творчестве Максима Грека. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 34, с. 257—269.

Л. А. Дмитриев

Феодор (в миру Иоанн) (ум. 28 XI 1394) — архиепископ ростовский, писатель, переводчик и иконописец. Ф. родился в Радонеже в семье ростовского уроженца Стефана, влиятельного лица при дворе радонежского князя Андрея Иоанновича. Рано оставшись без матери, был воспитан и пострижен в монахи своим родным дядей Сергием Радонежским, прожив вместе с ним в монастыре более 22 лет, где получил хорошее образование, был обучен иконописанию, греческому языку и имел возможность много читать. Около 1370 г. Ф., по «благословению» Сергия Радонежского, основал на окраине Москвы Симонов монастырь, игуменом которого и оставался долгое время.

Около 1374 г. состоялось его (и Сергия Радонежского) личное знакомство с *Киприаном*, приезжавшим тогда на Русь к митрополиту *Алексею* в качестве посланника константинопольского патриарха *Филофея*. В 1378 г. Ф. и Сергей Радонежский ведут тайную от великого московского князя Дмитрия Ивановича Донского переписку с Киприаном (бывшим тогда митрополитом Литвы и жившим в Киеве) о поставлении его митрополитом «всея Руси» на Москве. В феврале 1381 г. — первое упоминание, что Ф. стал духовным отцом Дмитрия Донского и был направлен им во главе посольства в Киев звать Киприана на Москву митрополитом «всея Руси» (Г. М. Прохоров предполагает, что само назначение могло произойти еще осенью 1379 г., после смерти предшествующего княжеского духовного отца, митрополита Митяя-Михаила, см.: Прохоров Г. М. *Повесть о Митяе...*, с. 104, 111). С июня 1383 г. по конец 1384—начало 1385 г. Ф. живет в Константинополе, отпущенный туда Дмитрием Донским вместе с *Дионисием*, архиепископом суздальским, по делам «о управленьи митрополии русския». В конце этой поездки Ф. по-

лучает от константинопольского патриарха Нила чин начального архимандрита («первопресвитера») и грамоты, по которым он получал право подчиняться непосредственно самому византийскому патриарху, минуя русского митрополита. После получения зимой 1384/85 г. послания из Киева от Киприана, извещавшего его о своем намерении ехать в Константинополь, Ф. (в 1386 г.) добивается от великого князя разрешения на поездку туда же для выступления на соборе в качестве обвинителя митрополита Пимена. Не застав уже Киприана в Царьграде и учтя неблагоприятность создавшейся обстановки, он договаривается с Пименом о совместном побеге на Русь и принимает от него сан архиепископа ростовского (1386 г.). На родину он добирается в течение трех лет (в 1388 г.). Весной 1389 г. участвует в «выпроваживании» митрополита Пимена на соборный суд в Царьград и, отправившись следом за ним, сталкивается с ним в Кафе, где Пимен заключает его в тюрьму. После освобождения к Ф. присоединяется Киприан, и 27 июня 1389 г. оба они прибывают в Константинополь, где после низложения Пимена происходит официальное оформление митрополитом «всех Руси» Киприана. 6 марта 1390 г. Ф. торжественно въезжает в Москву в составе свиты митрополита Киприана.

Скончался Ф., согласно летописным источникам, являясь архиепископом Ростова, Ярославля, Белоозера, Устюга, Углича Поля и Мологи. Он был причислен к лику святых еще в XV в., и память его как «святителя» отмечалась в день его смерти (тропарь и кондак Ф. помещен в сборнике ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 1083, 1476—1483 гг.). Житие Ф. задумывал писать *Епифаний Премудрый*, но судьба его замысла неизвестна; сохранилось позднее *Житие Феодора* с очерком судьбы Симоновского монастыря до начала XVIII в., датированное 1723 г. (ГИМ, Синодальное собр., № 580). Существует описание (см. «Иконописный подлинник» под 30 ноября: Барсуков. Источники агиографии, стб. 591) иконописного портрета «Феодора архиепископа, ростовского чудотворца»: «подобием брада поменьше Власиевой; в белом клобуке, ризы святительския, омофор и евангелие. Неци пишут рус, аки Златоуст».

Ф., так же как Сергей Радонежский и Дионисий Суздальский, «единумудренны» с Киприаном, принадлежал к числу сторонников «общезительного» движения среди русского монашества. Последовательный единомышленник Киприана, он являлся активным проповедником его идей и, обладая тонкими дипломатическими способностями, разносторонним образованием и талантами, знанием греческого языка, во многом при этом преуспел. Посвященный во все замыслы великого московского князя, как его духовный отец, и имея высший церковный чин «пресвитера», который был неподвластен даже самому русскому митрополиту и подчинялся только лишь византийскому патриарху, Ф. использовал свое независимое положение с тем, чтобы в 70-х гг. XIV в. способствовать, а в 80-х гг. возглавить и довести до успешного конца церковно-политическую борьбу за поставление Киприана митрополитом «всех Руси».

Тексты оригинальных произведений Ф. не выявлены. В посланиях митрополита Киприана сохранились лишь косвенные свидетельства, что Ф. совместно с Сергием Радонежским написал два послания митрополиту — в июне — начале октября 1378 г. и в конце 1384 — начале 1385 г. Кроме того, в 1386 г. он безусловно принимал участие в составлении обвинительных грамот против Пимена. Послания 1378 г., направленные против политического курса Дмитрия Донского (добивавшегося поставления на Москве великорусского митрополита Митяя), за воссоздание единой русской митрополии Литвы и Москвы, были написаны с применением «тарабарской грамоты» (литореи) и, очевидно, уничтожены сознательно, чтобы не раскрывать имен и размаха антикняжеского движения «иноческой партии» (Прохоров Г. М. Повесть о Митяе..., с. 60). В организационные обязанности Ф. и Сергия Радонежского в это время

входили распространение послания Киприана от 23 июня 1373 г., рассылка посыльных, копирование грамот и их хранение. Послание Ф. 1384—1385 гг., направленное Киприану в Киев, должно было известить изгнанного из Москвы митрополита о результатах поездки в Константинополь Ф., ставшего тогда «первоигуменом», и Дионисия Суздальского, поставленного тогда митрополитом, и о вызове на суд вселенского собора митрополита Пимена.

Последние четыре года жизни, после восстановления Киприана на Москве всероссийским митрополитом, Ф. в основном посвятил себя разработке русской литургии и занимался переводами с греческого молитв патриарха Филофея Коккина. На основании работы Г. М. Прохорова «К истории литургической поэзии...» можно назвать четыре атрибутируемых «прѣвощезвѣтеру» Ф. перевода на русский язык (с перечнем известных исследователю списков): канон на успение Богородицы (с. 144, № 10), канон в «глад и томление» (с. 145, № 17), канон Богородице (о бездождии), акростих (с. 142, № 1), молитва «в бездождие» (с. 146—147, № 2). Язык переводов Ф. отличается простотой, четкостью и выразительностью. И. У. Будовниц (Словарь, с. 351, 353) под именем «Феодор, протопресвитер» ошибочно объединил Ф. и «Феодора, благовещенского протопопа».

Согласно «Сказанию о святых иконописцах», Ф., кроме того, был известен и как живописец, оставивший после себя «многия иконы»: на Москве были известны его письма иконы «Деисус на Болвановке у Николы святого» и «образ» его дяди Сергия Радонежского. Живописью Ф. занимался в основном в ранний период жизни в Московском Симоновом монастыре.

Лит.: Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности. СПб., 1861, т. 2, с. 379; Макарий. История русской церкви. СПб., 1866, т. 4, с. 260; СПб., 1877, т. 8, с. 47; Ключевский. Древнерусские жития, с. 92, 353—354; Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стб. 149; Барсуков. Источники агиографии, стб. 591—592; Сергий. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901, т. 2, с. 369; РИБ, СПб., 1908, т. 6, № 5, стб. 419—426; № 33, стб. 212, 216—220; Федотов. Феодор. — РБС, 1913, с. 313—316; Будовниц. Словарь, с. 102, 351, 353; Прохоров Г. М. 1) К истории литургической поэзии: Гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина. — ТОДРЛ, Л., 1972, т. 27, с. 140, 142, 144—147; 2) Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978, с. 28, 54—60, 78, 104, 110—113, 166—188, 193—204, 224—228.

Н. Ф. Дробленкова

Феодосий (XV в.) — инок Успенского Желтикова монастыря, автор канона и стихир тверскому епископу *Арсению*, возможно и Жития его. Биографических сведений о Ф. не сохранилось.

В списке службы *Арсению* (ГБЛ, собр. Румянцева, № 397, л. 146) середины XVI в., где *Арсений* назван «новым чудотворцем», имеется приписка, в которой сообщается, что канон и стихиры составлены в 1483 г. в Желтикове монастыре «по благословению» тверского епископа *Вассиана* «рукою многогрешнаго инока Феодосия» (Восток. Описание, с. 594). В *Житии Арсения* нет прямого указания на то, что оно принадлежит Ф., но, во всяком случае, его написали тоже в Желтикове монастыре и не позднее конца XV в., когда автор мог слушать рассказы лиц, знавших *Арсения*. В авторском предисловии к *Житию* говорится: «По многих летех еже к богу отшествия его (*Арсения*, — Р. Д.) написаном отчасти жития его, изыскахом духовными мужи, еже слышаху от преподобных его уст» (Ключевский. Древнерусские жития, с. 182). Кроме того, по началу предисловия видно, что, как и служба, *Житие* было написано на праздник памяти святого. Проложное сокращение *Жития* имеется уже в сборнике середины XVI в. (ГБЛ, собр. Румянцева, № 397, л. 418). На основании всего этого В. О. Ключевский сделал предположение, что автор службы 1483 г. был также и автором *Жития*. Жи-

тие не богато фактическими сведениями, хотя агиограф добросовестно использовал все доступные ему источники. В предисловии изложено, как был собран материал для Жития: современники епископа Арсения делали отрывочные записи о нем, которые сохранялись в монастыре и которыми воспользовался Ф. В Житии кратко и недостаточно точно сообщается о жизни Арсения до епископства, затем рассказывается о поставлении его на тверскую епископию, о построении им монастыря на Желтикове и о кончине. Часть этих фактов биографии Арсения известна по другим источникам. В списке церковного устава, написанного в 1438 г. для Успенской церкви Желтикова монастыря, имеется запись о приезде в Тверь митрополита *Кириана* в 1390 г. и о суде над епископом Евфимием и о возведении Арсения на его место (рукопись ГИМ, собр. Синодальное, № 331, л. 277). Несколько измененный текст этой записи попал в некоторые летописи (ПСРЛ, т. 15, с. 445; т. 11, с. 125). В приписке к уставу, кроме того, сообщается об основании Арсением монастыря на Желтикове в 1394 г. В летопись Новгородскую IV (ПСРЛ, т. 4, с. 407—409) и в Летопись *Авраамки* (ПСРЛ, т. 16, с. 318—319) включена «Повесть о тверском владыце конечная», посвященная описанию смерти Арсения. В измененном виде она читается также в *Никоновской летописи* (ПСРЛ, т. 11, с. 211—212). Задачей будущего исследования является решение вопроса о взаимосвязи текста Жития с перечисленными источниками.

Арсений был канонизирован и признан местно чтимым святым на соборе 1547 г. Житие, написанное Ф., не было включено в *Великие Минеи Четиш*. В 1566 г. было составлено первое чудо Арсения иноком *Феодосием* со слов монахов Желтикова монастыря. Иногда этого Феодосия объединяют с Ф., автором Жития (Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания А. С. Уварова. М., 1893, ч. 2, с. 415). Филарет (Обзор, с. 118) автора Жития Арсения объединяет с Феодосием, который в списке Киево-Печерского патерика XV в. (ГПБ, собр. Софийское, № 578) вписывает свое имя («грешный Феодосий мних, недостойный иерей») вместо епископа *Симона* или *Поликарна*. Филарет в данном случае ссылается на статью Макария, епископа винницкого (Записка о Феодосие, списателе Жития Володимерова. — Известия имп. Академии наук по Отд-нию русского языка и словесности, СПб., 1855, т. 4, вып. 3, с. 113—116), где доказывается, что вписавший в текст Патерика в Софийском списке свое имя Феодосий является просто писцом, жившим в XV в., однако здесь же высказывается предположение о том, что нельзя ли объединить этого писца с митрополитом *Феодосием Бывальцевым*. П. М. Строев (Словарь, с. 323—324) склонялся к мнению, что Житие епископа Арсения написано неизвестным автором при митрополите Макарии. Житие епископа Арсения не издано (в рукописи ГПБ, собр. Толстого, II, № 76 (Q.I.113), л. 157—238; ГИМ, собр. Уварова, № 339, 187, 419; ГБЛ, собр. Ундольского, № 286).

Соч.: Текст проложного сокращения Жития: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 4. Славяно-русский пролог, ч. 2/Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1898, с. 47—48.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 181—184; Барсуков. Источники агиографии, с. 60—62; Иконников. Опыт историографии, т. 2, кн. 1, с. 1001—1002.

Р. П. Дмитриева

Феодосий Бывальцев (ум. 1475) — митрополит московский, церковный деятель и публицист. До назначения на митрополию был архимандритом Чудова монастыря, с 1454 г. — архиепископом ростовским. Отношения его с первым автокефальным русским митрополитом *Ионой* не были вполне дружественными — в 1456 г. Иона едва не лишил Ф. сана за нарушение поста в монастыре; однако после смерти Ионы в 1461 г.

было объявлено, что покойный митрополит избрал своим преемником Ф.; *Василий II* сам утвердил Ф. в этом сане. Избрание и поставление Ф. означеновало собой окончательное установление автокефалии русской церкви — уже Иона не имел утверждения византийского императора, а после падения Константинополя в 1452 г. империя перестала существовать. Однако положение Ф. все еще было непрочным: его предшественника не признавали ни Западная Русь (где был свой митрополит), ни тверской епископ, ни ряд русских церковных деятелей. Одновременно с вступлением на престол Ф. был сменен (после смерти тверского князя и вступления на престол его малолетнего сына) епископ тверской, и преемник его, поставленный в Москве, сразу же объявил о признании московского митрополита; такое же обязательство было истребовано и от новгородского владыки. Укреплению авторитета Ф. несомненно должна была содействовать предпринятая при нем первая после разрыва с константинопольской патриархией попытка прямых сношений с греко-православной церковью: в 1464 г. Ф. «по благословению... Иоакима, патриарха Иерусалимского», назначил его племянника Иосифа митрополитом в Кесарию (в Палестине).

Ф. был автором ряда посланий, слов и особого «Сказания об исцелевшем хромце», помещенного в составе независимого летописного свода, отразившегося в *летописях Софийской II и Львовской*. Как и похвальное слово апостолам Петру и Павлу, это сказание отражает влияние Григория Цамблака. Заслуживает внимания упоминание в «Сказании о хромце» «нахождения еретического» — речь идет, вероятнее всего, о неискорененном еще в Пскове и Новгороде движении стригольников. С борьбой против стригольнических традиций, возможно, связаны и послания Ф. в Новгород и Псков в 1463—1464 гг. о неприкосновенности церковных имуществ. Стремление Ф. «нужею навести на божий путь» священников и мирских лиц окончилось, согласно известию летописного свода, поместившего его «Сказание об исцелевшем хромце», неудачей. В 1464 г. он вынужден был оставить митрополию — официально «ради тяжкого своего недуга», а по известию того же свода — из-за непопулярности введенных им строгих дисциплинарных мер: «...многоя бо церкви без попов, и начаша его проклинати; он же слышав се разболелся того ради, и здрав бысть и сниде в келию к Михайлову Чюду в монастырь». После отставки Ф. прожил более 10 лет и умер в Троицком монастыре.

Соч.: Сказание об исцелевшем хромце: ПСРЛ, СПб., 1853, т. 6, с. 325—330; СПб., 1910, т. 20, с. 271—276. Похвальное слово апостолу Петру и Павлу: Исторические чтения о языке и словесности в заседаниях II отделения Академии наук 1852 и 1853. СПб., 1854, с. 226—229 (публикация В. М. Ундольского, вступительные замечания И. И. Срезневского). Послания: РИБ, СПб., 1880, т. 6, № 74 (повинная архиепископа Феодосия), 95 (послание митрополита Феодосия архиепископу Ионе Новгородскому), 96 (послание в Песношский монастырь), 97 (послание в Новгород), 98 (послание в Псков).

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития, с. 168—169; Макарий, митрополит. История русской церкви, т. 6, с. 53—54; Голубинский. История церкви. М., 1900, т. 2, ч. 1, с. 516; Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII в. Пг., 1916, с. 184—186; Будовиц И. У. Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947, с. 68—69.

Я. С. Лурье

Феодосий Васильев (1656 или 1661—23 VII 1711) — основатель беспоповского старообрядческого федосеевского согласия, автор посланий и сочинения об антихристе. Старообрядческий библиограф начала XIX в. Павел Любопытный в двух местах по-разному говорит о возрасте Ф., соответственно с чем различно вычисляется и год его рождения. (Каталог или библиотека староверческой церкви, собранный тщанием Павла Любопытного / Изд. О. М. Бодянский. — ЧОИДР, 1863, кн. 1, отд. 2, с. 57, 172).

Основной источник к биографии Ф. — его *Житие*, написанное его сыном и преемником по руководству старообрядческой общиной *Евстратом Федосеевым* (опубликовано: Попов Н. Материалы для истории беспоповщинских согласий. — ЧОИДР, 1869, кн. 2, с. 73—92). Согласно *Житию*, Ф. происходил из рода «благородных Усовых дворян или Урусовых»; его дед, обедневший в период Смуты, вынужден был переселиться из Москвы в Новгородские пределы и поселиться в деревне Морозовичи на р. Мсте. Отец Ф. был священником церкви Никиты Новгородского в Крестецком Яме. После его смерти жители Крестецкого Яма пытались поставить на иерейство Ф., но новгородский митрополит *Корнилий* удостоил его только дьяческого чина. Будучи дьячком и живя при церкви, Ф. сначала проявил себя ревнителем «по никоновым преданиях» и преследователем приверженцев старой веры. Перелом в нем произошел под влиянием неких «боголюбивейших мужей, хранящих святоотеческие предания». Ф. отрекся от дьяческого чина и был перекрещен в старообрядчество с именем Дионисий. Свое отречение от никонианства он подтвердил публично: «В собрании всего тамо народа диачества отречеса, и дерзновенно и ясно возвестив, чесо ради сего отречеса». Вместе с Ф. перекрещивание приняли его жена с дочерью и сыном и оба брата. О времени ухода Ф. в старообрядчество говорят по-разному два источника. Павел Любопытный в своем «Хронологическом ядре староверческой церкви» (ГПБ, F.I.485, л. 194 об.) помещает это событие под 1686 г., а бывший беспоповец, обратившийся в 40-х гг. XVIII в. к официальной церкви, *Григорий Яковлев* пишет, что Ф. «прельстился» в 1690 г. (Бывшего беспоповца Григория Яковлева извещение праведное о расколе беспоповщины / Изд. Н. Субботиным. М., 1888, с. 118).

Вскоре после перехода в старообрядчество Ф. уже выступал как активный проповедник. Местами его проповеди, как показывал Григорий Яковлев, были Новгородский и Псковский уезды и даже Москва. Насколько успешно было его проповедничество, видно из того, что, будучи в Старорусских краях, он обратил в старую веру в Черенчицком погосте даже священника Флора Харитонов (Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1897, т. 5, с. 258—259). В 1692 г. Ф. был отправлен как представитель новгородской общины старообрядцев за шведский рубеж к поселившимся там единоверцам для разбора дел тамошнего старообрядческого учителя Ивана Коломенского, склонявшегося к принятию беглых попов от никониан. В последовавших вскоре за этим двух соборах новгородских старообрядцев, соборе 1692 г. и соборе 1694 г., Ф. уже играл ведущую роль и был автором «приговоров» этих соборов (Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898, с. LXXXVIII—LXXXIX, примеч. 151).

Когда в 1697 г. на новгородскую кафедру вступил митрополит *Иов*, активно взявшийся за борьбу с расколом, он дал распоряжение о поимке Ф. Митрополит даже сам приезжал в Крестецкий Ям. «За ради того надлежащего гонения» Ф. вместе с матерью и сыном (жена и дочь к этому времени умерли) отъехал в Польшу. Здесь, на землях пана Куницкого, в Невельском уезде, в Крапивинской волости, близ деревни Русановой, и было основано Ф. первое общежительство, составленное из пришедших вслед за ним за рубеж приверженцев старой веры (Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1868, т. 1, с. 434). Оно состояло из женской и мужской обителей, первая из которых насчитывала до 700, а вторая до 600 человек. Ф. продолжал учительствовать не только в основанном им общежительстве, но и среди окрестных жителей, приезжал часто в Русские земли.

4 апреля 1708 г. А. Д. Меншиков дал Ф. лист, разрешавший выходцам из-за польского рубежа поселиться на принадлежавших ему землях в Вязовской волости Великолуцкого уезда. А в 1710 г. федосеевцы при

ходатайстве некоего дворянина Негановского, которого Житие Ф. причисляет к федосеевцам (что совпадает с показаниями Григория Яковлева; см.: Бывшего беспоповца Григория Яковлева извещение... с. 118), получили от Меншикова во владение Ряпину мызу, находившуюся в Юрьевском уезде «за Псковом». Для получения окончательного указа на владение Ряпиной мызой Ф. в мае 1711 г. отправился сам в Новгород к воеводе Якову Никитичу Корсакову, который тут же выдал его вместе с сыном Евстратом и двумя представителями общежительства новгородскому митрополиту Иову. Посаженный в «орловую темницу» в архиерейском доме, Ф. долго подвергался увещаниям отворотиться от старообрядчества. По словам Жития, митрополит Иов сулил ему «богатства, чести, возвышения, иерейство и игуменство, и архимандритство, и архиерество» (что такие посулы могли быть далеко не голословными, ясно из карьеры двух ренегатов поморского старообрядчества, обратившихся в 40-е гг. XVIII в. к официальной церкви: бывший келейник *Семена Денисова* Алексей Иродионов получил в официальной церкви сан новгородского протоиерея, а его приятель Григорий Яковлев был произведен в архимандриты Переяславль-Залесского монастыря). Для увещания Ф. однажды даже был приведен некий «старец ученый свободных наук». Известно, что между 1706 и 1716 гг. в Новгороде находился *Иоанникий Лизуд*, устроивший здесь вместе с братом *Софронием* (отозванным в 1707 г. в Москву) школу «свободных наук». Не он ли посещал Ф. в темнице? (См. *Смелцовский* М. Братья Лихуды. СПб., 1899, с. 333—374). Ф. умер в «орловой темнице», так и не поддавшись ни на какие уговоры. Он погребен в Ряпиной мызе, куда вскоре по указу воеводы Корсакова переселились старообрядцы федосеевского согласия.

Дошедшие до нас сочинения Ф. тесно связаны с внутрискладообрядческой полемикой между федосеевским и поморским согласиями. Проповедуя общее учение согласно с поморцами, Ф. в ряде пунктов расходился с ними. Таково было его учение о браке и о так называемой «титле» на кресте Христовом. Выговцы учили о необходимости безбрачия и требовали девственной жизни от всех членов общежительства. Федосеевцы же признавали брак, заключенный до перехода в федосеевщину, законным и допускали таких супругов до чадородия, хотя и отрицали возможность заключения браков после перехода в старообрядчество. Первое из дошедших посланий Ф. посвящено вопросу о браке и является ответом на послание *Андрея Денисова*, оно написано около 1701 г.

После вопроса о браке главное место в споре между федосеевцами и выговцами занимал вопрос о надписи на кресте Христовом. Федосеевцы поклонялись кресту только с «титлой» И. Н. Ц. И. («Исус Назарянин царь Иудей»), надпись же «Царь Славы Исус Христос Ника» называли еретической. Около 1705 г. было написано послание «О догматах и о титле», в котором Ф. требовал от выговцев внести крест с «титлой» в часовню и перечислял в 13 статьях все разногласия в обрядах и быту между федосеевцами и выговцами.

Поначалу разногласия имели довольно мирную форму. В 1703 г. Ф. посетил Выговскую пустынь и, как сообщается в сочинении под названием «О начале раздора федосеевых с Выгорецким общежительством», «много беседовал о благочестии мирно, такожде и о обычаев содержании». Но уже в 1706 г., когда Ф. прибыл на Выг во время отлучки *Андрея Денисова*, споры носили вовсе не мирный характер. Выговец *Леонтий Федосеев*, ударяя о стол кулаком, кричал: «Нам ваш Исус Назарянин не надобен», а федосеевцы, покидая Выговскую пустынь, на глазах всей обители повергли наземь данное им в дорогу брашно и картинно отрясли прах со своей обуви.

Кроме полемики с выговцами от Ф. дошло сочинение об антихристе, написанное в форме вопросов и ответов. В приписке к этому сочинению сказано: «Книга, глаголемая по христианскому именованию Обличение,

собрана от прежних благочестивых книг... числом от 70-ти ... А состроена сия книга в лето 7216 (1707) году, месяца декабря в день от некоего христианина, именем Феодосея Васильева, уроженца новгородских стран по прошению и изволению новгородского митрополита Иова, и Стефана, митрополита рязанского и муromского, и Якова Никитича Корсакова, и других прочих властей новгородских». Из содержания Обличения видно, что оно написано по поводу выхода в свет сочинения Стефана Яворовского «Знамения пришествия антихристова и кончина века», изданного в 1703 г., и сочинения новгородского митрополита Иова «Ответ краткий на подметное письмо о рождении антихриста», изданного в 1707 г. (но в руках Ф. труд Иова был в рукописи — «в тетратех»). Сочинение Ф. — подробный трактат, доказывающий старообрядческую мысль о том, что антихрист уже царствует в мире и царство его с 1666 г. распространилось и на Русь.

П. С. Смирнов атрибутировал Ф. два сочинения, изданные в его книге «Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века» (на с. 01—016 и 020—023), — увещание держаться раскола и увещание бегать и таиться. Эта атрибуция главным образом построена на том, что второе сочинение (увещание бегать и таиться) названо в рукописи грамоткой «Дионисия христолюбца, пустынножителя бывша прежде», а известно, что имя Ф. в старообрядческом переименовании было Дионисий. Первое же сочинение (увещание держаться раскола) атрибутируется Ф. уже по сходству с сочинением Дионисия христолюбца. Аргументация П. С. Смирнова в пользу его атрибуции представляется недостаточной. Косвенную поддержку этого мнения можно усматривать в том, что знаток старообрядческой письменности В. Г. Дружинин, выпустивший в 1912 г. свой справочник «Писания русских старообрядцев», не включил оба эти произведения в рубрику произведений, принадлежащих Ф., а поместил их отдельно (с. 385, № 481 — «Послание неизвестного раскольника»). Перечень списков сочинений Ф. дан в книге В. Г. Дружинина. Указанное здесь под № 2 как отдельное сочинение «Письмо второе из Польши» есть только отрывок из послания «О догматах о титле».

Соч.: Попов Н. Сборник для истории старообрядчества. М., 1864, т. 1, с. 3—5 (Приговор Собора 1694 г.); Смирнов П. С. 1) Из истории раскола первой половины XVIII века. СПб., 1908, с. 70—96 (послание на Выг о браке); 2) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909, с. 017—020 (послание «О догматах и о титле»).

Лит.: Макарий, митрополит. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1889, с. 292—295; Иустин П. Д. Федосеевщина при жизни ее основателя. — ХЧ, 1906, февраль, с. 256—281; март, с. 391—414; апрель, с. 604—615; Дружинин В. Писания старообрядцев, с. 72—74.

Н. В. Поньрко

Феофан (ум. 1698) — иеродиакон Чудова монастыря в Москве, переводчик с греческого, латинского и польского языков, справщик. Ф. следует, очевидно, отличать от Феофана — диакона Савво-Сторожевского Звенигородского монастыря, который перевел в 70-е гг. с украинского языка «Небо новое» Иоанникия Галаятовского (1677) и «Зерцало богословия» Кирилла Транквилиона (1674). В. Аскоченский считал, что Ф. приехал в Москву из Киева в 1649 г. вместе с *Епифанием Славинецким* (Аскоченский В. Киев..., с. 166), но документально эти данные не подтвердились (Харлампович К. Малороссийское влияние..., с. 122). Из сохранившихся документов известно, что в 1682 г. Ф. вместе с *Карионом Истоминым* начал свою службу на Печатном дворе чтецом, в следующем году он стал книгохранителем, а с 1693 г. справщиком. До самой смерти Ф. удерживал все должности за собой. Ф. имел отношение к переводу Псалтири, принимал участие в исправлении книг по греческим оригиналам, например в 1698 г. участвовал в переводе Толкований на Евангелие архиепископа болгарского Феофилакта вместе с иеромона-

хом *Тимофеем*, монахом *Аароном*, Ф. Поликарповым и Карионом Истоминым. В бумагах последнего сохранилась дата смерти Ф.

Переводческая деятельность Ф. приходится на 80—90-е гг. В августе 1684 г. Ф. перевел «Купель душевную» Роховича, в 1698 г. — «Истинную веру» *Инокентия Гизеля*. При переводе западноевропейских сочинений Ф. обращался к польским их переводам. Так он перевел в 1688 г. «Дезидерий, или Стезю к любви божией и к совершенству жития христианского» Беллярмина и «Солнечник, или Уравнение воли человеческой с волею божиею» И. Дрекслия. Переводы Ф. известны в целом ряде списков XVII—XVIII вв., что говорит не только об их качестве, но и об удачном подборе произведений для перевода. Последнее подтверждается и тем, что богословский трактат Дрекслия вскоре был повторно переведен в России, на этот раз с латинского оригинала, Иоанном Максимовичем («Илиотропион». Чернигов, 1714). Однако переводы Ф. охотно читались и в XVIII в., а аллегорическое богословское рассуждение «Дезидерий» в его переводе дважды было издано в 1785 г. («гражданкой»). В этом издании напечатано и обширное предисловие Ф. к переводу, в котором он изложил свои взгляды, резко отозвавшись о «неполезных» светских «баснях». Ф. ошибочно приписывается перевод с польского языка «*Римских деяний*» (Филарет, И. А. Шляпкин и др.).

Лит.: Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем академиею. Киев, 1856, т. 1; Строев. Словарь, с. 306—308; Мансветов Н. Как у нас правилась церковные книги. М., 1883—1884, с. 199; Филарет. Обзор, № 240; Георгиевский В. Флорисева пустынь. Вязники, 1896, с. 162, 195—196, 203—204, 208, 258; Браиловский С. Н. 1) Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор Московской типографии. — ЖМНП, 1894, № 9, отд. 2, с. 2; 2) Один из пестрых XVII ст. СПб., 1902, с. 124, 157, 330; Соболевский. Переводная литература, с. 206—209; Харламович К. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914, т. 1.

О. А. Белоброва, С. И. Николаев

Филипп I (ум. 1573) — митрополит московский, церковный деятель и публицист. До назначения на митрополию был епископом суздальским. В 1464 г. митрополит *Феодосий*, вынужденный покинуть митрополичий престол, благословил на свое место Ф.; *Иван III* и собор избрали его митрополитом. При Ф. продолжалась начатая еще при его предшественниках борьба против западнорусских митрополитов и за объединение митрополии под московской властью. В 1470 г. борьба эта осложнилась из-за того, что западнорусский митрополит Григорий Болгарин отрекся от унии с «латинами» и получил от константинопольского патриарха (жившего под властью султана) признание в качестве «митрополита всея Руси»; возникала опасность, что Григорий может быть признан и в других русских землях. Вместе с Иваном III Ф. обратился в 1471 г. к новгородцам с призывом не признавать литовского митрополита. Именно появление в Новгороде пролитовской партии и связанные с этим обвинения новгородцев в склонности «латинству» и стали поводом к войне 1471 г. и фактическому подчинению Новгорода. Другим важным событием, произошедшим во время пребывания Ф. на митрополичьем престоле, была вторая женитьба Ивана III в 1472 г. Вопреки своим «антилатинским» лозунгам при походе на Новгород великий князь женился на гречанке-униатке Зое (Софии) Палеолог, воспитаннице римского папы, приехавшей в сопровождении «Антония Лягатоса» — папского посла Антонио Бонумбре. Официальная великокняжеская летопись сообщает о том, что Ф. воспротивился въезду Антония в Москву, но утверждает, что именно митрополит венчал Ивана III. Однако неофициальный свод, дошедший в составе *летописей Софийской II* и *Львовской*, отрицает участие Ф. в этой церемонии — «венча же протопоп коломенский Осей, занеже здешним протопопом и духовнику своему не повеле». Незадолго до смерти Ф. начал строительство главного храма страны — Успенского собора.

Ф. был автором ряда посланий — послания новгородцам о неотъемлемости церковных имуществ, сходного с посланиями Феодосия на ту же тему, послания в Вятку с призывом помочь Москве в казанских походах 1468—1469 гг., двух посланий в Новгород 1471 г. против признания западнорусского митрополита (второе из них было связано с готовившимся уже походом Ивана III) и послания о помиловании новгородцев, подчинившихся великому князю после поражения на Шелони. В посланиях, связанных с победой над Новгородом в 1471 г., Ф. отстаивал принцип «старины» — исконности вассального подчинения Новгорода великому князю (эта фикция «старины» была отброшена великокняжеской властью лишь после окончательной победы над Новгородом, произошедшей уже после смерти Ф.). В послании во Псков Ф. давал согласие на построение в городе шестого собора, в послании троицкому игумену просил о прощении некоего старца Памвы. К числу литературных предприятий Ф. относится также поручение, данное им и великим князем новокрещенному еврею *Федору*, перевести с еврейского языка книгу «мирских псалмов» (сборник «Махазор»).

Соч.: РИБ, СПб., 1880, т. 6, № 101—104; АИ, т. 1, № 278, 280—283; Дружинин В. Г. Несколько неизвестных памятников из сборника XVI века. СПб., 1909, с. 114—117 (отд. отт. из ЛЗАК, вып. 21).

Лит.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1900, т. 1, ч. 1, с. 532—548; Дружинин В. Г. Несколько неизвестных памятников из сборника XVI века, с. 33—34 (введение); Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916, с. 186—189; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений. М., 1980, с. 181—184.

Я. С. Лурье

Фирсов Авраамий Панкратьевич (XVII в.) — по данным митрополита Евгения, переводчик Посольского приказа. Биографических данных о Ф. не сохранилось. В 1683 г. Ф. осуществил перевод Псалтири «на простой, обиходный русский язык ради истинныя вѣдомости и уверения неразумных и простых людей» (ГИМ, Синодальное собр., № 710, л. 1). «Понеже наш народ, — как говорит он сам в Предисловии, — грубый, неученый, не токмо простыя, но и духовнаго чина, разума во Святом писании не ищут и ученых людей поносят, укуряют (так!) и геретиками называют» (там же, л. 3). Далее Ф. говорит о приверженности современников книгам дониконовской справы и порицает их, обвиняя в невежестве. Ф. заявляет, что переводил Псалтирь со многих древних печатных книг, более авторитетных, нежели те, «которые не в давних летах печатаны, лет сорока, пятидесяти и семидесяти». В Предисловии к читателю Ф. говорит о пользе чтения Священного писания, потом замечает, что Псалтирь в древнем ее переводе правильно понимать нельзя «из-за множества в ней речений разных языков. Всякий день читают ее в церкви божии, неотменно во весь год, но разума читаемого в ней нам ведати невозможно». В Предисловии Ф. рисует картину церковного раскола, яростно обличает старообрядцев.

Перевод, который предлагает Ф., долгое время считался переводом с немецкого; основанием для этого послужила текстуальная близость к протестантскому переводу Псалтири, а также приписка на верхней крышке, в которой говорится: «По указу великих государей прислана из Стрелецкого приказа ко святейшему патриарху... Псалтырь, переведенная с (лютер)анской Библии, и святейший патриарх указал той книге быть в ризной казне, а без указу смотреть давать не велено никому». Запрет на рукопись последовал спустя 3 года после ее написания, о чем можно судить из той же приписки, относящейся к 1686 г. Однако мнение относительно перевода с немецкого ошибочно. Отдельные псалмы представляют почти дословный перевод с польского источника, особенно это касается псалмов, наименее часто употреблявшихся при богослуже-

нии (псалмы 15, 17, 31, 80 и др.), хотя элементы польского влияния прослеживаются и в таких известных текстах, как псалмы 1, 50, 136, 148. Вероятнее всего Ф. пользовался польскими текстами протестантских изданий, выпедших в Юго-Западной Руси в XVI в. (Брест, 1563 и Несвиж, 1572). Одно из них было выпущено кальвинистами (инициатор перевода — Ян Лаский), другое — арианами (переводчик — известный социнианский проповедник Симон Будный). С протестантскими изданиями Псалтирь Ф. связывает одинаковое оформление, а также критическое отношение к тексту; кроме того, в своих переводах Ветхого завета протестанты опирались на еврейский текст, чем и следует объяснить отход от греческого канона у Ф. Обе Библии, которыми пользовался Ф., протестантские, а следовательно, «еретические», по меркам Московской Руси XVII в., что и явилось основанием для запрета Псалтири Ф. Работа Ф. явилась важным этапом на пути легитимации разговорных норм, в ней нашел поддержку взгляд на русский язык Симона Будного, несвижского издателя, высказанный в предисловии к переводу Библии 1572 г.: «Глупо одни слова презирать, а другие под небеса возносить» (Несвиж, 1572, л. 5). Псалтирь Ф. сохранилась в четырех списках (из них самый ранний ГИМ, Синодальное собр., № 710).

Лит.: Библиография русских писателей. — Сын отечества, 1822, ч. 75, № 4; Евгений. Словарь, ч. 2, с. 230; Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. — Учен. зап. 2-го отд. имп. Акад. наук, 1856, кн. 3, с. 248; Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1855, отд. 1, с. 191—195; Савва, архимандрит. Указатель для обозрения Московской Патриаршей библиотеки. М., 1858, с. 223; Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862, т. 1, с. 199; Амфилохий. Древнеславянская Псалтирь Симоновская до 1280 г. М., 1881, т. 1, 4; Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899, с. 2.

Т. А. Исаченко

Фотий (в миру Федор) — монах Волоколамского монастыря, ученик *Кассиана Босого*, писатель и книгописец (ум. 1554). В житии, написанном его учеником *Вассианом Возмицким*, содержатся конкретные сведения биографии Ф. до его пострижения (сохранилось в сборниках *Вассиана Возмицкого* — ГИМ, Синодальное собр., № 927, л. 171—178 и *Нифонта Кормилицына* — ГПБ, Q.XVII.64, л. 353—367; в последнем здесь же сделана приписка о смерти Ф.).

Ф. происходил из Киева, служил у князя Богдана Путивльского, одно время был дядькой у его сына Владимира. В 1500 г., когда Путивль был взят войском великого князя Ивана III, он вместе с князем Владимиром попал в плен. После этого по повелению великого князя он находился на службе у воеводы Ю. И. Замятина. После того как Ф. постригся в монахи, Ю. И. Замятин не прерывал с ним связи.

Судя по записям в описи книг Волоколамского монастыря и по заметкам на самих рукописях, Ф. переписыванием рукописей занимался профессионально, но только в пределах Волоколамского монастыря. Перечисленные в описи книг 1545 г. 13 рукописей «письма Фотеева» входили в основной фонд монастырской библиотеки, а не являлись собственностью самого Ф. (Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, Прил., с. 9, 12, 16). Сохранилось сравнительно много волоколамских рукописей, которые частично или полностью были переписаны Ф. или ему принадлежали (ГИМ, собр. Епархиальное, № 95, 114, 252, 368, 373; ГБЛ, собр. Волоколамское, № 491, 492, 534). Большая часть рукописей, написанных рукою Ф., посвящена богослужебной или церковноназидательной тематике. Тем не менее состав некоторых сборников, принадлежавших Ф., говорит о том, что его следует отнести к тому кругу волоколамских старцев, которые не были чужды литературных интересов. Однако и в данном случае деятельность Ф. не выходила за пределы

Волоколамского монастыря. Он в один из своих сборников включил текст Прения живота и смерти второй редакции, появление и бытование которой есть основание связывать только с литературной средой Волоколамского монастыря (Повести о споре Живни и Смерти/Исслед. и подгот. текста Р. П. Дмитриевой. М., Л., 1964, с. 24). В другом сборнике Ф. переписана *Повесть о Евстратии-Велизарии* пространной редакции, которая широко представлена в волоколамских рукописях XVI в. и, возможно, там была и написана (Дубовик Н. П. К изучению Повести о воеводе Евстратии. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 339; Дмитриева Р. П. Волоколамские четии сборники XVI в. — Там же, с. 219).

Ф. принимал также участие в переписывании в 20-е гг. XVI в. для библиотеки Волоколамского монастыря текста хронографа (см. *Русский Хронограф*), соответствующего списку *Досифея Топоркова* (Седельников А. Д. Досифей Топорков и хронограф. — Известия АН СССР, серия VII. Отд-ние гуманитарных наук, № 9, Л., 1929, с. 766—767). Ф. известен как автор нескольких произведений, относящихся к разным жанрам. Все его произведения дошли до нас в составе рукописей иосифлян. Вассиан Возмицкий, оказывая внимание своему учителю, часть своего сборника ГИМ, Синодальное собр., № 927 посвятил Ф.; на л. 159 об. — 184 он поместил его произведения, а также Житие Ф., автором которого является сам Вассиан.

В научной литературе хорошо известны три произведения, автором которых является Ф.: 1) Служба *Иосифу Волоцкому*, которая часто встречается в волоколамских рукописях (ГИМ, собр. Епархиальное, № 264; собр. Синодальное, № 927; ГБЛ, собр. Волоколамское, № 387, 412, 564, 572); в описании кончины епископа тверского Акакия содержится упоминание о том, что службу Иосифу написал Ф. (ГПБ, собр. Погодина, № 1564, л. 52—52 об.; Строев. Словарь, с. 288); 2) Слово-поучение против сквернословия («Старца Фатея, ученика великаго старца Кассиана Босаго, собрано от божественных писаний, зело полезно, еже не сквернословити языком всем православным христианом, паче же нам иноком, ниже паки рещи матернее лаianie брату своему: блядин сын, какову либо человеку крестьянския наша веры святяя»); 3) Послание к старице Александре («Посланиеце утешительно к старице Александри»).

Возможно, Ф. принадлежат еще два произведения: 4) в рукописи Ф. ГБЛ, собр. Волоколамское, № 491, на л. 64—67 имеется текст, озаглавленный «Вопрошение благоверны инокини княгини Александры, о скимном пострижении, аще кто от инок или инокиня без схимы преставится, и причащении тела Христова, и о добротворении мнишескаго жительства» (нач.: «Что еси государыни, приказала ко мне грешному богомолцу своему, а велела к себе отписать»); 5) Житие Кассиана Босого, по мнению Филарета, написано Ф., а Ключевский склонен считать автором Вассиана Возмиского.

Соч.: Слово-поучение против сквернословия: ПЛ, СПб., 1862, вып. 4, с. 189—191; Марков А. В. Памятники старой русской литературы (тексты и примечания), вып. 1 (оттиск из 1-й книги «Известий Тифлиских высших женских курсов»). Тифлис, 1914, с. 15—21. Послание к старице Александре: ЛЗАР, СПб., 1862, вып. 1, с. 28—33.

Лит.: Филарет. Обзор, с. 213; Строев. Словарь, с. 287—288; Ключевский. Древнерусские жития, с. 295—296; Николаевский П. Ф. Русская проповедь в XV и XVI вв. — ЖМНП, 1868, № 4, с. 113—114; Янковский П. Печалование духовенства за опальных. — ЧОИДР, М., 1876, кн. 1, с. 202; Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977, с. 116—117.

Р. П. Дмитриева

Челищев Петр Иванович (XVII в.) — служилый дворянин, наиболее вероятный автор перевода «Совета воинского». Ч. был представителем старинного дворянского рода. Сведения о Ч. относятся к 1643—1680 гг.

В 1643—1646 гг. он был в «татарских головах», в 1654—1656 гг. вместе с братом Василием Ивановичем был на службе в Литве, в 1680 г. стал дворянином московским. В середине 50-х гг. XVII в. Ч., по-видимому, перевел стихами «Совет воинский» («Koło rycerskie», Kraków, 1576 (?)) — стихотворный сборник дидактических басен и притч Б. Папроцкого, польского поэта и публициста XVI—начала XVII в. Язык перевода тяжел и иногда малопонятен, что явилось следствием буквализма перевода, местами переходящего в транслитерацию. Ценность перевода в плане историко-литературном заключается в том, что это один из самых ранних образцов стихотворного перевода польской поэзии на русский язык и, несомненно, до XVIII в. самый большой по объему (более 4 тысяч стихотворных строк). Единственный известный список, автограф перевода — ГПБ, Q.XV.29. Перевод полностью не опубликован.

Соч.: Николаев С. И. «Круг рыцарский» Б. Папроцкого в русском переводе середины XVII в. — В кн.: Материалы республиканской конференции Студенческого научного общества. III. Русская филология. Тарту, 1977, с. 14—29.

Лит.: Челищев Н. А. Сборник материалов для истории рода Челищевых. СПб., 1893, с. 229—230; Соболевский. Переводная литература, с. 172.

С. И. Николаев

Чижи́нский Степан Федорович (XVII в.) — переводчик, деятель первого русского театра. Как явствует из записки Ч. 1677 г. (опубликована Е. В. Барсовым), он родился во Львовском повете в православной дворянской семье. С 1657 г. участвовал в походах коронного гетмана С. Р. Потоцкого, был ротмистром. Бежал в Киев, два года преподавал латинский язык в Киево-Могилянской коллегии. Потом переехал в Смоленск, где два года учил латыни сына кн. М. А. Голицына — Д. М. Голицына. С 1675 г. Ч. в Москве. В 1675—1676 гг. он руководил постановкой двух пьес — «Комедии о Давиде с Гаммадом» и «Комедии о Бахусе с Венусом» (23 и 24 января 1676 г.). Существует мнение, что Ч. был не только постановщиком, но и автором пьес, но большинство исследователей атрибутируют их пастору И.-Г. Грегори. После смерти царя *Алексея Михайловича* театральная жизнь затихает. Сначала Ч. был переводчиком при Паисии Лигариде, а с 1 февраля 1678 г. зачислен в Посольский приказ в должность переводчика польского и латинского языков. Ч. ездил в Варшаву, Вену, Венецию. В 1689 г. он занимает по величине жалованья пятое место среди 22 переводчиков, а в 1695 г. — третье. В 1692 г. — дворянин московский. К 1700 г. относятся последние сведения о Ч.

В 1678—1681 гг. по указу царя *Федора Алексеевича* Ч. перевел с латинского языка «Книгу о луне и всех планетах небесных» (БАН Литовской ССР) — «Селенографию» И. Гевелиуса (Гданьск, 1647) (см.: Соболевский. Переводная литература, с. 147—148). В 1678 г. с польского языка Ч. перевел «Двор пса́ря турецкого» III. Старовольского (единственный список — ГБЛ, собр. Ундольского, № 1034). В 1688 г. перевел отрывок из книги Я. Окольского «Orbis polonus» (Kraków, 1641) о предках И. Раевского. В 1691 г. Ч. переводит с польского языка «Выдание о добронравии» («Polityka dworskie», Kraków, 1616) Яна Жабчица — сборник морально-дидактических сентенций, среди которых много метких, остроумных бытовых зарисовок, переведенных живым, разговорным языком. Перевод сохранился в 14 списках. Возможно, что Ч. принадлежит и перевод «Четвертака» («Czwartak», Kraków, 1629) Я. Жабчица (известно 3 списка). Ч. писал также силлабические стихи («Стих о пасхе» — ГИМ, собр. Барсова, № 1531, л. 76).

Соч.: Симони П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX ст. СПб., 1898, с. 21—47; Фадеев А. Д. и др. Рукописи и древние акты Воронежского губернского музея. — Труды Воронежской ученой архив-

ной комиссии, Воронеж, 1904, вып. 2, отд. 2, с. 17—24; Николаев С. И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. — ТОДРЛ, Л., 1981, т. 36, с. 163—192 (ср. с. 262 — образец почерка).

Лит.: Барсов Е. В. Новые розыскания о первом периоде русского театра. — ЧОИДР, 1882, кн. 3, отд. 2, с. 4—6; Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906, с. 131; Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914, т. 1, с. 432—433; Лужный Р. «Выдание о добродетели» — древнерусская переработка сочинения Яна Жабчица «Polityka dworskie». — ТОДРЛ, Л., 1969, т. 24, с. 223—227; Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972, с. 312—313.

С. И. Николаев

Шошины Прохор и Яков (XVII в.) — дьяки, книжники. Старший Ш., Прохор — переписчик, текстолог и стихотворец, составивший самое обширное для XVI—XVII вв. собрание трудов *Максима Грека* (рукопись ГПБ, Соловецкое собр., № 310 (495), 1660 г.). Этот труд Прохора Ш. относится ко второй половине XVII в., когда сочинения широко известного и почитаемого писателя были представлены во многих списках, не совпадающих ни в числе, ни в порядке расположения «слов». Списки имели и текстуральные разночтения, среди которых попадались ошибки и опiski («... и в самых речех множае неисправно», — говорится в сопроводительной статье, названной составителем сборника «Пристежение», л. 3). Копия Прохора Ш. была снята с трех рукописных книг, причем писцом тщательно учтены и обозначены расхождения его источников. Чтобы выверить текст и установить его подлинность, он выполнил, таким образом, текстологическое сличение списков, указав вместе с тем, где, по его мнению, можно найти оригинал (книги, «списателевою рукою написанныя или исправленныя», сказано в том же «Пристежении», «не подобихся видети; глаголют же ей быти в пречистей обители живоначалныя Троицы Сергиеве; в нем же и его блаженнейшаго и премудраго Максима самое трудолюбное тело положено, яко драгоценное сокровище хранится» — л. 3, 3 об.). Указание на списки, имеющие собственноручную правку автора, — вполне достоверно (об автографах писателя см.: Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977, с. 12—43).

Сборник предваряют два стихотворных предисловия. Силлабика в этот период стала привычной для высокой речи. Сочинения Ш. «соединяют прозу с риторикой» (выражение А. М. Панченко, примененное им к поэзии приказной школы (Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 34—102), но соотносимое и со стилем книжников, работавших в том же русле в более позднее время). Цель предисловий — не только познакомить читателя с трудами Максима, но и воздать честь их автору. В первом из них («Предисловие на книгу сию», л. 1, 2) составитель сборника прославляет ученого грека как просветителя и философа, пекущегося о крепости православной веры, как борца с «разноверцами и раскольниками». Стихотворец видит в Максиме учителя «премудростных догмат богословия», отмечая те «слова», которые особо ценились церковной ортодоксией, а именно написанные против «богоборных иудеех и еллин» (иудейства и античной мифологии), «измайлтскаго безбожнаго зловерия» (магометанства), «бесодохновеннаго латинскаго злаго лицемерия» (католичества). Кроме этой части, первое предисловие имеет еще две. Одна начинается стихами: «Но о трудолюбная преподобнейшая главо, Всеи гречестей земли, изряднейшая похвало». Упомянуто, откуда явился Максим (из Ватопедской обители), и о том, как он «восиял», дав «нашей велицей России» «светлосиятельно просвещение». В похвале назван труд по переводу Толковой псалтири, для которого он и приехал (в 1518 г.) из Афона. Упомянуто о пользе и других трудов ученого грека по правке церковных книг. После чего сказано, что украшенный «дидакальством» дар его русским людям стоил ему «многих потов и трудов». Концовка сочинения — это молитва-акро-

стих, предваренная замечанием: «списавшаго сиа двострочная предисловия имя в червленых буквах». Прочтение киноварных литер дает имя «Прохор».

Во втором предисловии («Предисловие 2-е до читательника, списано по краегранесию», л. 4 об., 5) упоминается еще несколько «слов». Оно как бы досказывает то, что говорится в первом. Это опять-таки акrostих («списано по краегранесию»), начальные буквы которого сообщают нам должность сочинителя: «благочестивия царицы Марии крестовой диак». Сопоставив эту расшифровку с записью, сделанной в конце сборника, на л. 729 («Книга сия Максима Грека святогорска государыни царицы и великия княгини Наталии Кириловны крестоваго дьяка Якова Шошина. Подписал 183 году своею рукою Яков Шошин»), убедимся, что у Прохора был преемник — видимо, его сын или брат: оба книжника находились в одинаковой должности при крестовой церкви царя *Алексея Михайловича*, причем в акrostихе последнего предисловия и в записи названы первая и вторая жены царя Алексея Михайловича. При Марии Ильиничне (Милославской) крестовым дьяком был Прохор, при Наталье Кирилловне (Нарышкиной), ставшей царицей в 1671 г., ту же должность исполнял Яков III. В справочниках упомянутые III. не обозначены (назван лишь III. Матвей — подъячий; свидетельство о нем относится к июлю 1687 г.).

В Соловецком сборнике есть и третье прозаическое предисловие («Пристежение»). Оно помещено между двумя стихотворными предисловиями и написано также «по-славянски», но в стиле, подобающем деловому тексту. Автор приводит сведения о себе и об обстоятельствах, в которых проводилась работа. В традиционном обращении III.-старшего к читателю есть и нечто необычное для более раннего времени. Новизна просьбы о снисхождении к ошибкам — в ее грамматической ориентации (говорится о «многом погрешении чина орфографии и прочих пристоящих к разуму грамматичному», разум — в значении «учение, наука»), вполне объяснимой из состояния филологии второй половины XVII в., когда практика переводчиков, переписчиков и редакторов испытывала прямое воздействие усилий по «книжному исправлению», вызванных никоновскими реформами, а отсюда и особое внимание к вопросам правописания и грамматики. Соотнесена с этой темой в «Пристежении» и привычная ссылка писцов на собственные «грубость» и «неученость» («несть бо грамматического любомудриа навывковенен и учительства тоа никогда же отнюд виде», л. 2; философия здесь, как видим, слита в одно понятие с грамматикой). И стихотворные предисловия, и «Пристежение» писаны Прохором III. так, как принято в достойных образцах, поэтому представляют собой ценный и достоверный источник для наблюдений и выводов о степени сложения к 60-м гг. XVII в. стилистических норм. Вместе с тем Прохор был не только переписчиком и сочинителем сопроводительных статей, он проявил себя и как составитель собрания, озабоченный его полнотой и точностью, а также и как опытный филолог, умело обработавший собранные им материалы. В «Пристежении» находим и конкретные сведения о сходстве и различии тех источников, по которым он работал («и те преже писанныя книги точию до 15 слова друга к друзеи согласны, прочее же смесны» — л. 3 об.), и о том, как объединялись их показания («аз же писах, что в первеи книзе обретох и потом из втория приписовах, такожде и с третие, и сие воедино совокупих» — там же).

Полнота сборника впоследствии была отмечена. Через двести лет после его создания, приступая к публикации сочинений Максима Грека, издатели указали, что в основе их труда (Максим Грек. Соч. Казань, 1858—1862, ч. 1—3) — четыре списка из библиотеки Казанской духовной академии, из которых самый полный, содержащий, по их мнению, все сочинения писателя, — № 495 (там же, ч. 1, с. 19), т. е. шошинский

сборник. То же достоинство этой рукописи отметили описатели рукописей Соловецкого монастыря (Описание рукописей... ч. 1, с. 486—497). В начале и в конце книги есть оглавления. Первое из них (л. 9—14) названо «Сказание известно главам, яже суть в книзе сеи». Глав (так именуются «слова» Максима) — 163, указан номер главы и лист, на который падает начало текста. Наименования их нередко содержат краткую аннотацию сочинения. Выжимки из той или иной части книги нередко встречаются и на ее полях, давая возможность найти необходимое место. Сочинения ученого грека насыщены сведениями о словах и реалиях, раскрытиями символики, комментариями к разного рода высказываниям. Строение книги содействовало освоению сосредоточенных в ней идей и понятий. Особенно важен в этом отношении раздел, данный в конце ее: «Оглавление изряднейших вещей, обретающихся в книзе сеи» (л. 730—732), где приведены самые существенные, по мысли составителя, темы (в виде фрагментов текста или простого упоминания о данном предмете). Перечень статей расположен в алфавитном порядке и доведен до буквы *И* (был ли он закончен, неизвестно, так как конец рукописи утерян). От любой из подобных статей читатель мог обратиться к тексту глав (например, от статьи «Анивак архидонянин Италию поработи» (л. 447) к посланию *Федору Карпову* (гл. 28), где опровергается версия, что победа Анибалу была предсказана астрологами).

На полях книги, как и в самом тексте, большое число глосс (многие из них принадлежат самому писателю, привлекающему для своих истолкований разнообразные византийские источники). Три списка собраний Максима Грека, которыми пользовался Прохор III., имели разночтения и в глоссах. Составитель включил весь их набор, оговаривая, из какой книги они взяты. Так, в одном из пояснений к тексту «Беседы души и ума» (гл. 14) говорится о «дивих смоквах», которые называют «олиифы» (греч. ὀλιυθος, ὁ) (л. 183 об. и сл.), но тут же киноварью дано указание: «ип толк.» и добавлено на поле «выписан из старой книги Строгановы». В тексте, следующем за этим, смоква соотносится уже со словом «еренеос» (греч. ἐρινεός, ὁ) (там же). Таким же образом на полях отмечены не только лексические разночтения, но даже и самые частные расхождения в формах и написаниях слов (ср., например, три написания имени Гесиода: Исиодъ, Ёсиодъ и Гезиодъ, л. 158). Позднейшие собрания сочинений Максима Грека наподобие шощинского ценны, таким образом, тем, что они соединяют особенности более ранних сборников писателя.

В сборнике есть портрет афонского монаха, начертанный пером (Максим изображен с огромными усами и бородой, закрывающей всю грудь, л. 16). Характерны и сделанные в нем записи. Одна из них о месте написания книги и времени ее завершения (л. 4), в которой дата дана пятью разными способами (соотнесением с годами правления царя и с возрастом его наследника, а вслед за этим еще и по трем известным типам летосчисления; при указании индикта добавлено: «месяца августа 21 день»). Другая запись по поводу включения в состав сборника двух «слов» — «о крестном знамении» и «о сугубой аллилуи». Максим Грек был непререкаемым авторитетом и для старообрядцев, но официальная церковь стремилась лишить их этой опоры, сглаживая и устраняя из его трудов все, что не было признано каноническим. Запись сделана через шесть лет после окончания работы над сборником (упомянут церковный собор 1666 г.). Прохор вынужден был оправдываться («Аз же писах, как было в старых книгах, с коих сия приписана бысть») и ссылаться на крайне сложную для переписчиков того времени обстановку («понеже сия книга писана прежде нынешнего собора, а в то время смятение о книгах в царствующем граде Москве было много»). Теперь же появилось обоснование нужности исправления книг в виде указаний собора и труда *Симеона Полоцкого* («яко же о том повествует соборный свиток и книга „Жезл правления“, ныне же благодатию божиею исправлено и

утверждено», л. 6). Обе записи выполнены крупной скорописью, но на обороте верхней доски есть и еще одна. Мелким скорописным почерком сделана заметка по поводу расхождений в наименовании византийского лексикона Свида (X в.). Затем дана оценка этой греческой книги («красоте бо небесней подобной»): «Аще кто прилежнее чтет, мног разум почерпнет от нея». Над заметкой о Свиде — иная запись, другой рукой, в которой писец упоминает статьи, по его мнению, принадлежащие Максиму, но не попавшие в сборник.

Роль Якова Ш., как можно предположить, состояла в следующем. Сборник в основном писан Прохором. Скорописная владельческая запись находится на л. 729. Перед ней — раздел книги, озаглавленный «3 Толковой псалтыри», писанный той же скорописью. Этот раздел не упомянут в «Сказании глав». На листах, где он дан, нет и проставленной Прохором буквенной нумерации. Они были оставлены Ш.-старшим пустыми, а в самом конце книги (л. 730 и сл.) он поместил «Отглавление изряднейших вещей», которое начал писать, как и другие сопроводительные статьи, мелким полууставом. Однако перечень статей даже на буквы *А* и *Б* был дополнен скорописью. Ею писаны затем и все статьи последующих букв *В*, *Г*, *Д*, но статьи на буквы *Е*, *Ж*, *З*, *И* снова выполнены мелким полууставом. Лишь последняя статья в букве *И* приписана упомянутой скорописью. Итак, эту часть текста Прохор и Яков писали совместно. Последний использовал затем пустые листы, чтобы включить еще один раздел, и сделал на переплете книги заметку о неполноте сборника, выразив этим стремление к дальнейшему разысканию «слов» Максима. Из всего этого ясно, сколь непосредственно передавались книжные традиции и с каким тщанием они оберегались.

Отрывки из первого предисловия Прохора Шошина и часть «Пристегновения» напечатаны в «Описании рукописей Соловецкого монастыря» (Казань, 1881, ч. 1, с. 487, 488).

Л. С. Ковтун